РК-2
К-151=3 1845г
170033

1934

часть 2-3

~~часть 2.~~

МОЛОДИКЪ.

Рисовалъ на камнѣ М. Башиловъ.
Литогр. П. Ботенкова въ Харьковѣ

МОЛОДИ́КЪ

НА 1844 ГОДЪ,

УКРАИНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ,

Издаваемый И. Бецкимъ.

(Въ пользу Харьковскаго дѣтскаго пріюта).

ПЕЧАТЬ БИБЛІОТЕКИ ИМПЕР. ХАРЬК. УНИВЕРСИТЕТА.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ХДУ Інв. № 31471

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1843.

Центральна Наукова БІБЛІОТЕКА при ХДУ Інв. № 170033

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ, С. Петербургъ, 10 Сентября 1842.

Ценсоръ А. Очкинъ.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

Ценсоръ А. Никитенко.

Ценсоръ А. Фрейгангъ.

Напечатано иждивеніемъ Его Сіятельства, Харьковскаго Губернскаго Предводителя, Князя Василія Петровича Голицына.

I.

НАУКИ И МАТЕРІАЛЫ.

ОСНОВАНІЕ
ХАРЬКОВСКАГО КОЛЛЕГІУМА,
НЫНѢШНЕЙ
ХАРЬКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
СЕМИНАРІИ.

Харьковскій Коллегіумъ, подъ именемъ Славено-латинскихъ школъ, основанъ 1726 года въ городѣ Харьковѣ Преосвященнымъ Епископомъ Бѣлоградскимъ Епифаніемъ при пособіи Генералъ-Фельдмаршала Князя Михайла Михайловича Голицына, бывшаго въ то время главнокомандующимъ на Украинѣ, и имѣвшаго пребываніе въ Харьковѣ. Преосвященный Епифаній купилъ для сего училища каменный большой двухэтажный домъ съ довольно обширнымъ дворовымъ мѣстомъ у Полковника Лаврентія Шидловскаго за 500 рублей, (*) и присоединилъ къ оному приходскую каменную о двухъ престолахъ Покровскую церковь, учредилъ монастырь, и наименовалъ оный Харьковскимъ училищнымъ покровскимъ, что указомъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сунода 1799 года и утверждено. Ревностный патріотъ и любитель наукъ Генералъ-Фельдмаршалъ Голицынъ купилъ села: Пѣсочки, Руба-

(*) Сіе видно изъ копіи крѣпости, имѣющейся въ крѣпостной книгѣ въ Коллегіумской библіотекѣ.

новку, Замосскій кутъ и другія съ хуторами и угодьями, и отдалъ Коллегіуму на содержаніе учителей и учениковъ. Въ отчинахъ сихъ было 5 деревень и 4 хутора, въ коихъ находилось крестьянъ 650 душъ, пахатной, сѣнокосной и лѣсной земли 3076 десятинъ, мельничныхъ колъ 51, винокуренныхъ заводовъ три, кромѣ садовъ, рыбныхъ ловель и другихъ заведеній (*). Покровительствуя сіе училище, онъ далъ предписаніе военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, подлинникомъ хранящееся въ библіотекѣ коллегіума, нижеслѣдующее:

«По указу Ея Императорскаго Величества Самодержицы «Всероссійской и прочая, и прочая, и прочая. Азъ учреж- «денный Ея Императорскаго Величества надъ войски «Генералъ-Фельдмаршалъ и Кавалеръ ордена Святаго «Апостола Андрея и Лейбъ-Гвардіи полку Семеновскаго «Полковникъ Князь Михаилъ Голицынъ симъ объявляю: «которые маетности подлежащіе до Харьковскаго Коллегі- «ума состоятъ въ полку Харьковскомъ, тѣхъ маетностей «обывателемъ обидъ и налогъ, ктобъ какого званія ни «былъ, не показывать; и сверхъ опредѣленнаго по указомъ «Ея Императорскаго Величества безденежно ничего не брать «вышнимъ подъ опасеніемъ воинскаго суда, а нижнимъ «наказанія на тѣлѣ по силѣ преступленія, того ради во «вѣрность сего подписую рукою своею съ приложеніемъ «печати.

Князь Голицынъ.

Москва,
Марта 19 дня 1730 года.

(*) Вотчины сіи отобраны, какъ монастырскія, въ 1787 году.

На содержаніе учителей и учениковъ Коллегіума, кромѣ доходовъ съ вотчинъ, дарованныхъ Княземъ Голицынымъ; получаема была изъ монастырей 20-я, да изъ приходскихъ церквей 30-я часть доходовъ, которой суммы восходило въ годъ болѣе 1000 руб. Сверхъ сего Преосвященный Епифаній купилъ разнаго рода недвижимое имѣніе и утвердилъ оное за училищнымъ монастыремъ. По указу Святѣйшаго Сунода въ тоже время собираемые Богодуховскаго уѣзда въ селѣ Каплуновкѣ при Чудотворной иконѣ Богородицы съ молебновъ доходы, поступавшіе съ 1722 года на Бѣлоградскія училища, обращены на содержаніе Харьковскаго Коллегіума, коихъ ежегодный сборъ простирался до 600 рублей.

1731 года Преосвященный Епифаній на утвержденіе въ Харьковѣ заведенныхъ славено-латинскихъ школъ исходатайствовалъ именную Высочайшую, писанную на пергаментѣ за собственноручнымъ подписаніемъ Императрицы Анны Іоанновны грамоту, которая нынѣ въ библіотекѣ коллегіумской въ подлинникѣ хранится:

Божію поспѣшествующею милостію, мы Анна Императрица и Самодержица Всероссійская Московская, Кіевская, Владимірская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская, и Великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Корельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская, и иныхъ; Государыня и Великая Княгиня Новгорода, Низовскія земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Бѣлозерская, Удорская, Обдорская, Кондійская, и всея сѣверныя страны повелительница; и Государыня Иверскія зем-

ли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей и Кабардинскія земли, Черкаскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ наслѣдная Государыня и обладательница Наше Императорское Величество чрезъ сіе объявляемъ; понеже дядя Нашъ Петръ Великій Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій какое особливое попеченіе о размноженіи училищъ и школъ, какъ духовныхъ для прославленія имени Божія и защищенія Россійскія церкви, такъ и для свѣтскихъ разныхъ наукъ, о томъ всѣмъ извѣстно и собственно въ регламентѣ духовномъ выданномъ въ 1721 году объявлено, чтобъ каждой Архіерей въ своихъ Епархіяхъ имѣлъ школы и семинаріи, о чемъ такожде и другими указами подтверждено было; а нынѣ Нашему Императорскому Величеству Богомолецъ нашъ Преосвященный Епифаній Епископъ Бѣлоградскій и Обоянскій всеподданнѣйше билъ челомъ, что онъ Преосвященный Епископъ построилъ въ своей Епархіи въ городѣ Харьковѣ въ надеждѣ лучшаго Священства и къ защищенію Россійскія церкви училищной Покровской монастырь и въ немъ Славено-греко-латинскія школы каменныя, и учредилъ игумена такогожъ надъ школами и учителями Ректоромъ для лучшаго управленія и смотрѣнія, какъ учителей, такъ и учениковъ, да еще Префекта и учителей, а имянно всѣхъ семь человѣкъ, отъ чего де не токмо Священству, но и отечеству Россійскому по милости Божіей не малой плодъ происходитъ; и чтобъ на подкрѣпленіе тѣхъ школъ и свободнаго въ нихъ ученія, дабы и впредь были отъ его сукцессоровъ содержаны не нарушимо, дать нашу жалованную грамоту. И мы Всепресвѣтлѣйшая, Самодержавнѣйшая Великая Государыня Анна Іоановна Наше

Императорское Величество, слушавъ онаго Богомольца нашего Преосвященнаго Епифанія Епископа Бѣлоградскаго и Обоянскаго челобитья, и усмотря его Архіерейское въ томъ особливое попеченіе и тщаніе, ревнуя вышеупомянутому дяди нашего Петра Великаго намѣренію и опредѣленію Всемилостивѣйше пожаловали, указами тому Харьковскому монастырю и въ немъ славено-греко-латинскимъ школамъ Игумену и Ректору, такожъ учителямъ быть вѣчно и ненарушимо, и оной содержать по нашимъ Императорскимъ указамъ и по духовному регламенту не премѣнно, а въ томъ монастырѣ Игумену и Ректору и всѣмъ учителямъ довольствоваться тѣми доходами, чемъ они нынѣ по разсмотрѣнію Епифанія Епископа Бѣлоградскаго, яко перваго строителя того монастыря и училища, удовольствованы; а учить всякаго народа и званія дѣтей православныхъ не токмо Піитикѣ, Риторикѣ, но и Философіи, и Богословіи, Славено-греческимъ и Латинскимъ языкамъ; такожде стараться, чтобы такія науки вводить на собственномъ Россійскомъ языкѣ, и преподавать ученія со усерднымъ тщаніемъ, ревностію и радѣніемъ, отнюдь не отлучаясь ни въ чемъ святыя восточныя Церкви исповѣданія; а неспокойныхъ и вражды творящихъ учителей и учениковъ унимать и смирять, и ни до какого своевольства не допущать. Чего ради сего Нашего Императорскаго Величества жалованною граматою тотъ Харьковскій училищный Покровскій монастырь и въ немъ школы и въ нихъ свободное ученіе утверждаемъ; и при томъ повелѣваемъ всѣмъ нашимъ подданнымъ какъ военнымъ, такъ и штатскимъ и всякаго званія и чина людямъ тому училищному монастырю и въ немъ Ректору, учителямъ и ученикамъ въ школахъ

обрѣтающимся, также внѣ монастыря живущимъ подданнымъ и слугамъ монастырскимъ отнюдь обидъ и утѣсненія никакого не чинить: а ежели кто тому монастырю, также Ректору, учителямъ школьнымъ и внѣ монастыря и въ школахъ обрѣтающимся нынѣ и впредь будущимъ, учнетъ чинить какія обиды или стѣсненія, въ томъ защищать и по нашимъ правамъ и указамъ оборонять; и для вящаго утвержденія реченному богомольцу нашему Преосвященному Епифанію Епископу Бѣлоградскому и Обоянскому и по немъ будущимъ сію нашу Императорскаго Величества жалованную грамоту за подписаніемъ нашія Монаршескія руки и печатью Государственною утвердить повелѣли. Дана въ Москвѣ Марта 16 дня 1731 года, государствованія нашего втораго года.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Анна.

Скрѣпилъ Графъ Головкинъ.

Печать на красномъ воску въ серебренномъ позлащенномъ кругломъ футлярѣ съ изображеніемъ на немъ всероссійскаго герба.

Въ слѣдствіе сей высочайшей грамоты въ 1734 году открытъ Богословскій классъ, и училище начало именоваться Харьковскимъ Коллегіумомъ, а потомъ въ 1740 годахъ Тихориціанскою (по имени основателя Преосвященнаго Епифанія Тихорскаго) и просто Харьковскою Академіею. Что явствуетъ изъ училищныхъ актовъ и консисторскихъ указовъ 1742 и 1745 годовъ за бывшихъ Преосвя-

щенныхъ Митрополитовъ Бѣлоградскихъ Петра и Антонія. Указами изъ Святѣйшаго Сѵнода 1742 и 1744 года велѣно всѣхъ учителей и учениковъ Бѣлоградской, Курской и Старооскольской Семинаріи собрать въ Харьковскій Коллегіумъ, такъ же отъ дома Ахтырскаго всѣ вотчины и недвижимыя имѣнія, данныя Коллегіуму Преосвященнымъ Епифаніемъ, возвратить сему училищу. Сими указами подтвержденъ вновь вышеупомянутый сборъ на Коллегіумъ доходовъ съ церквей, Монастырей и отъ Каплуновской Иконы. Но сіи сборы, исключая доходовъ отъ Каплуновской иконы, 1765 года по указу Государыни Императрицы Екатерины II отмѣнены, а вмѣсто ихъ отпущать повелѣно на коллегіумъ изъ Коллегіи экономіи въ годъ по 816 рублей и 39¾ копѣйки.

1765 года въ данной Губернатору Слободско—Украинской губерніи Инструкціи собственною рукою Государыни Императрицы Екатерины II-й написана двадесятая статья тако:» Къ преподаваемымъ нынѣ въ Харьковскомъ Коллегіумѣ наукамъ прибавить классы французскаго и нѣмецкаго языковъ, Математики, Географіи и Рисованія, а особливо Инженерства, Артилеріи и Геодезіи, на что и сумма до трехъ тысячъ рублей изъ неокладныхъ доходовъ опредѣляется, и у кого тотъ Коллегіумъ въ вѣдомствѣ состоитъ, съ тѣмъ губернской канцеляріи, о лучшемъ возстановленіи и распространеніи наукъ учиня сношеніе, употребить общее стараніе.» Но съ 1768 года сіи новоприбавленные классы остались въ вѣдѣніи Губернскаго Правленія; а нынѣ бывъ преобразованы въ Гимназію, зависятъ отъ Императорскаго Харьковскаго Университета.

1770 года стараніемъ Преосвященнаго Епископа Самуила Мисловскаго состроенъ каменный объ одномъ этажѣ большой корпусъ для помѣщенія бурсы, на счетъ доходовъ отъ Каплуновской Иконы и другихъ испрошенныхъ суммъ.

1774 года присланы въ Коллегіумъ отъ бывшаго тогда при Вѣнскомъ дворѣ Россійско — Императорскаго полномочнаго Министра Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и Кавалера Дмитрія Михайловича Голицына въ память, родителя своего перваго основателя Коллегіума 8-мъ бронзовыхъ фамильныхъ медалей съ изображеніемъ на латинскомъ языкѣ на 1-й и 2-й Князя Михаила Голицына, на 3. Князя Алексѣя Голицына.

на 4. Князя Іоанна Трубецкаго.

— 5. Княгини Ирины Трубецкой.

— 6. Княгини Татіаны Голицыной.

— 7. Княгини Анастасіи Трубецкой.

1780 года доходы съ Каплуновской церкви поступили въ вѣдомство казенное, а по новымъ штатамъ на Епархіское Бѣлоградское училище опредѣлено по 2000 руб., кои всѣ получались на Харьковскій Коллегіумъ за исключеніемъ нѣкоторой только части на Бѣлгородскія училища, въ коихъ тогда находились два только грамматическіе класса.

1787 года Государыня Императрица Екатерина II, во время путешествія своего изъ полуденнаго края чрезъ Харьковъ, Всемилостивѣйше пожаловала на Коллегіумъ единовременно 1000 рублей.

1793 года Преосвященный Епископъ Курскій Ѳеоктистъ исходатайствовалъ у Святѣйшаго Правительствующаго Сv-

нода 1152 руб. 86¼ коп., на которую сумму перекрыты оба Коллегіумскіе корпусы, перестроены учительскія келіи и прочія ветхости починены.

1792 года Князь Димитрій Михайловичь Голицынъ, полномочный Министръ при Вѣнскомъ Дворѣ, опредѣлилъ завѣщаніемъ своимъ внесть на вѣчныя времена Московскаго воспитательнаго дома въ сохранную казну 10,000 рублей съ тѣмъ, чтобы проценты изъ онаго капитала обращались въ пользу Коллегіума, которая сумма и внесена въ Московскій опекунскій совѣтъ Княземъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ, и копія съ свидѣтельства, даннаго отъ оной сохранной казны, препровождена въ Коллегіумъ при слѣдующемъ объявленіи:

Губернскаго города Харькова въ заведенный въ оном въ 1727 году Коллегіумъ.

Отъ Оберъ-Камергера Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и Ордена Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго и бѣлаго Орла Кавалера Князя Александра Князя Михайлова сына Голицына,

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Съ какимъ расположеніемъ братъ мой двоюродной Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Дѣйствительный Камергеръ, бывшій при Римскомъ Императорскомъ Дворѣ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ, и Орденовъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго, Свят. Равноапостольнаго Князя Владиміра 1-й степени и Св. Анны Кавалеръ, покойный Князь Димитрій Михайловичь

Голицынъ оставилъ въ пользу онаго Коллегіума 10,000 р., какъ и на какомъ основаніи мною внесены оные Императорскаго воспитательнаго дома въ московскій опекунскій совѣтъ, и по скольку ежегодно имѣетъ быть выдаваемо въ пользу сего училища процентовъ, о томъ изъ приложенной при семъ копіи съ свидѣтельства, даннаго мнѣ отъ сохранной онаго казны, усмотрѣть изволите (*). Но какъ я, будучи учрежденъ отъ покойнаго брата моего душеприкащикомъ, то долгомъ себѣ поставляю просить г. главныхъ начальниковъ Коллегіума, что бы они благоволили избирать учителей знающихъ, исправныхъ, усердныхъ, честныхъ, добронравныхъ и трезвыхъ, дабы опредѣленная имъ ежегодная выдача чрезъ стараніе ихъ приносила обществу пользу.

Я удостовѣренъ, что оные г. начальники, какъ нынѣшніе, такъ и впредъ опредѣляемые, рачительно исполнять будутъ, чтобъ все вышеписанное въ точности исполняемо было.

Князь Александръ Голицынъ.

Москва 8 Августа 1794 года.

1795 года Князь Александръ Голицынъ препроводилъ въ Коллегіумъ 250 руб. при слѣдующемъ письмѣ на имя Г. Ректора и учителей:

(*) Оные 10,000 внесены, какъ изъ упомянутаго свидѣтельства явствуетъ въ Московскій Опекунскій Совѣтъ на вѣчныя времена съ тѣмъ, чтобы, изъ получаемыхъ на оный капиталъ процентовъ 500 руб. выдаваемо было ежегодно въ жалованье учителю Философіи 200 руб., учителю Риторики 200 руб. и учителю Синтаксимы 100 руб.

Государи мои!

На сей почтѣ препроводилъ я въ Харьковскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія въ пользу учащихся въ Коллегіумѣ 250 руб. при моемъ объявленіи, съ котораго у сего прилагаю копію (*). Съ нелицемѣрнымъ почтеніемъ и всеусерднымъ расположеніемъ пребываю и проч.

Князь А. Голицынъ.

Москва 1795 года
Декабря 25 дня.

Тогоже года Князь Александръ Голицынъ прислалъ въ Коллегіумъ портреты благотворителей сего училища, Князей дяди своего Михаила Михайловича и сына его Димитрія Михайловича Голицыныхъ.

Съ 1798 года по случаю двойной прибавки на духовныя училища суммы, Коллегіумъ получалъ окладной суммы по 2000 руб. въ годъ.

(*) Въ семъ объявленіи значится, что онъ К. Голицынъ разсудилъ за благо сдѣлать пособіе въ содержаніи и обучающимся при Коллегіумѣ и въ домѣ онаго живущимъ сиротамъ: для того и отправилъ въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія 250 руб., прося оный Приказъ доставить оные деньги въ Харьковскій Коллегіумъ для содержанія бѣдныхъ учениковъ, удостовѣря при томъ ихъ, что и впредь ежегодно изъ оставленной покойнымъ братомъ его Княземъ Димитріемъ Голицынымъ суммы имѣетъ онъ доставлять въ Августѣ мѣсяцѣ по 250 руб., и что сіе и покончинѣ его исполняемо будетъ.

Центральна Наукова БІБЛІОТЕКА при ХДУ Інв. №
ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ХДУ Інв. № 3144

1799 года отъ благотворительной скрывавшей свое имя особы (*) препровождено къ Князю Александру Голицыну 5000 рублей для внесенія оныхъ въ Московскій Опекунскій Совѣтъ на вѣчныя времена съ тѣмъ, чтобы проценты съ оныхъ поступали въ пользу Коллегіума на содержаніе обучающихся въ ономъ сиротъ, кои деньги Его Сіятельствомъ по волѣ благотворительной оной особы того же 1799 года и внесены въ упомянутый Совѣтъ.

1801 года Его Сіятельство Князь Голицынъ внесъ въ сохранную казну Московскаго Опекунскаго Совѣта 5000 руб. съ тѣмъ, чтобы проценты на оные 250 вмѣсто присылаемыхъ имъ ежегодно, поступая на Коллегіумъ, употребляемы были на содержаніе сиротъ, какъ изъ духовнаго званія, такъ изъ дворянъ и разночинцовъ.

Того же года Его Сіятельство, отъ имени благотворительной особы, скрывавшей свое имя (Маріи Шереметьевой), внесъ еще 10,000 рублей въ Московскій Опекунскій Совѣтъ при слѣдующемъ письмѣ на имя Префекта Протоіерея Андрея Прокоповича и учителей:

Государи мои!

Будучи ревностнымъ послѣдователемъ предкамъ моимъ къ приведенію Коллегіума въ цвѣтущее состояніе, утѣшаюсь я душевно тому, что соревнующія особы мнѣ дѣлаютъ лестное довѣріе во благо Коллегіума. На сихъ дняхъ одна благотворительная и мнѣ извѣстная, однакожъ отъ другихъ

(*) Сія благотворительная особа, какъ оказалось по смерти ея послѣдовавшей 1807 года, была вдова Лейбъ Гвардіи умершаго Капитана Петра Шереметьева супруга Марія Петровна.

имя свое скрывающая особа, (кромѣ доставленныхъ 1799 года пяти тысячь рублей, кои тогда же внесены въ Московскій Опекунскій Совѣтъ) доставила ко мнѣ при письмѣ своемъ Государственными ассигнаціями 10,000 рублей въ пользу обучающихся въ Харьковскомъ Коллегіумѣ бѣдныхъ сиротъ, предоставляя мнѣ въ полную волю сдѣлать онымъ распредѣленіе по моему благоусмотрѣнію (*). Впрочемъ имѣю я васъ о нижеслѣдующемъ увѣдомить: въ минувшемъ 1795 году при отправленіи отъ меня въ Коллегіумъ портретовъ покойныхъ роднаго моего дяди Фельдмаршала Князя Михаила Михайловича и сына его, а моего брата Князя Димитрія Михайловича Голицыныхъ, требовали покойный отецъ Архимандритъ и Ректоръ Василій и Префектъ и Богословіи учитель честный отецъ Протоіерей Андрей письмомъ своимъ отъ 11 Февраля того же года, чтобъ я и свой собственной доставилъ. Я теперь на сіе согласуюсь, и имѣю оной портретъ отсюда въ Харьковъ отправить съ прибавленіемъ къ тому родословной книги

(*) Сіе распредѣленіе изображено въ послѣдующемъ письмѣ Его Сіятельства отъ 28 Маія 1801 года въ слѣдующихъ пунктахъ. Процентные 590 руб. на сіи 10,000 руб. опредѣляю я употреблять ежегодно на нижеслѣдующее: 1.) Чтобы къ находящимся на полномъ содержаніи изъ получаемыхъ съ прежде внесенныхъ мною 10,000 рублей въ сохранную казну процентныхъ 500 прибавлено было еще 3 ученика, на которыхъ ежегодно отпускать 100 2.) Учителямъ Нѣмецкаго и Французскаго языковъ по 100, учителямъ Математики и Рисовальнаго искуства по 50 рублей 3.) на книги и Физическіе инструменты и другія пособія 50 руб. 4.) на больницу Коллегіумскую 50 рублей. О точномъ восполненіи вышеписаннаго благоволите прилагать усердное стараніе.

Голицынской фамиліи (*) сверхъ того пришлю три серебренныя медали покойнаго Князя Димитрія Михайловича съ ихъ описаніемъ, изъ которыхъ опредѣляю я представить одну Его Преосвященству, другую оставить въ Коллегіумѣ, яко памятники, служащіе учащимъ и учащимся доказательствомъ о нашей любви, усердіи и доброжелательствѣ къ Коллегіуму. За тѣмъ съ истиннымъ почтеніемъ пребываю.

Князь Александръ Голицынъ.

Москва 1801 года.
Апрѣля 2.

1802 получено отъ Его Сіятельства на имя преосвященнаго Христофора Епископа Слободско-Украинскаго и Харьковскаго слѣдующее письмо:

Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Государь мой и Архипастырь!

Долгомъ поставляю Ваше Преосвященство извѣстить, что какъ намѣреніе моихъ предковъ, а особливо покойнаго брата моего князя Димитрія Михайловича и неизвѣстной для Коллегіума благотворительной персоны, такъ и мое всегда было, чтобъ въ оной Харьковской Коллегіумъ не однихъ только духовнаго званія учениковъ принимать, но также и изъ бѣдныхъ дворянъ и разночинцовъ, ибо въ пользу духовнаго званія дѣтей довольно есть учрежден-

(*) Портретъ поставленъ въ Коллегіумской залѣ, и книга родословная и медаль съ описаніемъ ея хранятся въ Библіотекѣ.

ныхъ семинарій, для дворянъ же и разночинцовъ, которыхъ числомъ гораздо больше, нежели духовныхъ, подобныхъ училищъ недостаточно; чего для въ таковомъ смыслѣ Харьковская школа и называется Коллегіумомъ, а не семинаріею. Я осмѣливаюсь просить васъ, Преосвященнѣйшій Владыко! дабы въ Коллегіумъ принимались наравнѣ, какъ духовнаго чина ученики, такъ дворяне и разночинцы; ибо въ противномъ случаѣ необинуясь чистосердечно сказать могу, что я уже откажусь участіе въ пользу онаго больше принимать потому, что тогда довольно будетъ и одного вашего о его благѣ старательства.

Впрочемъ какъ и всегда пребуду съ чувствами истиннаго почтенія и нелицемѣрной преданности.

Вашего Преосвященства

Покорнѣйшимъ слугою

К. Александръ Голицынъ.

Москва 1802 года
Апрѣля 29 дня.

1804 года получены отъ Князя Александра Голицына бронзовые на мраморныхъ пьедесталахъ бюсты, представляющіе благотворителей Коллегіума Князей Михаила Михайловича и сына его Димитрія Михайловича Голицыныхъ, изваянные и препровожденные къ нему Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ Графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцовымъ, племянникомъ Князя Голицына по матери, при слѣдующемъ сообщеніи:

Отъ Оберъ Камергера Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Орденовъ Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго и Бѣлаго Орла Кавалера, Импе-

раторскаго воспитательнаго дома почетнаго благотворителя, Екатерининскаго въ Москвѣ Института Благородныхъ Дѣвицъ старшаго Директора, Императорской и Голицынской публичныхъ въ Москвѣ Больницъ Главнаго Директора Князя Александра Княжъ Михайлова сына Голицына,

ВЪ ХАРЬКОВСКІЙ КОЛЛЕГІУМЪ

СООБЩЕНІЕ.

Получа отъ племянника моего Министра Коммерціи Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и разныхъ орденовъ кавалера Графа Николая Петровича Румянцова отъ 27 Генваря сего года письмо и при ономъ отъ усердія его изваянные два бронзовые бюста, изображающіе благотворителей оному Коллегіуму, первой дѣда его, а моего дяди Фельдмаршала Князя Михайла Михайловича, а другой дядю его, а моего брата Князя Димитрія Михайловича Голицыныхъ, препровождаю означенные бюсты, прилагая при семъ въ оргиналѣ письмо Графа Николая Петровича Румянцова, прошу почтенный Коллегіумъ по содержанію сего письма исполнить въ честь ему, къ сохраненію памяти благотворителей и воодолженіе меня.

К. Александръ Голицынъ.

Москва 1804 г.
23 Февраля.

Милостивѣйший Государь мой Князь

Александръ Михайловичъ!

Услаждаясь тою мыслію, что дѣдъ мой Князь Михайло Михайловичъ на пользу Харьковскаго Училища, воспитавшаго столько полезныхъ отечеству людей, сдѣлалъ въ свое время не малыя пожертвованія, и по сравненіи тогдашней эпохи конечно не обыкновенныя, я изваялъ бронзовое изображеніе его, равно и сына его Князя Димитрія Михайловича, также участвовавшаго въ пособіи училищу. Принадлежа по матери къ роду Князей Голицыныхъ, не по одному темному движенію крови, я тронулся честію сберечь образъ сихъ мужей; но привлеченъ къ тому былъ и тѣмъ общественнымъ мнѣніемъ, котораго съ благомыслящими соотчичами нельзя не раздѣлять къ нимъ.

Я судилъ справедливѣйшимъ препроводить бюсты къ Вашему Сіятельству, въ лестномъ чаяніи, что вы исходатайствуете имъ пристойное мѣсто въ извѣстной залѣ Харьковскаго училища. Самъ по себѣ не смѣлъ я сего сдѣлать, а обратился къ Вашему Сіятельству въ томъ разумѣ, что вручаю ихъ старшему въ родѣ Князей Голицыныхъ, какъ такой особѣ, которая снискала по государству общее почтеніе и добродѣтелями и достоинствами извѣстными. Пріймите, Милостивый Государь мой, приносимую отъ меня дань свидѣтельствомъ какъ моей приверженности къ толь знаменитому роду, такъ и особливой преданности къ вашему лицу.

Честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ.

Вашего Сіятельства

Покорнѣйшій слуга

Графъ Николай Румянцевъ.

1806 года Князь Александръ Голицынъ отъ вышеупомянутой неизвѣстной особы (Маріи Шереметьевой) въ Московскій Опекунскій Совѣтъ внесъ въ пользу Коллегіума 5000 рублей, предоставляя распоряженію Коллегіумскаго Правленія слѣдующіе на оные проценты.

1807 года удвоена Коллегіумская окладная сумма, почему съ сего времени Коллегіумъ получалъ оной по 4000 въ годъ.

1811 года изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сунода при указѣ присланы въ Коллегіумъ пожертвованные Государственнымъ Канцлеромъ Графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцовымъ 100 серебренныхъ медалей для раздачи при годичномъ испытаніи отличнымъ успѣхами и и благонравіемъ ученикамъ Коллегіума, также и штемпель, и билетъ со взнесеннаго Г. Сунодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ Княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ Санктпетербургскаго воспитательнаго дома въ опекунскій совѣтъ 2000 капитала, пожертвованнаго также Графомъ Румянцовымъ для выбитія ежегодно таковыхъ же медалей на предбудущее время. Въ семъ указѣ прописанъ Высочайшій Его Императорскаго Величества за собственноручнымъ подписаніемъ Указъ на имя Коммиссіи духовныхъ училищъ.

«Государственный Канцлеръ Графъ Румянцовъ изъ уваженія къ памяти покойнаго дяди своего, бывшаго въ Вѣнѣ полномочнымъ посломъ, Князя Димитрія Голицына, между многими предметами благотворительности, особенное имѣвшаго попеченіе о Харьковскомъ Духовномъ Коллегіумѣ, принесъ просьбу о дозволеніи раздавать ежегодно во время публичныхъ испытаній пятерымъ отличнѣй-

шимъ воспитанникамъ Коллегіума при похвальномъ свидѣтельствѣ по одной серебренной медали съ изображеніемъ Князя Голицына по образу той, каковая была выбита въ Вѣнѣ въ память его добродѣтелей и любви къ наукамъ. Графъ Румянцевъ представилъ сто таковыхъ медалей, а на будущее время вмѣстѣ съ симъ внесетъ для приращенія двѣ тысячи рублей съ тѣмъ, чтобы изъ процентной суммы за исключеніемъ расходовъ на битіе ежегодно по пяти медалей остатки были употребляемы на покупку книгъ и другіе учебные предметы по усмотрѣнію начальства. Пріемля во уваженіе подвигъ Графа Румянцова, и вкупѣ желая отдать справедливость усердію многихъ изъ фамиліи Князей Голицыныхъ при самомъ основаніи Харьковскаго Коллегіума и въ послѣдующія времена благотворившихъ сему учебному заведенію, Мы соизволяемъ на приведеніе въ дѣйствіе вышесказанныхъ предположеній. Коммиссія духовныхъ училищъ не оставитъ учинить на основаніи сего надлежащихъ распоряженій.

1811 года Октября 20 дня.

1815 года Преосвященный Аполлосъ, Епископъ Харьковскій, исходатайствовалъ у Коммиссіи духовныхъ училищъ 30,243 руб, на какую сумму починенъ корпусъ училищный и покрытъ желѣзомъ; а на другомъ Коллегіумскомъ домѣ, именуемомъ бурсою, надстроенъ второй этажъ съ церковію во имя Святаго Апостола Іоанна Богослова, и оный домъ также покрытъ желѣзомъ.

Того же года стараніемъ сего Преосвященнаго испрошено и отослано въ опекунскій совѣтъ Московскаго воспитательнаго дома 8,000 руб. на всегдашнее время, съ тѣмъ

чтобы проценты обращаемы были на духовныя уѣздныя училища.

1817 года при преобразованіи училищъ Кіевскаго Округа Журналомъ Коммиссіи духовныхъ училищъ 15 и 30 Іюля опредѣлено: Харьковскому Коллегіуму въ память основателей и благотворителей его именоваться и впредь Харьковскимъ Коллегіумомъ, съ окладомъ опредѣленнымъ для Семинарій 3-го разряда.

Того же года учреждены при Коллегіумѣ уѣздное и приходское училища.

1819 года открыты училища уѣздныя и приходскія въ городахъ Ахтыркѣ и Купянскѣ, на устроеніе которыхъ употреблено изъ испрошенныхъ попечительностію Его Преосвященства Павла Епископа Слободско-Украинскаго и Харьковскаго до 8000 рублей.

1820 года по опредѣленію сего же Преосвященнаго отослано въ Московскій опекунскій совѣтъ 1000 руб. въ пользу уѣздныхъ училищъ.

1821 года по представленію сего же Преосвященнаго отослано въ Московскій опекунскій совѣтъ 1000 руб. въ пользу уѣздныхъ училищъ.

1821 года по представленію сего же Преосвященнаго отослано Коммиссіею духовныхъ училищъ 124,131 руб. на устроеніе при Коллегіумскомъ жиломъ домѣ особаго корпуса для помѣщенія уѣзднаго и приходскаго училищъ и для квартиръ Профессорамъ и учителямъ, которая постройка того же года и начата.

О БИБЛІОТЕКѢ КОЛЛЕГІУМСКОЙ.

Библіотека въ семъ Коллегіумѣ заведена стараніемъ Преосвященнаго Епископа Бѣлоградскаго Епифанія, въ которую отдалъ онъ много своихъ на Латинскомъ и Греческомъ языкѣ книгъ за собственноручнымъ подписаніемъ. Въ 1732 году умножилъ оную Преосвященный Архіепископъ Бѣлоградскій Досифей Любинскій какъ пожертвованіемъ не малаго числа собственныхъ своихъ книгъ, такъ особенно исходатайствованіемъ именнаго Высочайшаго повелѣнія Государыни Императрицы Анны, по которому всѣ книги покойнаго Митрополита Рязанскаго, бывшаго экзарха Патріаршаго престола, Стефана Яворскаго, въ сію библіотеку отданы, какъ явствуетъ изъ надписей на тѣхъ книгахъ (*).

1761 года стараніемъ Преосвященнаго Епископа Іоасафа Миткевича устроены на каменныхъ монастырскихъ воротахъ камеры для помѣщенія Коллегіумской библіотеки.

Въ сію библіотеку жертвовали книгами въ значительномъ количествѣ Преосвященные Епископы Іоасафъ Миткевичъ и Самуилъ Мисланскій, также Ректоры Коллегіума и другіе благотворители.

1807 года число книгъ значительно умножено присланными Княземъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ изъ Библіотеки Лейбъ Гвардіи Капитана Петра Шереметьева супруги Маріи Петровны по смерти ея въ силу завѣщанія.

(*) На каждой изъ сихъ книгъ надписано: Mandato Augustissimae Russorum imperatricis Annae, Hic liber applicatus est Bibliothecae Collegii Charcoviensis. Anno 1732.

1813 года по завѣщанію Преосвященнаго Епископа Слободско-Украинскаго и Харьковскаго Христофора суммы по смерти его поступило въ библіотеку до 500 книгъ.

1817 года по завѣщанію покойнаго Епископа Харьковскаго Аполлоса Терешкевича поступило въ библіотеку до 300 книгъ.

Нынѣ въ сей библіотекѣ находится около 5000 томовъ книгъ на разныхъ восточныхъ и Европейскихъ языкахъ.

Достопримѣчательнѣйшія книги суть:

1.) Biblia Polyglotta на 6 восточныхъ языкахъ въ 6-ти томахъ. При ней Грамматики и Лексиконы оныхъ языковъ въ двухъ томахъ.

2.) Молитва Господня больше нежели на 100 языкахъ и Діалектахъ.

3.) Bibliotheca Patrum въ 27 томахъ.

4.) Своеручная лѣтопись Митрополита Димитрія Ростовскаго. Другихъ рукописей достопамятныхъ не имѣется, кромѣ разныхъ рукописныхъ на Латинскомъ языкѣ трактатовъ и Лекцій Богословскихъ, Философскихъ и Словесныхъ наукъ, по коимъ преподаваемо было ученіе съ основанія Коллегіума до изданія печатныхъ учебныхъ книгъ.

СПИСОКЪ

РЕКТОРОВЪ И ПРЕФЕКТОВЪ

Харьковскаго Коллегіума.

РЕКТОРЫ.

Игумены.

1. Платонъ Малиновскій изъ Префектовъ Московской Академіи съ 1726 по 1729 годъ, потомъ произведенъ Архимандритомъ въ Старохарьковскій монастырь; 1742. Хиротонисанъ во Епископа Крутицкаго; 1744 года переименованъ Архіепископомъ Маковскимъ; 1754 скончался въ Москвѣ.

2. Митрофанъ Слатвинскій съ 1730 по 1738 годъ; потомъ Московской Академіи Ректоръ; 1742. Хиротонисанъ Архіепископомъ Тверскимъ.

3. Варлаамъ Тищинскій съ 1739 по 1742 годъ; потомъ Архимандритъ Старохарьковскаго Преображенскаго монастыря, гдѣ и скончался.

Архимандриты.

4. Афанасій Топольскій съ 1742 по 1744. Со времени вступленія его въ должность Ректора учреждена Архимандрія въ Покровскомъ училищномъ монастырѣ, и сему

первому Архимандриту по Высочайшему указу велѣно по примѣру Ректоровъ въ Московской Академіи носить крестъ и мантію съ скрыжалями.

5. Гедеонъ Антонскій съ 1744 по 1753. Ему и пріемникамъ его по Высочайшему указу Государыни Императрицы Елисаветы велѣно носить панагію финифтяную съ брилліантами, которая изъ Троицкаго Сергіева монастыря препровождена въ Харьковскій училищный монастырь при указѣ изъ Святѣйшаго Сунода 1744 г. Іюня 7 дня.

6. Радаилъ Мокренскій съ 1753 до 1758; потомъ Архимандритъ Святогорскаго монастыря, гдѣ и скончался.

7. Константинъ Бродскій изъ Префектовъ Московской Академіи съ 1758 по 1763 годъ, въ которомъ скончался.

8. Іовъ Базилевичь съ 1763 по 1770; потомъ переведенъ въ Курской Знаменской монастырь, а оттуда хиротонисанъ въ Епископа въ Переяславль.

9. Лаврентій Кордетъ съ 1770 по 1775; потомъ переведенъ въ Курской Знаменской монастырь, гдѣ и скончался.

10. Варлаамъ Мирославскій съ 1777 по 1779; потомъ переведенъ въ Кіевъ и 1784 года опредѣленъ Ректоромъ Кіевской Академіи.

11. Василій Базилевичь съ 1779 по 1798 годъ, въ которомъ скончался и погребенъ въ Старохарьковскомъ монастырѣ.

12. Досифей съ 1799 по 1800 годъ, въ которомъ году за учрежденіемъ Слободско-Украинской Епархіи и за обращеніемъ Покровскаго монастыря въ Кафедральный Соборъ переведенъ изъ Полтавской Епархіи въ Лубенскій

монастырь, а оттуда въ Георгіевской Екатеринославской Епархіи, гдѣ и скончался.

13. Андрей Прокоповичь Градскаго Собора Протоіерей и Ордена 2-й степени Св. Анны кавалеръ съ 1801 до нынѣ, съ 1794 Богословія учитель; а съ 1817 года Профессоръ Богословскихъ наукъ.

ПРЕФЕКТЫ.

Іеромонахи.

1. Иларіонъ Григоровичь съ 1726, потомъ Архимандритъ Святогорскаго монастыря.
2. Митрофанъ Слатижскій 1730 годъ, потомъ Ректоръ.
3. Кириллъ Галичь съ 1730 по 1736 годъ.
4. Іеромонахъ Аѳанасій Топольскій съ 1736 по 1742.
5. Гавріилъ Зарудинскій по 1742.
6. Амвросій Попель 1743.
7. Рафаилъ Мокренскій.
8. Епифаній Бѣлогородскій по 1751.
9. Іакинѳъ Карпинскій.
10. Ѳеофанъ Федоровскій, потомъ Архимандритъ Святогорскаго монастыря, гдѣ и скончался.
11. Іовъ Базилевичь; потомъ Ректоръ.
12. Лаврентій Кордетъ Игуменъ, потомъ Ректоръ въ 1759.
13. Филаретъ Финевскій Игуменъ.
14. Михаилъ Шванскій священникъ, а потомъ Протоіерей Успенскаго Харьковскаго Собора по 1790 годъ, въ которомъ скончался онъ; съ 1778 года преподавалъ Богословіе.
15. Іераксъ Емельяновъ, Іеромонахъ и Богословія учитель съ 1791 года по 1794.

16. Андрей Прокоповичь Протоіерей съ 1794 по 1801 годъ;—потомъ Ректоръ.

17. Михаилъ Ольховскій 9 класса съ 1801 по 1810.

18. Павелъ Реипольскій 12 класса съ 1810 по 1817.

Инспекторы.

19. Кафедральный Протоіерей Афанасій Могилевскій съ 1817 по 1819; потомъ Ординарный Профессоръ Императорскаго Харьковскаго Университета.

20. Матвѣй Борисовъ Магистръ и Профессоръ Философскихъ наукъ.

ВЗГЛЯДЪ
НА
УКРАИНСКУЮ СТАРИНУ.

Справедливо Московскій нашъ историкъ (*) историческимъ средоточіемъ нынѣшней великолѣпной Россіи почитаетъ Москву и Московское Княжество. Мы, живущіе ниже 53° градуса широты къ Черному морю, помнимъ еще покрайней мѣрѣ по разсказамъ нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, что прекрасныя долины между Дономъ и Днѣпромъ не были населены: что онѣ представляли то непроходимые лѣса и боры, то дикія поля, до которыхъ плугъ не касался — отъ вѣка-ли? — не знаемъ. Можетъ быть, онѣ и обработывались во времена Геродотовы; можетъ быть, однимъ изъ Славянскихъ племенъ! Но кто станетъ утверждать, чтобы *оно* носило имя *Русскаго*, чтобы тутъ *Россія* была? . .

Странно однакоже: какимъ образомъ столь огромное пространство, равняющееся пространству не одного королевства Европы, плоскость конечно тридцати квадратныхъ градусовъ всѣхъ возможныхъ условій къ гражданской жизни, не привлекали къ себѣ жителей въ продолженіе столь-

(*) Профессоръ М. П. Погодинъ.

кихъ столѣтій . . . Имъ предпочитали холодныя и сырыя топи, безплодную глину на сѣверѣ, и тамъ основались города, учредились торжища, воздвиглись златоглавыя столицы! Изъяснить это *можно:* но какъ не удивиться съ перваго взгляду!

Порадуемся однакоже: мудрое наше Правительство обратило теперь прилѣжное вниманіе на сей край: это Правительство, которое—не по примѣру прочихъ странъ—всегда было просвѣщеннѣе своего народа, которое съ факеломъ въ рукѣ всегда идетъ впереди его и не ждетъ совѣта отъ *послушныхъ* своихъ дѣтей. Еще полстолѣтія, по самой большой мѣрѣ столѣтіе—и мы воздадимъ ему за его попеченія, какъ *добрыя* дѣти *умныхъ* родителей, благоденствіемъ нашимъ и славою предъ лицемъ народовъ. Тогда Историкъ будетъ сравнивать свое настоящее съ прошедшимъ, давно бывшимъ, сравнивать и восхищаться!

Но гдѣ уловитъ онъ это давно-прошедшее? Скоро отъ него не останется ниже слѣдовъ, подобно какъ отъ кочеванія ордъ на нашихъ земляхъ, или отъ земледѣльческаго быта племенъ, снабжавшихъ Грецію пшеницей изъ Понтикапія и Ольвіи за двѣ тысячи лѣтъ. Тщетно желалъ бы онъ вопросить Архивы, ихъ нѣтъ; или они представятъ ему лишь судебныя дѣла, достойно-покрытыя вѣковою пылью. Тщетно обратится онъ къ старшему поколѣнію. Оно не можетъ ему ничего сказать: обычаи измѣняются, какъ измѣняются покрои платья. Никто не обращалъ особливаго вниманія на это измѣненіе.

Вотъ почему намъ, старикамъ, въ семидесятыхъ годахъ нашихъ, остатку еще самовидцевъ или собесѣдниковъ съ дѣдами своего времени, должно сохранить для потомства,

хотя нѣкоторыя черты бывшей Украйны. Благодаримъ нашего повѣствователя о старинѣ, Григорія Ѳедоровича Квитку, передавшаго намъ изъ нея многое въ его Малороссійскихъ романахъ. Онъ живописно представляетъ намъ былое. Но романы будутъ подозрительны Историкамъ, потому самому, что они романы. Зная участіе, принимаемое въ нихъ воображеніемъ сочинителя, Историкъ вправѣ сомнѣваться и во всемъ.

Принужденіе къ уніи и варварскія мщенія Польскаго Правительства за несогласіе и упорство православныхъ въ принятіи оной, заставили тронуться Червонную Русь на переселеніе въ обильныя и пустыя мѣста нынѣшнихъ губерній: Полтавской, Харьковской, Курской и Воронежской. Это было въ концѣ XVI вѣка. До того времени мѣста эти были занимаемы изрѣдка и то по временамъ Крымскими выселками, ближе къ нынѣшнему обычаю—хуторами. Татарскія имена нѣкоторыхъ рѣчекъ и городовъ, сохраненныя пришельцами, это доказываютъ. Конечно одинъ воинственный народъ, съ копьемъ и саблей въ рукахъ, могъ отважиться на такое переселеніе, подверженное частымъ внезапнымъ набѣгамъ. Я представляю себѣ въ началѣ малочисленныя поселенія, подъ защитою дремучаго лѣса или землянаго, на-скоро сдѣланнаго вала. Десятка три, четыре крытыхъ соломою хатъ, между озерами Лопани и Харькова, въ бору непроходимомъ, были, вѣроятно, началомъ города, располагающаго теперь торговлею полуденнаго края Россіи, сотнями милліоновъ рублей. Лопань текла ближе къ холодной горѣ. Перелетные лебеди покрывали её. Дикія козы скрывались въ тростникахъ ея отъ медвѣдей и волковъ. Я имѣю берцовую кость козы (Gemſe), вырытую

при мнѣ на Екатеринославской улицѣ изъ очевидно-наносной земли. Татаринъ иногда подкрадывался съ «холодной горы» и увозилъ дѣвку, моющую бѣлье или разстилающую полотна: тревога и погоня! Не всякой разъ однакожъ удавалось освобождать добычу. Козакъ Игнатъ Сѣренко, увидѣвъ на другой сторонѣ рѣки Татарина, который увозилъ его жену, рѣшился пустить въ слѣдъ за нимъ пулю изъ своей «ручницы» (*). Но къ большому счастію жена живая свалилась на землю. Застрѣленъ былъ наповалъ только похититель; а борзой конь достался козаку въ добычу....

Не скоро показались начала земской собственности. Всякой, имѣющій плугъ, выбиралъ себѣ мѣсто для пашни по своему произволенію: чѣмъ далѣе къ Востоку, тѣмъ поселеніе было рѣже. Малороссія уже раздѣлена на полки и сотни, когда объ Ахтыркѣ, Харьковѣ, Изюмѣ и слуху еще не было. При умноженіи народа, постепенно въ бо́льшемъ числѣ переходившаго Днѣпръ, начали и тутъ составляться полки по тому же образцу. Надобно было выбирать и старшинъ. Всего было естественнѣе признать ими Православныхъ пановъ, которые *вѣры ради* бѣжали вмѣстѣ съ народомъ «видъ *Ляховъ и Уніи*». Такимъ образомъ Шидловскіе, Захаржевскіе, Квитки, которыхъ отдаленные сродники и нынѣ живутъ въ западныхъ, отъ Польши возвращенныхъ губерніяхъ, легче всего были избираемы Сотниками, изъ Сотниковъ Полковниками. — Впрочемъ, воинственные козаки мало заботились о фамиліяхъ.

(*) До введенія ружей стрѣляли порохомъ лишь изъ пушекъ, почему естественно было козакамъ первыя ружья назвать ручницами, то-есть: то, что въ рукахъ можно держать.

Они назывались просто *по именамъ*, съ прибавленіемъ званія: Полковникъ Иванъ, Полковникъ Кондратъ (Кондратій), Сотникъ Павелъ: подобно, какъ до нынѣ Турки (Рифанъ Паша, Хозревъ Паша, Даудъ Ага и т. д.). И вотъ происхожденіе Кондратьевыхъ, Павловыхъ, съ которыми не должно смѣшивать чисто Россійскихъ фамилій, прибывшихъ гораздо позже. Воображеніе представляетъ мнѣ этихъ старшинъ въ разноцвѣтныхъ «жупанахъ», разъѣзжающихъ по обширнымъ степямъ, въ намѣреніи вознаградить потерянныя въ червонной Руси имѣнія. Они первые должны были затѣять исключительную недвижимую собственность въ семъ дикомъ краю. И вѣроятно, такая собственность началась «съ пасѣкъ», мѣстъ посѣченныхъ въ лѣсахъ для поставки пчелиныхъ ульевъ,—«*оцежъ, панове, моя пасика буде нехай!*» сказалъ Полковникъ. Въ слѣдующую осень двинуты были и плуга на смѣжное поле; заведены и хутора для скота и лошадей. Годъ за годъ! кто бы подумалъ препятствовать или оспоривать? Мало по малу меньшіе подражали старшимъ; начались *владѣнія*. Отводы Россійскаго Правительства т. е. *Разряда*, подъ вѣденіе котораго поступили Слободскіе полки, начались не ранѣе тысяча шесть сотъ сороковыхъ годовъ. Я не находилъ ни въ одной изъ Московскихъ Архивъ никакихъ слѣдовъ грамотъ или указовъ на таковые отводы въ Царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

Занявъ обширныя поля съ дремучими лѣсами всякаго рода, и оградивъ ихъ въ послушномъ, довольномъ и беззаботномъ народѣ урочищами, старшины начали утверждать ихъ за собою испрошеніемъ Царскихъ Грамотъ. Едвали не первый примѣръ тому подалъ Ахтырскій Полков-

никъ Перекрестовъ, тонкій политикъ, не измѣнившій своему происхожденію. Онъ-же, испросивъ грамоту на чинъ Полковника сыну послѣ своей смерти, первый открылъ путь жалованія въ чины, которые до того получались единственно по избранію козаковъ и старшины. Со временемъ, полки: Сумской, Ахтырской, Харьковской, Изюмской и Острогожской, слѣдовательно и ихъ Полковниковъ, подчинили Бригадирамъ. Ѳедоръ Шидловскій былъ первымъ начальникомъ всѣхъ Слободскихъ полковъ. Онъ былъ и полновластнымъ раздавателемъ незанятыхъ до того земель: чему есть примѣры въ видѣ грамотъ, подобныхъ Малороссійскимъ Гетьманскимъ. Въ послѣдствіи начали присылать Бригадировъ изъ арміи. Эти и другіе изъ внутренной Россіи присылаемые чиновники женились на богатыхъ наслѣдницахъ края. Переселенцы, устремившіеся изъ за Днѣпра во множествѣ, не находя уже мѣстъ въ козацкихъ сотняхъ, начали водворяться на старшинскихъ земляхъ съ условіемъ работать по одному дню панщины въ недѣлю: т. е. обработывать «панскіе» лany (*) и послуховаты въ иныхъ дѣлахъ. Поселяне этого вида назывались *подданными*. Слово не новое: ибо и всякій козакъ имѣлъ своихъ подданныхъ, покрайнѣй мѣрѣ двухъ, если не болѣе, обработывавшихъ пашню его, въ отсутствіе его самаго по службѣ: безъ сего онъ, козакъ, не получая ни пайковъ, ни мундира, ни жалованья, не могъ-бы существовать. Нечувствительно одинъ день превратился въ два. Высочайшимъ Указомъ, гораздо уже позднѣе, для единообразія съ внутреннею Россіею, постановлено три дня помѣщичьей

(*) Отведенныя на сей конецъ господскія пашни: Нѣмецкое Lahn.

работы въ недѣлю: т. е. *половина времени* по давнишнему обычаю *Половиковъ* Сѣверныхъ губерній, доставляющихъ владѣльцу земли половину, работою или ея произведеніемъ, добровольно, безъ всякой для себя тягости. И это условіе, вмѣсто платы деньгами за наемъ земли, кажется ближайшимъ къ природѣ.

Такимъ образомъ начали развиваться между бѣглецами отъ Польскаго угнѣтенія, заселившими пустыни, подчиненіе, собственность и гражданственность. Писавши на изустъ послѣ пожара, который истребилъ большую часть моихъ бумагъ, многотрудно собранныхъ въ теченіе 55 лѣтъ, не могу я хронологически опредѣлить постепенности вліянія Россійскаго Правительства на Украйну. Но это вліяніе прибывало въ большихъ мѣрахъ на Слободскіе полки, нежели на Малороссію. Города наши *прежде* заселились Великороссіянами (преимущественно торговыми людьми); школы *прежде* ввели Русскій языкъ. Главная квартира войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Турокъ, переходила по ближайшему направленію изъ Бѣлгорода, первоначальнаго притона Правительства въ семъ краѣ, въ Харьковъ, потомъ на короткое время занявъ Полтаву, въ Кременчугъ, Елисаветградъ и далѣе.... Малороссія оставалась въ сторонѣ, все еще управляемая своими Гетьманами и Магдебургскимъ правомъ, между тѣмъ, какъ Слободскіе полки, въ самомъ началѣ уже подчиненные Шереметьевымъ, Голицынымъ, не знали другаго Гражданскаго Закона, какъ только *Уложеніе*. Ландмилиція Елисаветы предъуготовила еще рѣшительнѣйшее сплавленіе съ исполинскимъ тѣломъ Цѣлаго. Россіяне внутреннихъ Губерній, всякаго званія и состоянія, чрезъ браки, торговлю и другія общежительскія

связи, перемѣшались съ Украинцами, пришельцами изъ за-Днѣпра, до того, что языкъ и обычаи, принесенные сими послѣдними, много измѣнились. Торговли было очень мало; промышленности еще менѣе. За половину уже XVIII вѣка путешествовавшій Академикъ Зуевъ видѣлъ въ Липцахъ на рынкѣ вмѣсто *продажи* произведеній, *мѣну* ихъ, какъ у полудикихъ народовъ.

О прочемъ стародавнемъ бытѣ Украинцевъ нельзя себѣ составить понятія, смотря на настоящій. «Нужда есть мать изобрѣтеній» старая пословица! *Тогда* не было еще *нужды!*.. Изобиліе плодовъ земныхъ и временъ мирныхъ всеобщее, продолжительное! Козакъ, высѣвая на дѣвственной черноземи *одинъ* мѣшокъ, собиралъ *сто* въ точное оправданіе Библейскаго выраженія (*). Садовлины изъ заведенныхъ небрежно садовъ некуда было дѣвать въ иной годъ! На моей уже памяти, промышленники, пріѣзжающіе изъ Москвы, нанимая садъ въ *двѣ*, *три десятины*, со склянковыми и путивльскими яблоками, дулями и гливами, которые плоды они въ строгомъ историческомъ смыслѣ — *подметали* изъ подъ деревьевъ *метлами*, платили неболѣе тридцати, сорока рублей, выручая, можетъ быть, тысячу. Я видѣлъ безграмотныхъ кущовъ, торговавшихъ въ переносныхъ лавочкахъ, которые, *послѣ*, составивъ себѣ милліоны, выстроили цѣлые гостинные дворы. Чтожъ прежде за сто лѣтъ, или болѣе, когда «четверть» ржаной муки продавалась на базарахъ *полковаго города*,

(*) Не одинъ подобный примѣръ цитировалъ мнѣ, еще юношѣ, стодвадцатилѣтній однодворецъ Масалитиновъ. —

гдѣ слѣдовательно *все* дороже, по 70 копѣекъ мѣдью, а овса четверть по 25 копѣекъ (*)!

Работы, и то нетрудной, подъ очаровательнымъ небомъ, было *конечно* неболѣе трети дней года, и то для мужчинъ уже возрастныхъ. Женщины и взрослыя дѣвицы лишь въ жатву помогали, или трудились однѣ при уборѣ своихъ коноплей и льну. Остальное время было наполняемо посѣщеніями подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ, свадьбами, кои нерѣдко продолжались по двѣ недѣли, крестинами и другими пирами, не включая «вечерницъ и досвѣтковъ» для молодыхъ людей обоего пола. Молодцы, съ закрученными усиками, *червоныя* шапки на бекрень, дѣвки разряженныя въ намиста (**) и ленты, обутыя въ цвѣтные «черевички», съ лицами живо изображающими довольство и счастіе, встрѣчались на каждомъ шагу. Были, *не безъ того* (какъ говорится), злоупотребленія власти! Но *когда* и *гдѣ* ихъ не бываетъ? Онѣ же рѣдко падаютъ на большинство народа. Люди вольные, изъ добра-ума, подчиняли себя сами. Любопытные документы сего рода— наилучшее доказательство благосостоянія и образа мыслей вмѣстѣ, попадались мнѣ во множествѣ. Власть-же верховная была истинно *святыня*! Нигдѣ въ Архивахъ Московскихъ и здѣшнихъ, не встрѣтилъ я ниже слѣда непослу-

(*) Оффиціальный рапортъ это доказываетъ. (См. прибавленія къ сей статьѣ въ отдѣлѣ Смѣси.) Отецъ одного изъ почтеннѣйшихъ нашихъ купцовъ, С. Ѳ. Карпова, сказывалъ мнѣ, что онъ покупалъ овцу въ гуртахъ по 43 коп. мѣдью.

(**) Измѣненное славянское слово *монисто*: ожерелье. Въ Украйнѣ оно обыкновенно состояло изъ алыхъ кораловъ, иногда весьма значительной цѣны, которые переходили въ наслѣдство отъ матерей къ дочерямъ и внучкамъ.

шанія или ропота, такъ-же и значительныхъ жалобъ на Начальство. Всякую перемѣну принимали въ глубинѣ сердецъ за отеческое намѣреніе *улучшить* бытъ народный.

Вотъ почему учрежденіе Слободско-Украинской губерніи въ 1765 году никого не изумило: напротивъ, принято большинствомъ народа всѣхъ званій за благодѣяніе.

Губернаторское управленіе попечительнаго Щербинина во многомъ довершило то, что начали Школы Коллегіума Голицыныхъ. Въ шестидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, впервые показались въ домахъ, а потомъ и въ училищахъ, языки французской и нѣмецкій: т. е. присоединены къ поддерживаемому Князьями Голицыными Коллегіуму классы сихъ языковъ, равно какъ Математики и другихъ наукъ. Но они, въ послѣдствіи, были отдѣлены и переведены въ особый домъ, купленный у Полковника Тивьяшева.

Коллегіумъ остался въ бывшемъ каменномъ домѣ, первоначальномъ изъ каменныхъ домовъ въ Харьковѣ, Шидловскаго. Сіе-то отдѣленіе, подъ простымъ названіемъ *классъ* существовало до открытія Губернскаго народнаго училища Екатерины Великой. Впрочемъ, что въ Коллегіумѣ усердно занимались науками еще въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, тому нашелъ я доказательство въ письмѣ путешественника, Академіи наукъ Адъюнкта Юнкера, къ тогдашнему Президенту Академіи, Барону Корфу. Ученый этотъ хвалитъ просвѣщеніе Ректора и Префекта, и проситъ содѣйствовать ему къ доставленію, въ сходство желанія ихъ, физическихъ инструментовъ, именно: воздушнаго насоса и электрической машины. Я увѣренъ, что столь ранніе успѣхи въ Харьковѣ, Козацкомъ

Полковомъ городѣ, не болѣе, за сто лѣтъ и меньше нежели во сто лѣтъ отъ первоначальнаго его заселенія среди пустынь, удивитъ читателей. Коллегіумъ воспиталъ многихъ Государственныхъ мужей, Архіереевъ, Губернаторовъ, отличнѣйшихъ врачей и даже отличныхъ воиновъ; ибо Дворянство въ немъ училось совмѣстно съ Духовенствомъ (*). Правда, что большая часть даровитыхъ студентовъ оканчивали свое образованіе въ С. Петербургѣ, Москвѣ или въ чужихъ краяхъ. Между учителями замѣтимъ *Сковороду* и Протоіерея *Шванскаго*. Я имѣлъ еще честь въ моей молодости видѣть сихъ почтенныхъ мужей, которые въ свое время могли-бы занять мѣсто между Германскими учеными наиболѣе уваженными.

Между тѣмъ явились и образованные помѣщики, хотя въ весьма еще маломъ числѣ. Къ нимъ принадлежитъ Александръ Александровичъ Палицынъ и творецъ—при всѣхъ нынѣшнихъ успѣхахъ въ Литературѣ—незабвенной *Душеньки*, Ипполитъ Ѳедоровичъ Богдановичъ. Палицына же одно стихотвореніе и одно письмо помѣщены въ семъ Сборникѣ (**). Онъ имѣлъ вкусъ въ Архитектурѣ, которою прилежно занимаясь, украсилъ нѣсколько нашихъ городовъ

(*) Эта-же идея: т. е. что первоначальное испытаніе и ученіе, въ просвѣщенномъ Государствѣ для всѣхъ классовъ народа необходимое, должно быть общимъ, совмѣстнымъ; а въ послѣдствіи уже спеціальнымъ, судя по потребностямъ *каждаго* званія — эта идея представлена была въ 1802 году въ Проэктѣ Харьковскаго Дворянства объ учрежденіи Университета. — См. Смѣсь.

(**) См. Смѣсь. *Издатель.*

и множество селъ церковными и другими зданіями (*). Дѣйствуя на богатыхъ помѣщиковъ, въ числѣ которыхъ, Шидловскіе и Надаржинскіе были его друзьями, онъ заохотилъ ихъ къ строеніямъ, лучшему расположенію домовъ, украшенію ихъ приличными мебелями, къ заведенію библіотекъ и т. п. Ему обязаны мы большею частію началами Европейскаго быта въ Украйнѣ. Я помню еще, что домы помѣщиковъ, имѣвшихъ отъ 500 до 1000 душъ, были покрыты тростникомъ, что въ гостиныхъ стояли лавки, покрытыя коврами, что за столомъ служили дѣвки «въ бѣлыхъ сорочкахъ, пестрыхъ спидницяхъ и червоныхъ черевыкахъ», что главные паны въ Губернскомъ городѣ хаживали по улицамъ съ музыкой надвесель; какія заключались условія между богатыми помѣщиками и Нѣмцами учителями, не далѣе, какъ въ 1800 году, любопытные могутъ видѣть въ напечатанномъ здѣсь, *безъ малѣйшаго измѣненія*, списка контракта (**). Мы стремимся къ Европейской образованности на *крыльяхъ вѣтра*, можно сказать. *Все* соотвѣтствуетъ приращенію народонаселенія. Гдѣ за двѣсти лѣтъ были дикія степи и непроходимые лѣса, гдѣ за сто лѣтъ съ небольшимъ по переписямъ не нашлось болѣе двухъ сотъ семидесяти одной тысячи душъ, тамъ

(*) Портреты А. А. Палицына, Богдановича, Сковороды, сочинителя сей статьи, недавно скончавшагося, и другихъ лицъ, преимущественно содѣйствовавшихъ къ разпространенію просвѣщенія въ благословенной Украинѣ, будутъ помѣщены въ слѣдующихъ выпускахъ Молодика. Біографію Палицына предоставляемъ написать отличному дворянину, его наслѣднику въ имѣніи и добродѣтеляхъ, воспитанному имъ, котораго нѣсколько давныхъ писемъ изъ Италіи, помѣщено въ семъ сборникѣ. См. Смѣсь.

(**) См. Смѣсь. *Издатель.*

теперь до четырехъ милліоновъ обоего пола (*). Гдѣ за сорокъ лѣтъ еще стояли утлыя хаты подъ соломой, тамъ теперь домы въ три жилья, убранные съ Парижскимъ и Лондонскимъ изяществомъ. До открытія Университета, кто бы подумалъ, что въ Харьковѣ будетъ каменный, весьма благообразный театръ, пять Аптекъ, неуступающихъ столичнымъ, четыре Литографіи, двѣ Типографіи, — могли-бъ существовать еще двѣ . . . . .

В. Каразинъ.

Харьковъ. 1842.

(*) Разумѣя въ томъ и другомъ случаѣ всѣ три губерніи, подчиненныя одному Генералъ-Губернатору. См. Смѣсь.

ПЕРВЫЯ ВОЙНЫ

МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

Жалкое зрѣлище представляла Польша въ концѣ XVI вѣка. Со смертію Баторія какъ будто судьба произнесла надъ нею приговоръ свой. Власть короля ослабѣвала, своевольные магнаты забыли всякія границы буйству; на сеймахъ не было ладу, въ судахъ правосудія, въ управленіи порядка, въ законахъ святости. Всѣ были недовольны, отъ короля до гайдука; но нигдѣ не было такъ худо, какъ на Украинѣ. Старинныя княжескія и боярскія фамиліи негодовали на потерю своей литовско-русской самостоятельности, жалѣли о соединеніи великаго княжества съ королевствомъ, страшились за Вѣру; простой народъ до крайности былъ измученъ помѣщиками, а пуще жидами *орандарями*, которыхъ притѣсненія тѣмъ были несноснѣе, что и суда негдѣ было искать; къ тому еще буйное *жолнѣрство* пировало себѣ на счетъ ободранныхъ мужиковъ и, зимуя по деревнямъ, безнаказанно буйствовало. Духовенство роптало на стѣсненіе Церкви, на обиды отъ пановъ и урядниковъ, на оскорбленія отъ ксензовъ. Досталось и козакамъ на ихъ долю: запретили выходить въ походъ безъ воли Короннаго Гетмана, начали употреблять

ихъ на работы. Всѣмъ было худо, но не всѣ равно думали, какъ помочь горю. На примѣръ, дворянство: тѣ, которые не забыли говорить по своему, и чувствовали, что они Русскіе, хотѣли какъ нибудь уладить съ Поляками мирно: на сеймахъ, депутаціями и убѣжденіями. Но Польша умѣла ихъ проводить: дадутъ привиллегію на какія-нибудь права и *вольности*, да вслѣдъ за тѣмъ и пошлютъ нарушать ихъ; самъ же Король отговаривается, что все дѣлается противъ его воли, что онъ далъ привиллегію— и правъ. Духовенство еще хуже думало помочь своему горю. Безсильные мужики тайкомъ шептали: ахъ, если бы кто нибудь вступился за нихъ и *вызволилъ* изъ подъ этаго ярма! А Казаки такъ говорили во всеуслышаніе: пришла пора посчитаться съ Ляхами; коли наши права *руйнуютъ*, коли православную вѣру *вражаютъ*, такъ дадимъ же мы имъ!—Умные Казаки напередъ знали, что лаской и покорностью съ Поляками имъ ничего не выиграть и потому рѣшились посчитаться мечами и копьями.

Первое непріятельское дѣйствіе противъ Поляковъ, предпринятое съ цѣлію освобожденія отъ польскаго ига, оказали Казаки въ 1594 году подъ начальствомъ гетмана Криштопа Косинскаго. Этотъ Косинскій былъ шляхтичъ изъ Полѣсья, Полякъ родомъ и вѣрою. Не ужившись на родинѣ, онъ покинулъ ее, и вскорѣ явился въ Украинѣ. Въ тотъ вѣкъ такъ было: если человѣку худо на свѣтѣ, нѣтъ ни въ чемъ удачи,—иди онъ въ монастырь, или въ *Сичь*: въ монастырѣ онъ скроется отъ людей, въ Сичѣ будетъ бить ихъ. Такъ и Косинскій: пришелъ въ Сичь, принялъ православную Вѣру, а можетъ быть сказалъ, что принялъ ее, и сталъ Козакомъ. Козаку не долго подняться

вверхъ, особенно умному и храброму; Косинскій ходилъ въ Крымъ, на Дунай, воевалъ съ Татарами и Турками, пріобрѣлъ между товарищами славу и въ скоромъ времени сталъ Гетманомъ, на зло своимъ соотечественникамъ Полякамъ. Косинскій былъ первый Гетманъ, избранный вольными голосами, безъ позволенія Поляковъ, и первый сталъ доказывать значеніе своего сана. Запрещено воевать съ Татарами — Косинскій не только билъ нехристей, но еще сносился съ Московскимъ царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ и вызывался помогать ему въ войнахъ съ Крымцами. Но что важнѣе всего, Косинскій задумалъ освободить Украину отъ Польши, хотѣлъ быть на самомъ дѣлѣ независимымъ гетманомъ. Много молодцевъ раздѣляло съ нимъ эту мысль, а славнѣе всѣхъ его сподвижниковъ былъ Иванъ Лобода, Полковникъ Переяславскій. Козакъ душею и тѣломъ, исполинскаго росту, мужественнаго вида, страшный гуляка на пирахъ, отважный и бѣшеный рубака въ сѣчахъ — Лобода уже ни разъ задавалъ бѣды Татарамъ, усѣвалъ широкія степи буджацкими трупами; знали его и въ Молдавіи, и Валахіи, и по тотъ бокъ моря, — имя Лободы гремѣло въ народныхъ пѣсняхъ и разсказахъ. Но всѣ прежніе подвиги ему теперь нипочемъ. Поляки утѣсняютъ права козацкія, а Лобода воленъ какъ птица, родился на степяхъ, не зналъ никогда господина и знать его не хочетъ; Поляки утѣсняютъ православіе — а Лобода душу готовъ положить за малѣйшее оскорбленіе его святости. Услышавши о предпріятіи Косинскаго, онъ въ скоромъ времени явился на той сторонѣ Днѣпра съ огромною дружиною, набранною около Переяславля, Кіева, Лубенъ и другихъ мѣстъ; большую часть ея составляли тѣ несчаст-

ные рабы, которыхъ польская тирания заставляла покидать женъ и дѣтей и искать въ лѣсахъ и степяхъ свободы и мщенія. Войско козацкое стало подъ Тарнополемъ. Съ каждымъ днемъ приходили къ нему новые отряды, и уже числю подчиненныхъ Косинскаго простиралось за 7000; но Косинскій еще ничего не предпринималъ: онъ сражался не изъ добычи, а для освобожденія Украины, и зналъ, что въ такомъ великомъ предпріятіи надлежитъ дѣйствовать, собравшись съ силами.

Косинскій зналъ, что князь Острожскій, знаменитый вельможа, сенаторъ, воевода кіевскій, пышный и тщеславный до того, что платилъ 70000 р. воеводѣ, чтобъ тотъ постоялъ предъ нимъ разъ въ годъ, благотворительный до того, что содержалъ 2000 бѣдныхъ дворянъ, — былъ Русскій по душѣ и по крови, потомокъ Св. Владиміра, и до того приверженъ къ православію, что каждый годъ въ первую и страстную недѣлю В. Поста ходилъ въ рубищѣ, изнурялъ себя голодомъ и подвигами въ стѣнахъ Дубенскаго монастыря. Къ нему-то послалъ Косинскій пословъ просить помощи, надѣясь, что князь взвѣситъ правоту его дѣла и приметъ участіе въ освобожденіи Руси. Острожскій, вѣроятно довольный лестью гетьманскихъ пословъ, обошелся съ ними ласково, но не согласился на предложеніе Косинскаго. Козацкій предводитель хотѣлъ силою заставить князя участвовать въ освобожденіи отечества, вторгся во владѣнія Острожскаго, началъ набирать его подданныхъ въ свои ряды, непослушныхъ наказывалъ и угрожалъ князю. Острожскій устрашился, собралъ подчиненную себѣ шляхту; сосѣдніе паны присла-

ли ему помощь въ людяхъ; а сынъ его Янушъ, заклятый папистъ, привелъ изъ Волыни отличныхъ копейщиковъ или гусаръ. Войско польское, неизвѣстно какъ велико, двинулось противъ козаковъ. Косинскій между тѣмъ разослалъ прокламацію по всей Украинѣ, призывая народъ къ возстанію; а самъ выступилъ изъ Тарнополя, подошелъ къ Пяткову и окопался. Сила Острожскаго казалась ему ничтожною. Чтобы не терять времени, онъ отрядилъ Лободу съ значительнымъ количествомъ козаковъ въ сосѣднія мѣста набирать ополченія, заготовливаясь на-далѣе, а самъ думалъ съ остаткомъ прогнать Острожскаго.

Оплошность и самонадѣянность Косинскаго допустила Острожанъ приблизиться къ окопамъ: началась перестрѣлка. Можетъ быть, несогласія въ козацкомъ войскѣ, можетъ быть, неожиданная тактика противниковъ, а можетъ быть что-нибудь другое, непереданное намъ лѣтописями, перемѣнило судьбу сраженія въ пользу Острожскихъ, которымъ въ началѣ грозило разбитіе. Какъ бы то ни-было, но Янушъ съ своими гусарами такъ ловко ударилъ на козаковъ, что тѣ никакъ не могли удержать напора ихъ длинныхъ копій; бились-бились, хотѣли вырваться изъ окоповъ — имъ не дали; 3000 легло на мѣстѣ.... вдругъ появилось войско Лободы — Острожане отступили (*). Косинскій хотѣлъ поправить свою ошибку, и въ самомъ дѣлѣ уже по всей Украинѣ поднималъ мятежъ, пользуясь благопріятнымъ временемъ; потому что польское войско было за-

(*) Лубенскій говоритъ, что будто Косинскій отдался въ плѣнъ и князь простилъ его. Это принадлежитъ къ такимъ же вѣроятнымъ сказаніямъ, какъ и то, что будто у Острожскаго было всего на-всего 500 человѣкъ (!!).

нято; надѣялся дѣйствовать осторожнѣе и благоразумнѣе; надѣялся многаго—вдругъ лазутчики внезапно схватили его . . .

Каковъ былъ конецъ Косинскому, объ этомъ лѣтописи говорятъ разно. Но вообще всѣ согласны въ томъ, что онъ погибъ насильственною смертію.

Косинскаго не стало; но во всѣхъ концахъ южной Руси начались мятежи. Появились гайдамаки — смѣсь пришлецовъ со всѣхъ сторонъ свѣта съ Украинцами, которыхъ польское самовластіе вывело изъ терпѣнія; по городамъ и деревнямъ убивали Жидовъ и Поляковъ; въ Кіевѣ разорили католическій монастырь; въ Переяславлѣ Лобода отправилъ кровавую тризну надъ падшими подъ Пятковымъ. Крестьяне бунтовали противъ польскихъ помѣщиковъ и заставляли многихъ оставлять свои имѣнія и бѣжать къ трону Сигизмунда испрашивать защиты.

Но Сигизмундъ былъ тогда въ Штокгольмѣ. Враги Польши, пользуясь временемъ, принялись вредить ей. Изъ внутреннихъ враговъ опаснѣе былъ Лобода: онъ неутомимо раздувалъ въ Украинѣ пламя возстанія, и уже слава его дошла до нѣмецкаго императора. Рудольфъ вздумалъ употребить этаго человѣка въ свою пользу и послалъ къ нему хоругвь, дары и деньги, прося рыцарей-козаковъ разорить юрьевскую ярмарку. Императоръ имѣлъ здѣсь двѣ цѣли: во первыхъ повредить Польшѣ, потому что Турки не оставятъ разбоя этаго безъ наказанія; во вторыхъ отклонить отъ себя силу невѣрныхъ, по крайней мѣрѣ раздѣлить ее. Лобода обрадовался такому предложенію: если онъ сдѣлаетъ набѣгъ на турецкія владѣнія, Турки нахлынутъ на Польшу. Къ Лободѣ присталъ еще какой-то Хлопицкій, жившій нѣкогда при дворѣ Стеф. Баторія. Съ

3000 козаковъ отправились они въ походъ, дошли до Бѣлграда; отъ него недалеко лежало и мѣстечко Юрьево. Въ самое то время была ярмарка, знаменитая и великолѣпная въ томъ вѣкѣ. Козаки неожиданно напали на Юрьево, обратили его въ пепелъ, грабили, опустошили ярмарку и возвратились съ богатою добычею. Вскорѣ Хлопицкій былъ пойманъ, но убѣжалъ снова, и скрылся въ Германію.

Рудольфъ нѣсколько ошибся въ разсчетахъ; Лобода остался съ лучшимъ выигрышемъ. Турки, понимая дѣло такъ, что австрійскій дворъ научаетъ Польшу вредить имъ, послали въ Венгрію войско, которое, встрѣтивъ сначала сопротивленіе въ Мансфельдѣ, послѣ того разбило на голову австрійское войско подъ начальствомъ эрцъ-герцога Матѳія. Немного утѣшенія римскому цезарю.

Гораздо болѣе утѣшенія козацкому Полковнику. Орда Татарская явилась въ Молдавіи, а оттуда поворотила на Покутье: Енятинъ, Закусь, Глумачъ обращены въ пепелъ; немногочисленные отряды подъ начальствомъ Потоцкаго и Влодека не могли остановить ихъ; Татары разорили Тышмѣницу и Колюжу и разсѣялись по Червоной Руси; все жгли, истребляли, умерщвляли людей, вопреки обыкновенному своему обычаю забирать въ плѣнъ, и только щадили женщинъ и дѣвушекъ. Чермная Русь покрылась кровью и пепломъ. И теперь еще нельзя безъ состраданія читать народныхъ пѣсень того времени, гдѣ описывается, какъ плѣнныя дѣвушки бѣжали босикомъ по песку и каменьямъ, съ веревками на шеяхъ, жалуясь, что ихъ русыя косы уже не расчесываетъ мать, а растрепываетъ Татаринъ бичемъ.

Сигизмунда еще не было. Канцлеръ Замойскій, управ-

лявшій въ отсутствіе его королевствомъ, одинъ изъ величайшихъ мужей своей націи, послалъ прокламацію къ сенаторамъ и панамъ, представляя, что Речи Посполитой угрожаетъ опасность, и умолялъ ихъ собрать свои войска и спѣшить на защиту отечества. Иные читали прокламацію и хвалили, другіе притворялись, будто за отдаленностію мѣста не получили ее; Великополяне и Поморяне, зная, что до нихъ Татарамъ далеко, говорили, что если имъ нѣтъ опасности, то зачѣмъ они и пойдутъ.

Замойскій издалъ новую прокламацію, подъ назв: de publica negligentia, въ которой черными красками изобразилъ польскую шляхту. Но и это не помогло. А между тѣмъ Татары подвигались далѣе и далѣе: уже Покутье и часть Чермной Руси опустошили до крайней степени; уже проникли въ Волынь, разливая пламя и засѣвая трупами равнины украинскія, а Поляки все были хладнокровны къ бѣдѣ соотечественниковъ. Только тѣ паны, у которыхъ на югѣ были имѣнія, собрали отряды, и то уже тогда, когда имъ грозила видимая опасность. Такимъ образомъ, Янушъ, Князь Збаражскій и Юрій Мнишехъ, воевода Сандомірскій, соединились съ Замойскимъ подъ Самборомъ и перерѣзали дорогу варварамъ. Татары отступили. Замойскій искусно прогналъ ихъ въ Венгерскую землю и наконецъ очистилъ Русь отъ злодѣевъ.

Украинцы, потерпѣвшіе отъ Татаръ, оставшись безъ хлѣба, безъ пристанища, жаловались на судьбу, роптали на Польское правительство, требовали вспомоществованія, и не получая его ниоткуда, неистовствовали. Къ большему огорченію разоренныхъ, къ большему страху тѣхъ, до которыхъ не достигло разореніе, разносился слухъ, что

Татары снова хотятъ ворваться въ Королевство. Но вотъ пріѣхалъ и Король; собрали сеймъ, положили предпринять мѣры противъ татарскихъ набѣговъ; а нѣкто Язловѣцкій намѣревался проникнуть въ Крымъ и послалъ просить участія козаковъ, надѣясь, что жажда добычи увлечетъ ихъ.

Худо понимали Ляхи козаковъ: Лобода посмѣялся, поманилъ ихъ обѣщаніемъ и отправился вмѣсто Крыма въ Молдавію, гдѣ ограбилъ и разорилъ Яссы. Посланные противъ него польскіе отряды были разбиты козаками подъ Ямполемъ. Козаки разсѣялись по Волынѣ, Подоли, Чермной Руси; къ нимъ присоединились разоренные Татарами, бездомные и сирые, гонимые за вѣру, всякаго рода удальцы, недовольные осѣдлою жизнію. Пламя обхватило всю Украину. Козаки брали города, и жители принимали ихъ, какъ избавителей: вырѣзывали гарнизоны, вѣшали и топили Жидовъ . . . . ко всѣмъ прежнимъ причинамъ неудовольствій присоединилась еще новая важнѣйшая: тогда уже распространялась Унія и отдавались на поруганіе православныя церкви.

Между тѣмъ Польшѣ грозила внѣшняя опасность: Седмиградскій князь Баторій покусился овладѣть Молдавіею, но былъ прогнатъ Турками; и Султанъ положилъ обратить Молдавію въ турецкую провинцію. Замойскій предвидѣлъ, что если Турки раздвинутъ свои владѣнія по Днѣстръ, тогда у Польши подъ бокомъ будетъ злой врагъ, всякій часъ готовый нанести ей опустошеніе. Чтобы предупредить такое бѣдствіе, надобно было не допустить Турковъ овладѣть Молдавіею; и вотъ Замойскій отправился въ эту страну, и возвелъ на престолъ князя Іеремію Могилу, обя-

завшагося быть въ послушаніи у польской Короны. Но во время блестящихъ успѣховъ войскъ польскихъ въ Молдавіи, Лобода съ пятью полками козаковъ выступилъ противъ высланныхъ на него Поляковъ и разбилъ ихъ. Сраженіе произошло у Пяткова, на томъ самомъ полѣ, гдѣ легли воины Косинскаго. Оттуда Лобода ушелъ на Днѣпръ, собралъ на Бугаевской радѣ старшинъ; — положили избрать гетьмана.

Между предводителями гайдамацкихъ шаекъ, бродившихъ по южной Руси, славился больше всѣхъ одинъ, по имени Павло Наливайко. Родитель его былъ купцемъ въ Острогѣ; старшій братъ служилъ въ замкѣ князя Константина Острожскаго протопопомъ, — меньшой занимался пушною торговлею; Наливайко полюбилъ козачество и войну. У него подъ начальствомъ было многочисленное войско, составленное изъ разнаго рода несчастныхъ, обиженныхъ неустройствами и притѣсненіями, и пришлецовъ, которые, не уживаясь на родинѣ, искали убѣжища въ степяхъ Украины.

Наливайко ходилъ въ Седмиградскую область, сносился съ эрц-герцогомъ Максимиліаномъ, и на возвратномъ пути чрезъ Галицію предавалъ огню и мечу враговъ православія и козачества. Его-то избрали козаки гетьманомъ, съ уговоромъ, что бы онъ слушался рады, коей первыми членами были Лобода, Овара полковникъ Гадяцкій и хорунжій Шашка. Горько было Лободѣ: ему, бывшему столько лѣтъ представителемъ козачества, предпочли новичка. Но Лобода скрѣпилъ сердце и хотя выказалъ сильное огорченіе и удалился съ своею дружиною, однако не запятналъ себя непріязненными дѣйствіями. Отправясь съ хо-

рунжимъ Саулою въ Кіевское воеводство и Малороссію по сю сторону Днѣпра, онъ очищалъ этотъ край отъ польской шляхты, занималъ города, ежедневно увеличивая свои ряды бѣглыми, особенно отъ князей Острожскихъ и Вишневицкихъ. Вскорѣ Саула отправился въ Бѣлоруссію.

Прочія козацкія дружины разсѣялись по Волынѣ, Подолѣ, Покутьѣ, разорили Самборъ, Луцкъ, Брацлавъ, Могилевъ на Днѣстрѣ; королевскіе и панскіе зáмки были превращаемы въ пепелъ; козаки налетали на безпечныхъ пановъ и истребляли ихъ среди веселости, танцевъ и забавъ. Прежде богатые и сильные магнаты теперь являлись въ Польшу бѣдными бѣглецами, лишенные всего, счастливые и тѣмъ, что удалось спасти жизнь. Радостная вѣсть освобожденія распространилась по Руси: Волынь и Бѣлоруссія поднимались. Наливайко направилъ туда свой походъ. Прошедши нынѣшнюю Минскую губернію, онъ достигъ Могилева на Днѣпрѣ, осадилъ его и требовалъ сдачи города. Могилевъ былъ почти исключительно наполненъ Поляками и Уніатами, которые рѣшились обороняться. Козаки пошли на приступъ; гарнизонъ польскій не выдержалъ натиска и погибъ въ сѣчѣ; Жиды и Уніаты перерѣзаны и перетоплены; Могилевъ сгорѣлъ до послѣдней избы, городъ богатый и славный своими мануфактурами и торговлею. Только обгорѣлые пни и колоды возвѣщали о гóрѣ, постигшемъ ляшское племя; только орлы и змѣи, потѣшаясь богатствомъ яствъ, объѣдались вражьими тѣлами. Но не одинъ Могилевъ — и другіе города испытали подобную участь, — всюду разлилось возмущеніе, вездѣ производились пожары и убійства: дымъ и паръ донеслись до польскаго двора. Посланъ былъ гонецъ

въ Молдавію, съ предписаніемъ Гетьману Жолкѣвскому немедленно возвратиться въ Русь для усмиренія мятежниковъ.

Наливайко, раздѣлавшись съ бѣлорусскими Жидами и Уніатами, опять кружилъ по Подоли и Покутьѣ, вѣроятно набирая новыхъ охотниковъ. Тамъ онъ услышалъ о приближеніи Жолкѣвскаго. Это было въ февралѣ 1596 года. Польская армія была въ незавидномъ положеніи: изнуренная походами, не успѣвъ отдохнуть на постояхъ, она должна была еще терпѣть отъ жестокой зимы, бывшей въ томъ году. Наливайко не хотѣлъ вступить съ Поляками въ сраженіе, а принялъ иную тактику: думалъ изнурить еще болѣе непріятеля и заставлялъ Жолкѣвскаго по цѣлымъ днямъ и ночамъ гнаться за козаками, а самъ бросался во всѣ стороны. Такъ, допустивъ къ себѣ Поляковъ въ Лабунйовичахъ, сей часъ ушелъ къ Острополю. Не успѣлъ гетьманъ съ своими изнуренными солдатами дотащиться до этаго города — уже Наливайко съ своими залетными козаками шелъ по дорогѣ къ Пикову. Только арьергардъ малороссійскій, занявъ селеніе Мацейовичи, безпечно предался пьянству. Ночью неожиданно напали на нихъ Поляки, требовали сдачи; козаки рѣшились драться, но спьяна ничего не могли сдѣлать. Жолкѣвскій зажегъ деревню; козаки были истреблены, иные взяты въ плѣнъ.

Между тѣмъ Наливайко прибылъ въ Пиковъ. Жолкѣвскій за нимъ гнался и остановился въ Острополѣ: войско не могло далѣе идти; притомъ же и лошади, искалѣчивъ себѣ ноги по снѣгу и гололедицѣ, требовали хоть сколько нибудь отдыха и корма. Переночевавъ въ Острополѣ, Поляки рано утромъ выступили, дошли до Пикова, и Жолкѣвскій къ сильной досадѣ узналъ, что Наливайко назадъ

тому пять часовъ пошелъ по брацславской дорогѣ. Во что бы то ни-стало, Жолкѣвскій рѣшился догнать его и усиленнымъ маршемъ думалъ перерѣзать ему дорогу. Цѣлую ночь, цѣлый день послѣ того шли Поляки безъ отдыха и къ вечеру дошли въ селеніе Домбровку, на рѣчкѣ Ольшанкѣ. Люди и лошади пропадали не ѣвши; войско рѣшительно было неспособно къ битвѣ. Козаки поворотили съ брацславской дороги на другую, почти въ виду непріятеля, который гонится за ними, догоняетъ, — и ничего не можетъ сдѣлать. Рано утромъ образумился Жолкѣвскій, но узналъ отъ схваченныхъ козаковъ, что ихъ предводитель перешелъ рѣку Собь и пустился по дикой уманской степи.

Что думалъ Наливайко? Почему не вступилъ въ сраженіе при Ольшанкѣ? Можетъ быть, зная горячность Жолкѣвскаго, Наливайко надѣялся, что онъ и туда за нимъ погонится: въ такомъ случаѣ вѣрный успѣхъ былъ бы на сторонѣ Малороссіянъ. Что могло сдѣлать въ безлюдной степи, зимою, безъ всякаго продовольствія, польское войско, истощенное уже и безъ того до крайности длинными и безполезными походами? Козакамъ степь и всѣ лишенія нипочемъ — степь была имъ довольно извѣстна; Полякамъ же, изнуреннымъ переходами отъ деревни до деревни, начать переходы изъ яра въ яръ, изъ дебри въ дебрь — значило идти на явную гибель. Тамъ бы не медлилъ Наливайко, не избѣгалъ бы сраженія, а принудилъ по неволѣ Поляковъ биться; и едва ли бы самъ Жолкѣвскій не остался на снѣгахъ, безъ погребенія, добычею хищныхъ звѣрей! Никто изъ козаковъ не проникъ хитраго намѣренія вождя: онъ со всею малороссійскою скрытностію хранилъ его въ

глубинѣ души своей; его подчиненные имѣли къ нему полную вѣру и простодушно говорили: Тѝльки Богъ святый знае, що Наливайко думае-гадае!

Однако при всей хитрой тактикѣ, при всемъ умѣньи скрывать свои намѣренія, прикидываясь въ глазахъ Поляковъ трусомъ, показывая видъ, будто, не смотря на значительное количество своего войска, онъ не смѣетъ вступить въ сраженіе, и тѣмъ возбуждая во врагахъ самонадѣянность, Наливайку не удалось. Наливайко хитрилъ и перехитрилъ. Жолкѣвскій не рѣшился слѣдовать въ снѣговыя степи, и размѣстилъ свое войско по деревнямъ, лежащимъ на границѣ степи, распустилъ слухъ, что скоро выступитъ, отдыхалъ и дожидался свѣжихъ силъ.

Такъ стояли нѣсколько недѣль два непріятельскія войска, раздѣленныя снѣгами и дебрями. Положеніе наливайкова войска было пренесносное. Козаки расположились на той сторонѣ рѣки Чорни-Воды, питались конскимъ мясомъ, а лошадей кормили прутьями. Предводитель, опасаясь за жизнь свою, (потому что между козаками начинался ропотъ), искалъ средствъ, какъ бы выйти изъ степи и послалъ двухъ гонцевъ: одного къ Струсю, брацславскому старостѣ, съ прошеніемъ помирить его съ Жолкѣвскимъ, надѣясь тѣмъ выиграть время и соединиться съ Лободою; а другаго послалъ къ Лободѣ, прося соединиться съ нимъ и забыть старыя неудовольствія. Жолкѣвскій, не получая до тѣхъ поръ подкрѣпленій, желалъ прекратить войну; но проникая хитрыя намѣренія Наливайка, не принялъ его предложенія, а послалъ къ Лободѣ, какъ *истинному козаку, а не атаману гайдамацкой шайки,* обѣщая ему королевскую милость и прощеніе въ случаѣ покорности.

Лобода, въ то время, какъ Жолкѣвскій гнался за Наливайкомъ, грабилъ Баръ и его окрестности съ 700 козаковъ и отдуда пришелъ въ Бѣлую-Церковь. Тамъ онъ встрѣтилъ гонцевъ отъ Жолкѣвскаго и Наливайка. Съ Наливайкомъ нечего было постановлять условій, потому что Лобода и не думалъ ему вредить; а что касается до гонца Жолкѣвскаго, то, по опредѣленію рады, онъ былъ отправленъ безъ отвѣта. Козаки подъ начальствомъ Саулы соединились съ войскомъ Лободы, и все ополченіе отступило къ Кіеву.

Между-тѣмъ на помощь Жолкѣвскому, который уже стоялъ въ Пиковѣ, шелъ князь Рожинскій съ свѣжимъ отрядомъ и получилъ отъ него на дорогѣ предписаніе остановиться въ Паволочѣ, городѣ важномъ по своему положенію и укрѣпленномъ самою природою. Рожинскій, собравши около себя разоренныхъ украинскихъ пановъ, ловилъ козаковъ и умерщвлялъ. Дошла молва до Кіева. Собрана рада: послали Шашку съ 3000 разорять имѣнія Рожинскаго; самъ же Лобода отправился въ Переяславль, а въ Черкасахъ былъ уже и Наливайко. Шашка сталъ въ Хвастовѣ и послалъ освѣдомиться о силѣ непріятеля 300 человѣкъ передней стражи. Рожинскій не утерпѣлъ, не выполнилъ повелѣнія гетьмана, выскочилъ изъ Паволочи и разбилъ стражу. Шашка побѣжалъ назадъ, можетъ быть думая, что у Рожинскаго много войска, а можетъ быть и довольный тѣмъ, что выгналъ его изъ Паволочи. Вслѣдъ за тѣмъ 8000 козаковъ подвинулось къ Бѣлой-Церкви.

Рожинскій не пошелъ уже назадъ въ Паволочь, хотя, какъ увѣряютъ, у него было войска не болѣе тысячи; но спѣшилъ занять Бѣлую-Церковь. По мнѣнію Поляковъ,

ему слѣдовало бы запереться въ Бѣлоцерковской крѣпости и ожидать тамъ Жолкѣвскаго; но Рожинскій не любилъ медлить.

Вечеромъ 2 апрѣля, Савула съ авангардомъ расположился таборомъ около Бѣлой-Церкви. Рожинскій намѣревался ночью сдѣлать вылазку и напасть неожиданно на козацкій таборъ. Наливайко съ 3000 козаковъ думалъ ночью устремиться на городъ и крѣпость и перебить сонныхъ Поляковъ. Ночь была темная и ненастная. Рожинскій вышелъ съ Поляками изъ города, а Наливайко съ козаками вошелъ въ городъ въ отворенныя ворота. Враги не распознали одни другихъ, по причинѣ чрезвычайной темноты. Поляки, идучи на звуки трубъ и отклики вождей, при помощи факеловъ, дошли до табора; Ружинскій велѣлъ ударить изъ пушекъ, — козаки встрепенулись, таборъ снялся. Поляки, думая, что враги обратились въ бѣгство, пустились въ погоню, стрѣляя и махая саблями; но Савула, сдѣлавши движеніе къ рѣкѣ Рудавкѣ, возвратился на прежнее мѣсто. Наливайко, принявшись было грабить беззащитный городъ и умерщвлять испуганныхъ козаковъ, услышалъ выстрѣлы, бросилъ грабежъ и поспѣшилъ на помощь Савулѣ. Поляки долго искали козаковъ и Рожинскій велѣлъ поворотить къ взятому, какъ думалъ, козацкому обозу, какъ вотъ начала заниматься заря, — яснѣе, яснѣе — и Рожинскій увидѣлъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ козаками. Бой былъ неравный.

Только храбрости Рожинскій одолженъ спасеніемъ жизни своей и сохраненіемъ горсти пѣхоты. Сомкнувшись тѣсною стѣною, предводимые имъ Поляки прорвались сквозь ряды козаковъ и ушли въ крѣпость, гдѣ поспѣшно заперлись.

Множество было побито. Вообще спасеніе это не дешево обошлось Рожинскому.

Козаки принялись тотчасъ за осаду Бѣлой-Церкви. Но между тѣмъ Жолкѣвскій, стоя въ Трилѣсьѣ, въ трехъ миляхъ отъ Бѣлой-Церкви, услышалъ звукъ орудій, узналъ отъ схваченныхъ козаковъ о пораженіи Рожинскаго и поспѣшилъ къ нему на помощь. Козаки, завидѣвши съ высокихъ кургановъ польское войско, сняли осаду и поспѣшно отступили. Жолкѣвскій приходитъ на поле сраженія — и видитъ груды убитыхъ. Грустно стало ему. Но послѣдовать за козаками тотчасъ онъ не рѣшился, не приведши въ порядокъ своего войска и не усиливши его новыми отрядами. И по тому началъ устроивать свои ряды такимъ образомъ: поставилъ четвероугольникомъ шестнадцать рядовъ пѣхоты, — въ срединѣ стояли возы; въ углахъ и концахъ 24 полевыхъ орудія; конница расположена была частію напереди, частію по бокамъ, частію сзади. Въ такомъ видѣ, подкрѣпившись новыми силами, выступили Поляки.

Козаки, которыхъ число безпрестанно увеличивалось, расположились по разнымъ мѣстамъ. Самъ Наливайко съ большимъ количествомъ войска отодвинулся къ Чигирину; съ нимъ были дружины Лободы и Овары, всего 20000 войска, исключая гайдамаковъ, изъ которыхъ многіе пошли по Украинѣ, но многіе остались при главномъ обозѣ. Атаманъ Тетеря съ сыномъ заняли Каневъ; Шашка былъ на переди и первый встрѣтилъ Жолкѣвскаго. Завязалась битва жестокая, кровавая. Какъ ни искусно были устроены Поляки, однако ихъ гусары ничего не могли сдѣлать козацкому табору. Много дворянъ польскихъ пало въ бою;

потеря по числу воиновъ была для Поляковъ очень чувствительна. Козаки удержали за собою поле; но лишились въ свою очередь Шашки, вождя храбраго и умнаго. Жолкѣвскій поворотилъ къ Каневу. Козаки не слушались стараго своего атамана, говорившаго имъ: «глядѝть, не була-бъ потеря», и заставили его выйти на сраженіе. Поляки разбили ихъ; а самаго Тетерю взяли въ плѣнъ и продали Туркамъ. Жолкѣвскій разорилъ многія козацкія населенія, разбилъ еще нѣсколько разъ ихъ отряды и двинулся къ Чигирину, гдѣ стояло генеральное войско. Походъ этотъ былъ довольно медленъ; разосланные для укрощенія козаковъ отряды собирались постепенно, не разомъ; вешнее половодье разломало мосты, и переправы стали неудобны не только чрезъ рѣки, но даже чрезъ большіе ручьи. Дошедши до Тясмина, Поляки стали, окопались, направили пушки и приготовились къ бою. Козацкое войско также изготовилось. Оно было раздѣлено на три отдѣла: центромъ начальствовалъ Наливайко, лѣвымъ крыломъ Лобода, правымъ Овара. Поляки, какъ-бы желая устрашить заранѣе непріятеля, выставили въ виду его три *хреста:* на двоихъ висѣли тѣла двухъ козацкихъ предводителей — *Богуна и Сомино́*, съ надписью: «Kara buntowców», третій оставался пустымъ, какъ будто еще кого-то не доставало. Козацкая рада велѣла выставить въ отвѣтъ Полякамъ хоругвь съ надписью: ви́рному Христіянству миромъ миръ; а Ляхамъ-ворогамъ пекельный пиръ; въ кого хрестъ — на того й хрестъ.

Началась битва и продолжалась семь часовъ. Поляки устремились на правое крыло Овары, отрѣзали его, смяли,—и самъ Овара лишился жизни. Но мужество другихъ

предводителей и храбрость козаковъ поправили первую оплошность и неудачу. Наливайко съ своимъ центромъ ударилъ стѣною на Поляковъ; вслѣдъ за тѣмъ Лобода выскочилъ изъ своего поста, и вспомоществуемый свѣжимъ засаднымъ войскомъ, бросился на непріятеля съ другой стороны. Поляки смѣшались, разстроились и обратились въ бѣгство. Козаки гнались за ними, били, кололи, утопшихъ изъ рѣки вытаскивали и изрубливали: таково было ихъ ожесточеніе; попадавшихся въ плѣнъ безчеловѣчно умерщвляли; просьбъ и стоновъ не слушали. Радовалась вся Украина, слыша, какъ на «*Чигринській сѣчі кравчина католикамъ похмілья задала!*

Пристыженный Жолкѣвскій убѣжалъ въ Бѣлую-Церковь, откуда разослалъ приказы о доставленіи новаго войска. Вскорѣ въ польскій станъ явилось множество охотниковъ, а изъ Молдавіи прибылъ съ значительными силами полоцкій староста Каменецкій. Козацкое войско напротивъ уменьшалось. Большая часть козаковъ разсѣялась снова по Украинѣ. Съ Наливайкомъ и Лободою осталось всего до 10,000. Жолкѣвскій, зная, что въ Переяславлѣ козаки оставили свои семейства, орудія и войсковую скарбницу, замыслилъ переправиться чрезъ Днѣпръ и напасть на Переяславль. Молва объ этомъ дошла въ козацкій станъ. Наливайко и Лобода предупредили Жолкѣвскаго; переправились за Днѣпръ; истребили за собою всѣ суда, и, услыша, что жители Кіева доставляютъ въ станъ лодки для переправы Полякамъ, которыхъ Жолкѣвскій хотѣлъ вести въ погоню за козацкимъ войскомъ,—отправились наказать Кіевлянъ; но увидѣли на противуположномъ берегу Жолкѣвскаго съ войскомъ подъ самымъ Печерскимъ монастыремъ. Новыя

запорожскія полчища, плывшія подъ Кіевъ на чайкахъ подъ начальствомъ атамана Подвысоцкаго, были разогнаны бурею и польскою артиллеріею, искусно поставленною на берегу. Жолкѣвскій отрядилъ Потоцкаго въ Триполь съ препорученіемъ переправиться въ томъ мѣстѣ черезъ Днѣпръ и напасть на Переяславль; а самъ чрезъ лазутчиковъ пустилъ объ этомъ молву между козаками, желая какъ-нибудь ихъ отвлечь отъ берега, противоположнаго Кіевскому, гдѣ стоялъ самъ. Разставленная козаками по дорогѣ стража увидѣла на той сторонѣ Днѣпра воловъ и возы, наполненные лодками и заявила объ опасности предводителямъ. Безпокоясь за свои семейства, козаки снялись съ луга, гдѣ стояли, и поспѣшили къ Переяславлю. Этого-то Жолкѣвскому и хотѣлось. Собравъ свои челны, онъ, тотчасъ, по слѣдамъ козаковъ, переправился за Днѣпръ и вскорѣ козаки узнали, что за ними идетъ сильное войско.

Что дѣлать? Запереться въ Переяславлѣ — нельзя. Переяславская крѣпость очень ненадежна; козаки подвергаются опасности быть стѣсненными съ двухъ сторонъ: здѣсь войско Жолкѣвскаго, на другой сторонѣ Днѣпра войско Потоцкаго; да и чѣмъ кормить лошадей, которыхъ было болѣе 10,000. Козаки разсудили лучше двинуться далѣе съ своими семействами и сокровищами, надѣясь, что если войско польское не погонится за нимъ, а пойдетъ назадъ, то они могутъ свободно напасть на него съ тылу; а если погонится, то хитрыми увертками его можно изнурить еще лучше, чѣмъ въ Заднѣпровьѣ, и нагнать на удобное мѣсто, гдѣ можно напомнить Полякамъ чигиринское дѣло. Но Жолкѣвскій проникнулъ ихъ планы и допустилъ выйти изъ Пере-

яславля. Забравши своихъ женъ, дѣтей и имѣнія, они думали перевести ихъ въ Лубны, мѣсто неприступное и твердое; но пришедши туда, не сломали за собою моста на Сулѣ. Жолкѣвскій, соединившись съ Потоцкимъ, поспѣшилъ за ними къ Лубнамъ.

Войско польское остановилось въ Тохуцинѣ въ 20 миляхъ отъ Лубенъ, откуда коронный гетманъ написалъ жителямъ этаго города письмо, въ которомъ обѣщалъ имъ Королевскую милость, если они не сломаютъ моста и задержатъ козаковъ въ стѣнахъ своихъ.

Между-тѣмъ узналъ Жолкѣвскій, что въ мѣстечкѣ Горошинѣ Сула очень удобна для переправы и, располагая, чтобы во время нападенія на Лубны съ другой стороны стояло польское войско, послалъ туда старосту брацлавскаго Струся съ его отрядомъ. Струсь пошелъ прямо полемъ, не сказывая даже ничего и своимъ подчиненнымъ, и, пришедъ на мѣсто переправы, велѣлъ подѣлать изъ камыша плоты, изготовилъ маленькія лодочки, и такимъ образомъ переправился на другой берегъ. Между-тѣмъ войско польское усилилось нѣсколькими рядами литовской конницы, предводимой Богданомъ Огинскимъ подкоморіемъ троцкимъ, который встрѣтился съ Жолкѣвскимъ за 6 миль отъ Лубенъ. Поляки ускорили походъ; Жолкѣвскій отрядилъ авангардъ подъ начальствомъ Бѣлицкаго, который шелъ форсированнымъ маршемъ день и ночь, и наконецъ увидѣлъ на высокой горѣ крѣпость. Козаки, завидя приближающихся Поляковъ, бросились разламывать мость; но Бѣлицкій пустилъ на нихъ такую

тучу стрѣлъ и пуль, что они кинули свою работу, ушли изъ города и расположились за милю отъ рѣки Сулы на урочищѣ Солоницѣ. Бѣлицкій вошелъ въ городъ.

Тогда Струсь, выбравъ изъ своей конницы двухъ отборныхъ ѣздоковъ, послалъ къ гетману съ донесеніемъ о своемъ прибытіи, и просилъ, какъ скоро Жолкѣвскій явится въ городъ, то чтобы пушечнымъ выстрѣломъ дать ему знать, когда броситься на непріятеля. Чрезъ нѣсколько времени загремѣла пушка—и Струсь выскочилъ изъ своей засады. Пыль встала отъ лошадиныхъ копытъ — козаки думали, что это Татары; но вскорѣ узнали свою ошибку и увидѣли себя окруженными спереди и сзади. Страхъ и замѣшательство всѣми овладѣли; не знали, что дѣлать. Лобода, чтобы дать Радѣ время на что-нибудь рѣшиться, послалъ просить Струся дозволить начать переговоры. Струсь согласился, потому что еще Жолкѣвскій не прибылъ къ Солоницѣ. Козаки долго спорили; одни говорили бѣжать въ степь, другіе представляли имъ неудобства побѣга и совѣтовали лучше оградиться окопами и защищаться. Больше всего безпокоили и мѣшали козакамъ женщины и дѣти: они боялись тащиться съ ними въ дикія степи. Послѣднее мнѣніе превозмогло, и козаки остались на мѣстѣ и укрѣплялись. Между-тѣмъ прибылъ и Жолкѣвскій. Тогда Струсь не хотѣлъ слушать никакихъ уговоровъ, и Поляки окружили козаковъ такъ, что они лишились и воды и пасьтбищъ.

Четырнадцать дней длилась эта страшная осада, четырнадцать дней гремѣли пушки и звучали сабли; козаки доведены были до послѣдней крайности, но сносили ее съ удивительнымъ присутствіемъ духа: безъ хлѣба, соли и воды,

питаясь вонючимъ лошадинымъ мясомъ, съ каждымъ днемъ теряя лучшій цвѣтъ своего юношества, безъ всякой надежды, они не только не думали сдаваться, но дрались храбро, мужественно и радовались тому, что и враги ихъ терпятъ: много уже молодыхъ дворянъ, потомковъ знаменитыхъ фамилій, легло на валу; сильно измучены были польское войско и предводители трудами и бдѣніемъ. Долго козаки терпѣли, — но терпѣнію пришелъ конецъ. Когда Жолкѣвскій велѣлъ насыпать высокіе курганы и съ нихъ безпрестанно палили изъ пушекъ, и ядра ежеминутно убивали женъ и дѣтей въ глазахъ мужей и отцовъ: такія зрѣлища больше, чѣмъ всякія лишенія пищи, отняли у нихъ силу, храбрость, твердость: козакъ неукротимъ и грубъ на войнѣ, въ товариществѣ, но въ семействѣ онъ человѣкъ. Начался всеобщій ропотъ: всѣ обвиняли Наливайка и Лободу въ томъ, что они завели ихъ туда. Лобода, бывши столько лѣтъ идоломъ подчиненныхъ, идеаломъ козацкой жизни, подъ конецъ лишился довѣренности братьевъ и всей своей чести. Отъ него отняли начальство и на мѣсто его избрали Кремскаго. Новый предводитель предложилъ козацкой Радѣ сдаться Жолкѣвскому, съ условіемъ забыть всѣ неудовольствія, бывшія между Поляками и Малороссіянами, и никого не казнить, кромѣ главныхъ зачинщиковъ. Ужъ невозможно было болѣе терпѣть: кучи гніющихъ человѣческихъ и лошадиныхъ труповъ причинили въ козацкомъ станѣ заразу; пищи никакой не было. Надобно на что - нибудь рѣшиться: козаки сдались. На другой день Жолкѣвскій заключилъ съ ними слѣдующія условія:

1.) Козаки могутъ разойтиться по домамъ; но безъ воли

короля не должны собираться въ строи, выходить въ походы и избирать предводителей.

2.) Пушки, знамена, порохъ, военные запасы и скарбницу должны отдать Жолкѣвскому.

3.) Наливайка, Лободу съ другими предводителями—Мазепою и Кизимомъ, выдать.

Все было исполнено. Козаки вышли изъ своихъ окоповъ блѣдные и чахлые и повергли къ ногамъ Жолкѣвскаго булаву гетьмана Наливайка, два богатыхъ знамени съ гербомъ нѣмецкаго императора, третье знамя съ гербомъ седьмиградскимъ, серебрянныя литавры и трубы, дары Рудольфа и Максимиліана; тридцать одна пушка досталась побѣдителямъ. Наливайка и Лободу съ другими осужденными повезли окованныхъ цѣпями въ Варшаву, гдѣ засадили въ тюрьму. Патеръ Янчинскій разсказываетъ, что во время содержанія Наливайка въ темницѣ надъ головою его день и ночь стояли воины съ топорами; едва только онъ начиналъ засыпать, они тотчасъ пробуждали его обухомъ, и такъ мучили его разнымъ образомъ. О казни всѣхъ четырехъ предводителей говорятъ разно. Янчинскій разсказываетъ, что Наливайка посадили верхомъ на раскаленнаго желѣзнаго коня и увѣнчали раскаленнымъ желѣзнымъ обручемъ. Конискій иначе повѣствуетъ объ ихъ казни, — съ нимъ сходно говоритъ и народная пѣсня: Наливайка, Лободу, Мазепу и Кизима, при огромномъ стеченіи народа, бросили въ мѣднаго быка; этаго быка поджигали нѣсколько часовъ медленнымъ огнемъ, пока слышенъ былъ крикъ несчастныхъ; потомъ пламя охватило всю махину, и

когда потушили его и отворили мѣднаго быка, тѣла страдальцевъ обратились въ пепелъ. . . . . (*)

Присудили Ляхи Наливайка
Уволу спалити;
Присудили уси́ козаченьки
Ляхамъ ви́домстити.

Н. Кастомаровъ.

15 Декабря 1841. Харьковъ.

(*) При составленіи этаго разсказа сочинитель руководствовался преимущественно Лубенскимъ, Яичинскимъ, Нѣмцевичемъ, Малороссійскимъ лѣтописцемъ и народными пѣснями.

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ ГЕНЕРАЛЬНАГО-ОБОЗНАГО

ИВАНА ЛОМѢКОВСКАГО,

писанное въ Яссахъ Марта 25 дня 1711 года.

(Сообщено В. Н. Каразинымъ.)

Воіма Отца, и Сна, и Дха Свтго, Аминь.

Внемириомъ семъ и многомятежномъ мирѣ, 66-й житія моего кончачи рокъ, зъ пилнимъ уважаю разсужденіемъ, до якого по многотрудныхъ лѣтехъ моихъ течение житія моего спѣшитъ термѣну. Недопускаетъ Всемогущаго Создателя моего, и Бга разширатися моимъ мыслямъ, не премѣнный, одъ начала мира первосозданному члвѣку за преступление заповѣди вырокъ. Земля еси и паки въ землю пойдеши. Тимъ ужасаюся и трепещу, жемъ хитросплетенными мира сего уловленъ плѣницами, жадного не прыобрѣлъ душеполезного прыкупу, але восуе цѣлый трудилъся вѣкъ. Едину пре то имѣю надежду, въ неизрѣченномъ милосердію Бжомъ, же яко долготерпѣливъ и многомилтивъ Создатель мой, и Бгъ. Созданія своего неоцацованною [1]. ценою, пречистою кровію своею одкупленого, милостивно наказавши временно, вѣчной со беззакони моими не предастъ мене смерти. Призиваю и мно,

1. Неоцѣненной (unschätzbar).

во умилостивленіе, и многомощное предстателство, крѣпкую надежду, и всемощную Помощницу, Пречистую Присно Дву Брдцу Марію, Ейже заступленію мене вручаю, а всѣхъ Небсныхъ безплотнихъ сылъ, и всѣхъ стихъ, ихже церковъ стая восточная, Православно Кафолическая, почитая во помощь прызиваетъ, и азъ грѣшний, тихъже со усердіемъ прызиваю и молю, да млятъ за мя Маестатъ Божий и въ тую Бжого Милосердия Надѣю, неодчаеваю, когда время прыйдетъ, житие мое маловременное кончити, зъ тимъ оправданіемъ, жемъ рожденъ и воспитанъ, одъ прародителей моихъ въ стой Православно Кафолической вѣри. А уховай Бже если прежде кончини моей, отъ болести или малоумия въ чомъ погрѣшу, за тое да не судитъ мене Судия Справедливый. Ему же душу мою грѣшную, въ руцѣ стие предаю, а тѣло отъ землѣ взятое, вземлѣ тамъ загребено маетъ быти, гдѣ отъ тѣла душа разлучится. Если не будетъ можна, чого зусердіемъ желаю, жебы въ обытелѣ стой Печерской Киевской, албо въ монастирѣ Стля и Чудотворца Хва Николая Рихловскомъ, за Днѣпромъ, где положени суть жони моей Маріей Мокріевичовни, и сина моего младенца Іакова кости, или, въ монастырѣ Милчецкомъ на Волинію недалеко Дубна, гдѣ погребенъ есть милій П: Родичь мой, до того мѣсца, на якомъ положенъ будетъ трупъ мой, на млитви стие за душу мою, синомъ моимъ милимъ зъ позосталой суми, и на ялмужну [2]. по силѣ своей. Если жъ въ тихъ стихъ обытелехъ ихъже вижей спомынаю будетъ тѣло мое погребено, то напомынание души моей грѣшной, и

2 Милостиня Almosen.

родителей моихъ, въ Сѵнодикахъ тихъ стихъ мѣсцъ, в писанихъ душъ, сто червонихъ, прыказую дати. А ихъ всѣхъ синовъ моихъ милихъ, Иоанна старшаго з милою женою, и коханими чади, родителско блгословю, и Бжия имъ благословения желаю. Володимера во всемъ, и за все, щире прощаю, и да проститъ его Гдь Бгъ, и да благословитъ отцевско зичу. И если придетъ по буйнихъ лѣтехъ, в чувство, и статечно по Бзѣ житиметъ [1], одъ лежащихъ добръ нечиню, чужда, але радна сина и наслѣдника твору, и в тую надежду же схочетъ свое обѣщание давное, исполнити, и совершити, ниже написаную до стой обители Печерской Киевской, непремѣнно назначаю, и записую *легацию*. Илію яко повинующася, и послушна сина сердцемъ отцевскимъ благословю, и да благословитъ его Господь Богъ усердно желаю. Коханую дочерь мою Елену Семионовую Мировичовую, з милимъ ей малжонкомъ [2], и коханими чади благословлю, и Бжія имъ блгословения одъ усердія моего желаю. Михаила сина юнѣйшаго, збратнею, и коханою сестрою, равному благословенню Бжому, и моему родительскому вручаю. Всѣхъ ихъ родителскимъ моимъ упоминаю сердцемъ, жебы въ заповѣдехъ и оправданияхъ Бжихъ, и в стой непорочной православной вѣри, Кафтолической статечно, а з собою всегда любовне жили, и неусипное ялмужными, и стими побожнихъ особъ духовнихъ молитвами, о моей души, родителки своей коханой, и прародителей имѣли стараніе благодати маестати Божии, и уставичное попечени; залецаю [3], и приказую синомъ моимъ милимъ, имѣти усердную лю-

1 Будетъ жить. 2 Супругомъ. 3 Завѣщеваю.

бовь до сродственныхъ своихъ, и до всѣхъ ближнихъ, найпаче же до обителей стихъ, и до особъ чину духовного, а особно до церкви Стля и Чудотворца Хва Николая Батуринского, въ ней же погребни суть единоутребние, ихъ, младенци, подле правого крилоса в деревяномъ склепику, Василий, и Афанасій, а по лѣвой сторонѣ внутрь подъ порогомъ Марина сестра.

Тое выражаю же долговъ жадныхъ на себѣ немаю, и нѣкому (:яко мнѣ здается:) не естемъ виноватъ. Лечъ запевную суму мною подчасъ наглого въ отчизнѣ замѣшання на нужную потребу, недоброхотно страченую, поки еще тая сумма, въ моихъ рукахъ зоставала, и моя худоба вся была цѣла, мѣлемъ [1] желание, церковь мурованую [2] по моей силѣ въ Рихловскомъ Монастирѣ на гробѣ жони моей Марией, и сина младеньца Іякова построити. Теди отцевско ражу [3] а не прынуждаю синовъ моихъ, и до того дѣла побожного побужаю, жебы старалися церковь на вижейменованомъ мѣсцу по силѣ сумми мурованую построити, если нужная имъ якая неучинитъ прычина пренятия, и если столко мѣтимутъ кошту, бо сужу тое дѣло быти потребное, и имъ душеполезное, жебы чи на томъ, чи на иншомъ знатномъ мѣсцу, была церковь сооруженна, ихъ любовнимъ хотениемъ и стараньемъ.

Синовѣ Іліи назначаю, и благословлю з позосталихъ по мнѣ грошей взяти червонихъ золотыхъ . . . . на свою потребу. А Михайловѣ синови юнѣйшому червонхъ золотыхъ дати. . . . .

Того ради же онъ Ілія значнмъ у мене бывалъ датокъ . . .

---

1. Я имѣлъ 2 Каменную. 3 Совѣтую.

грошевий, з Володимеромъ, а Михайло для своихъ молодихъ лѣтъ, барзо мало бралъ. Іоанъ синъ старший можетъ тимъ взяткомъ контентоватися, який з рукъ моихъ бираль, *що* по своемъ *веселю* [1] з Роменской аренди прынялъ. Володимеръ синъ и тимъ удоволитися можетъ грошевимъ взяткомъ в Ясахъ без мене взятимъ, о чомъ брати его совершенно знаютъ. А если Господь Богъ милосердній дастъ прійти дозуполной поссесие всѣхъ добръ тамътого-бочныхъ [2] Украинскихъ, которіе по премногой милости Всемилостивѣйшого Великого Гдра и Всероссійского Цра Петра Алексѣевича Его Царского Пресвѣтлого Величества мѣлемъ преможними грамотами на данie и утвержение а за унѣверсалами власти войска запорожского въ нагороду вѣрной моей служби, и уставичнихъ працъ [3], мнѣ и синомъ моимъ служачие. Анайбарзѣй въ розныхъ поляхъ и мѣсцахъ купленне кгрунта, то есть, *млыни* [4], поля, сѣножати, лѣси, гаи [5], отчини пцолние, и Рудню новую, въ Топалскомъ уездѣ, въ полку Стародубовскомъ на купленомъ у Иволги козака тамошнего кгрунтѣ, моимъ коштомъ зъ Фундаменту построеную. Двори Броваръ, и винницъ моею працею, и коштомъ будование, тими всѣми добрами маютъ любовне нежонатие сини мои (:безъ жадного заводу:) упросивши до того подѣлу, добрихъ зобохъ сторонъ приятелей (:если сами не помѣркуются:) ровне и полюбовне подѣлитися, еднакъ же бы без кривди старшого сина было. А з того подѣлу, якую часть уподобаетъ собѣ Михайло синъ молодшій тая приемъ без преки маетъ зоставати, и

---

1. Послѣ свадьбы. 2. Тѣхъ сторонъ. 3. Трудовъ. 4. Мельницы. 5. Рощи.

лахмани [1] мои, если якие останутся, и *футра* [2] емужъ належатимутъ.

Вишенки сѣлце надъ Десною, здворами моимъ коштомъ построеними, полями, сѣножатми, лѣсками, и озерцями, покупленими, и *наданими* [3] и млынкомъ на рѣчцѣ Чернявцѣ построенимъ, втакомъ, в якомъ за моей державы заставало о Богѣ часи вѣчними до обителѣ стой Рахловской *лекгую* [4], и записую, а покорне супплѣкую, до Ясневелможнаго пана Гетмана войскъ Запорозкихъ, же бы рачилъ потвердити, своимъ поважнимъ Унѣверсаломъ, сию мою подлую лекгацию, и позволилъ той стой Обителѣ, тое сѣлце Вишенки з посполитими людми в поссесию отдати, Еднакъ з упомнениемъ, и пересторогою, же бы живучие козаки, не узнавали, надъ свое звание, и волности, долегливости, а Посполитие люде, утемеженя [5] и незвичайной роботизни, одъ законниковъ того мѣста святого.

Момѣкинскій, за Новгородкомъ, млынъ, на Смячи рецѣ, одъ *небощика* [6] блаженной памяти пна Михайла Миклашевского Полковника Стародубовского вѣчнимъ правомъ *набытий* [7], зо всею *греблею* [8], до стой обителѣ Печерской Киевской обѣщания ради сина Володимера, и для поминанія души моей, и вписанихъ душъ въ Сѵнодику Печерскомъ, лекгую и записую.

Гребля на Убедѣ рецѣ в сотнѣ Сосницкой, вижей Кириевки, а нижей Кудровки у Калиновой Пристани зъ фундаменту

---

1 Гарсиросъ. 2 Мѣховые товары. 3 Посрововальными. 4 Завѣщеваю. 5 Утѣсненіе. 6 Покойнаго. 7 Доставшись. 8 Плотиною.

на новомъ мѣсцу, моимъ коштомъ сипанная, фундованая, и на ней млини построение, зъ тихъ едну клѣтку зъ двома каменями мучними а у дрогой клѣтцѣ половину ступъ и валюшовъ, и село Лави, для моей службы наданое, Іоаннови синовѣ старшому, и потомкомъ его далемъ, тое и симъ моимъ тестаментомъ ствержаю. Еслижъ брати его молодшие, могутъ при роздѣлѣ добръ по мнѣ позосталихъ, обытися без половини тоей греблѣ, чи любовию, своею братерскою *порушени* [1], чи приятелскимъ помѣркованьемъ, и угодою, контентуючися для далшой згоди, и любве братерской уступлятъ Іоаннови цѣлой тоей греблѣ, то онъ тоею маетъ контентоватися и до жаднихъ вже сподковъ, и по дѣлу межи братами неповиненъ будетъ прыступати. А на тоей греблѣ, воленъ будетъ еще и болше клѣтокъ за порадою разумнихъ мелниковъ, для своего пожитку постройти. До тоей же греблѣ займище окопаное мимо шляхъ Сосницкій лѣсовое для гаченія греблѣ Іоанновѣ сыновѣ належатиметъ, и нива на другомъ боку греблѣ на горѣ, одъ Миколая рудника Ялборовского, купленая, и гребелка на лютой рѣчцѣ недалеко Кудровки, на шляху лежачая, а мною купленая, на которой волно ему будетъ синови моему старшому *ведлугъ* [2] потуги воли млынокъ построити ку своему пожиткови, яко на своемъ *власномъ* мною купленомъ кгрунтѣ.

Дочерѣ моей коханой Еленѣ Семионовой Мировичовой на Новомлынской греблѣ единъ мучний камень в другой клѣтцѣ одъ мѣста давнокупленій зблизшимъ дворцемъ, и

---

1 Убѣждены. 2 Ежели.

сѣножатю, лѣскомъ, и лозами на ней, о чомъ всемъ знаютъ панове Новомлинцѣ, пляцъ вмѣстѣ Батуринѣ на якомъ самъ *мешкалемъ* [1], межи дворами, его милости пана Семена Савича писара теперешного войскового Енералного, и небощика пана Іоанна Лысицѣ, и футорецъ за Сеймомъ на Городищѣ куплений, и мною строений вѣчне дарую.

А яко всѣмъ сиротамъ есть Господь Богъ всѣхъ благъ промисеникъ и податель, такъ и о моихъ дѣтехъ схочетъ милосердно промишляти, видя ихъ благочестное житие. Еднакъ зврожоной моей отцевской до ихъ милости, еще за житія моего пры доземномъ уклонѣ моемъ, покорне прошу Ясневелможного Его мил: пна Гетмана войскъ Запорожскихъ же бы изволилъ въ милостивой своей опецѣ и ласце дѣти мои держати.

Ихъ мил: особъ всѣхъ Енералнихъ, также на власти, и подъ властию зостаючихъ, в любовъ и ласку до всѣхъ моихъ дѣтей, о всякое благое наставление, и помоществование велце прошу.

За опекуновъ назначаю, и прошу

Его мил пна Дмитрія Ярченка полковника войска, Запорозкого Прилуцкого

Его мил пна Данила Апостола полковника Миргородского

Его мил пна Павла Полуботка полковника Чернѣговскаго

Его мил пна Семена Савича Писара Енералного

Его мил пна Лукіана Жураховского полковника Нѣжинскаго.

---

1. Гдѣ я самъ пребываніе имѣлъ.

Симъ же остатней волѣ моей тестаментомъ синовъ моихъ милихъ упоминаю, и отцевско по нихъ *пилно* [1] жадаю, же бы кревнихъ своихъ, якие удаватимутся до нихъ, и они з доводу могутъ знати, же суть вродствѣ, негнушалися. Але чимъ возможно будетъ, посили своей ихъ вспомагали. Особливе потомковъ братовъ, моихъ рожоныхъ старшихъ Стефана, и Василія Ломѣковскихъ, вровной межи собою почитали, любвѣ, измилости своей къ нимъ братерской по силѣ своей, всякого вспоможеня, и доброго наставления неодмовляли, и до дѣтей небощика пна Феодора Бобрикевича, близкого брата моего афектъ добрий имѣли.

Служащихъ мнѣ на сей часъ, по погребении смрадного моего трупу, пилно прыказую роспорадити, и чимъ будетъ возможно уконтентовати, а хто, и що за мимошедшие лѣта у мене взялъ, реестръ моею рукою писаний покажитъ.

О тое пилно упоминаю, же бы где мое тѣло грѣшное будетъ погребено, нерушено яму копаючи, чужихъ костей, и погребение смирное маетъ быти.

Іоанъ Ломѣковский Обозний реестровый войска Запорозкого Енералний.

(печать.)

Реестръ всѣхъ добръ моихъ въ Украинѣ сѣверной страни лежачихъ

Село Вишенки за Коропомъ над Десною, тое зо всѣмъ якъ самъ од тридцяти лѣтъ заживалемъ, кому маетъ належати, о томъ выжей виразилемъ.

Понорниця село и Верба зъ дворами, броварами, и винницями, коштомъ моимъ построеними, полями, сѣножатми, лѣ-

1. Усердно.

сами, окопаними и неокопаними, и дворами шинковними, купленими, и моимъ коштомъ будованими, зъ млынами почавши одъ вершини тоей, якая черезъ тие села идетъ, рѣчки. Першій млинъ Зѣнковский о двохъ каменяхъ мучнихъ, накупленомъ у Василя Зѣнченка, пустомъ займищи, коштомъ моимъ и працею значною гребля сипаная, и млынъ построенъ.

Млынъ новий, на новомъ мѣсцу, посередъ села Понорницѣ, вишше пана Писара теперешнего войскового, працею, и коштомъ моимъ значнимъ, гребля сипана, и клѣтка о двохъ каменяхъ мучнихъ построена.

Худковскій прозиваемий млынъ, вижей Вербенского о двохъ каменяхъ, тая гребля з ласки войсковой мнѣ надана, на которой коштомъ моимъ и працею млинъ новий о двохъ каменяхъ построений, тотъ млинъ розискови и разсужденію найвишшой власти войсковой поручаю, сторони части мелницкой, да нескорбитъ на мене хто до него отую часть инътересуется.

Окопъ у П: Ѳедора Бобрикевича куплений, где моя пасѣка стояла надъ ставкомъ Вербенскимъ.

Лѣсъ у Яроша, зъ сѣножаттю куплений, где и пасѣка моя была.

Млинъ въ Вербѣ подъ дворомъ о двохъ каменяхъ мучнихъ, и ступникъ у П: Омеляна Сосницкого, и другого тамошнево мелника куплений.

Тамъже два двори новие моимъ коштомъ строение, винница, и сади на вгородахъ. Млинъ нижей Осмаковъ, въ которомъ Петро Мѣрочникъ прежде сидѣлъ.

Гребля вѣчне наданая, и Грамотою Монаршою во вѣчние роди утверженая, а млынъ о двохъ камнеяхъ, и ступникъ, мо-

ею працею и коштомъ построение. Займище лѣсовое по обоихъ сторонахъ ставу коштомъ немалимъ окопаное. Сѣножати а на бору, пцолная отчина куплена. Еднакъ тотъ млынъ если маетъ зъ мелницкою частю синомъ моимъ служити разсуждению власти войсковой поручаю, знаючи о томъ же въ томъ млинѣ, предъ моею поссесиею, часть мелницкую, у потомковъ отца Дуброви Коропского куплено.

Млинъ на той же рѣчцѣ, нижей Козолуповки мною куплений, у Логвина Конятинского, а у Івасихи Сосницкой зъ синами, о двохъ каменяхъ, и ступникъ. Тамже дворецъ зъ винницею, займищами лѣсовими, з лѣсомъ особно у Леска мелника купленимъ, зъ гаемъ одъ Кудровки окопанимъ, сѣножатми, и полемъ пахарнимъ.

Гребля Накотъ прозиваемая, недалеко Рождественного купленая и гай по обоихъ греблѣ сторонахъ, и два гайки, недалеко Отюши купление, о чомъ Рождественцѣ и Отюшане знаютъ.

Пляцъ въ мѣстѣ Батуринѣ, и за мѣстомъ купление.

Фолварокъ за мѣстомъ, земля у Сметани купленая, а другая часть землѣ, за позволениемъ власти, и небожчика Кучинсково своячого тую землю, моимъ коштомъ окопаная.

Фолварокъ за Сеймомъ куплений отомъ знаютъ городищане. Особливе Козолупенки, а кому належатиметъ, з пляцомъ мѣснимъ, о томъ вижей написано.

Бахмацкий футоръ, накупленой землѣ, коштомъ моимъ строений, зъ млинкомъ и двома *ставками*, [1] и дворцемъ особно у Мартина Лапенка купленимъ. Дотого футора обширние лани, во всѣ руки, и знаками означение, у Поросючки могили *ланъ*, [2] и противъ двора Гетманского окопаний ланокъ, надъ став-

1. Прудками. 2. Отведенное для господской пашни мѣсто.

комъ небощика пана Кочубея, тожъ властию прыгорнень былъ до дворца Гетманского. З другого боку ставка Кириковскаго ланъ, и противъ гайку нива немалая, а за гайкомъ сѣножать купленая, подле войсковой невеликая.

За Бабачинами поле значное, и сѣножати купленне.

Третий ланъ недалеко Суховодки великий.

Посемъ боку одъ Бахмача подъ Куренею немалий ланокъ, зъ ласки войсковой наданий.

За Куренею окопаний гай, въ немъ пасѣка з пцолами, и сѣножать, тотъ окопъ з гаемъ у Баришполченка Борзенского давно куплений.

У Довгой дубини, едучи до пустой греблѣ сѣножати надание зъ ласки войсковой, и грамотою Государскою утвержение, зъ признаками копаними.

Футоръ на Головенцѣ, з огородомъ, садомъ, пастовникомъ, и гайкомъ березовимъ у Олекси Новомлинского куплений, а мнѣ одъ пана Карпа Мокриевича, второго отца моего даний, зъ двома гребелками, едною недалеко луга и шляху Новомлинского, а другою нижей села. Тотъ футоръ прысвоилъ небощикъ панъ Кочубей, будучи писаромъ Епералнимъ, и поссесоромъ села Головенки, за моимъ вѣдомомъ полѣтичнимъ.

Парафѣевка село, въ Иченской сотнѣ, тамъ дворновимъ моимъ коштомъ будований, клуня великая, з полями сѣножатми, з пасѣкою, и ставкомъ, недалеко пасѣки занятимъ, и гайками у многихъ людей купленими, о чомъ всѣ селяне знаютъ и Бартошовщина.

Значний лѣсъ у Лотоша Парафѣевского куплений, недалеко маетности монастира Печерского Киевского, чи подъ селомъ Шиловичами, чили Буромкою, о чомъ тамошние селяне знаютъ. Тотъ лѣсъ якъ есть во своемъ обрубѣ,

если бы немѣла служити синомъ Парафѣевка, то его лекгую, до святой обителѣ Печерской Киевской. А если Парафѣевка село, будетъ сынамъ моимъ по прежнему служити тотъ лѣсъ заховую пры нихъ, для господарской вигоди и потреби, и тую мою вижей написаную лекгацию ихъ волѣ поручаю.

Реестръ певнихъ должниковъ, которие мнѣ виновати зостаютъ.

Панъ Василь Матвѣенко Прилуцкий, прозваниемъ Каневченко, взялъ въ небытности моей, у пана Ѳедора Бобрикевича, брата моего близкого, грошей монхъ власнихъ золотихъ триста в Батуринѣ, передъ революциею.

Панъ Семенъ Черѣговецъ житель Стародубовский, давно виноватъ чотириста золотихъ без дванадцяти за воскъ мой, взятий, у п: Петра Нестеренка.

Шафарѣ Стародубовские, на тотъ часъ, яка аренда служила мнѣ з пномъ Прокопомъ Суленкомъ Обознимъ Полковимъ Стародубовскимъ, рочние арендовие винни, за мою горѣлку виданую, золотихъ полпятаста якие гроши подобно на Гаврисѣ Лысомъ прозиваемомъ Свѣдерскомъ одказуютъ, они знаютъ толко нехай мое оддадутъ.

Тамъ же въ Ратушѣ Стародубовскомъ, каменей сѣмьдесятъ было моего тютюну неплаченого, о чомъ старшина мѣская знаетъ.

Тамъже п: Дулский не доплатилъ за мой дворъ, который у п: Петра Нестеренка куповалъ за моимъ позволенемъ.

Тамъ же пнъ Прокопъ Суленко Обозный Полковий Стародубовский, если неболше то на чтири тисячи зосталъ мнѣ виноватъ за Аренду, которую зо мною держалъ два роки

по половинѣ, а бралъ за кождую сотню волоскую, из села Порукавичное, а мнѣ и едного недавалъ шеляга, и иста невиплатилъ, за мою горѣлку, и рахуби несхотѣлъ чинити, о чомъ всемъ знаетъ доволне п: Петро Нестеренко, бо онъ служилъ мнѣ на тотъ часъ и овсемъ зналъ.

Хлопецъ Грицикъ, з братомъ своимъ роднимъ Иваномъ сини Ефхима Носенка Березинского, на *облѣкъ* [1] з маткою своею черницею, золотихъ пятсотъ виплакали, тотъ облѣкъ з шкатулки украли, надъ Днепромъ не оддавши грошей, и еще много худоби моей покравши, не доходя Инкгулця утекли, а украли они, шапковихъ добрихъ соболей паръ дванадцять, а меншой цени паръ двѣ. *Зекгарикъ* [2] щирозлотний ценою сто червонихъ золотихъ. Талярей бытихъ шестдесятъ и килка з шкатулки. Чеховъ и копѣекъ немало. У Иліи сина моего килка сотъ золотихъ тамже будучихъ. Сагайдаковъ два оправнихъ богато, ценою болше пятисотъ золотихъ. Бламъ футра попеличого. Бламъ рисіого лаккового. Бламъ душокъ кунѣхъ, душками соболѣми перешиваного, и лапками. Кубокъ срѣбрний, ложокъ пару складанихъ, и ложечку малую довгую алкермесъ и дриакву брати. И ложокъ новихъ незаживанихъ *тузневъ* [3] два, *сутo* [4] позлоцѣстихъ, а третий бѣлий срѣбрний з межи срѣбра, втотже часъ пропало з барила, бо хлопецъ Грицикъ все мѣлъ въ своихъ рукахъ. Шабель двѣ турецкихъ злоцѣсто оправнихъ. Обухъ богато оправний. А зъ другого оправу срѣбрную. Коберци, *килими*, *хустки* . . . . . , хуста [5] бѣлие, сукнѣ Иліи сина. Паръ двѣ пѣстолетовъ Lazarini commìnazi роботи новихъ, ценою золотихъ полтретяста.

1. Заемное письмо. 2. Карманные часы. 3. Дюжина. 4. Жарко. 5 Ковры — платки.

Саксонской роботи пару пѣстолетовъ добрихъ заживанихъ. Ножи. И много иннихъ дробязковъ покрали, чого и сами таити не могутъ. Коней четверо з кулбаками для вюковъ зъ тимъ всѣмъ, утекли.

У Кгавронцяхъ подъ Полтавою, в чомъ и на много зашкодили, ведомые люде тамошние разбойницкимъ способомъ, о томъ Петро Улѣцкий служачий мнѣ, если будетъ живъ знаетъ, бо онъ былъ посиланъ, для рознихъ покупокъ зъ будищъ в городи. Еднакъ и карта есть, во свѣдительство, од Кгавронского рибака дана. И Имена в ней тихъ разбойниковъ написани.

(За тѣмъ слѣдуетъ описаніе долговъ шинкарей его и другихъ на арендѣ содержавшихъ его имѣніе.)

. . . . . .

На концѣ:

року тисяча семсотного первого надцять мѣсяця Марта двадцять пятого дня въ Ясахъ

Іоанъ Ломѣковский Обозный войска Запорозкаго Енералний (слѣдуютъ 2 печати.)

На оборотѣ приписано еще:

Року тисяча сѣмсотного четвертого надцять мѣсяця Марта третіого надцять дня.

(Тамъ же, но нѣсколько дрожащею рукою:)

Совершенних доживши лѣтъ, и поздного достигши вѣку. . . . . (далѣе не возможно разобрать за вѣтхостію.)

ОЧЕРКЪ

МАЛОРОССІЙСКИХЪ ПОВѢРІЙ И ОБЫЧАЕВЪ,

ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ.

Подъ благодатнымъ небомъ Украины сохранилось много преданій, повѣрьевъ и обычаевъ, относящихся къ разнымъ мѣстамъ, лицамъ, обстоятельствамъ жизни и другимъ предметамъ. Богатый рудникъ этотъ почти не тронутъ еще; рука опытнаго и зоркаго наблюдателя къ нему не коснулась. А между тѣмъ, сколько любопытнаго въ завѣтныхъ преданіяхъ народа, какое глубокое чувство въ его пѣсняхъ, какой роскошный, игривый вымыслъ въ его сказкахъ, и сколько практической философіи въ пословицахъ!

Къ сожалѣнію, на всѣ эти предметы по нынѣ не обращено того вниманія, которое они вполнѣ заслуживаютъ и по индивидуальному своему характеру, и по той пользѣ, которую могли бы принесть для исторіи Малороссіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и другихъ славянскихъ племенъ. Внутренняя жизнь Малороссіянъ почти вовсе не изслѣдована. Изданія пѣсень слишкомъ не полны, безъ варіантовъ, въ этомъ случаѣ необходимыхъ; тоже должно повторить и о по-

словицахъ; что же касается до обычаевъ, преданій и повѣрій Малороссіянъ, общихъ и мѣстныхъ, этотъ предметъ ученымъ образомъ вовсе не изслѣдованъ. Въ этомъ отношеніи благонамѣренные труды и изысканія о великороссійскихъ древностяхъ г. Сахарова представляютъ примѣръ, вполнѣ достойный подражанія.

Хотя настоящій бытъ Малороссіянъ, безъ сомнѣнія много различенъ отъ образа жизни, который вели они при первыхъ гетьманахъ; но народъ привязанъ къ родной старинѣ, дорожитъ ею какъ драгоцѣннымъ воспоминаніемъ былаго, и свято хранитъ завѣтныя преданія, которыхъ образованность, еще не коснувшаяся простаго народа Украйны, не успѣла измѣнить и уничтожить; а потому то въ Малороссіи все просто, идетъ по примѣру отцовъ и дѣдовъ, совершается безотчетно.

Я желалъ представить здѣсь нѣкоторыя подробности о повѣрьяхъ и обычаяхъ Малороссіянъ, относящихся къ различнымъ праздникамъ и днямъ святыхъ. Народъ, не зная раздѣленія года на мѣсяцы, исчисляетъ время обыкновенно недѣлями; для болѣе же точнаго означенія времени въ годичномъ періодѣ служатъ праздники, посты и т. д. Начнемъ съ весны.

По мнѣнію Малороссіянъ, начало весны относится къ дню Срѣтенія Господня, 2 Февраля. Говорятъ, что тогда зима *встрѣчается* съ лѣтомъ, и замѣчаютъ: если въ этотъ праздникъ бываетъ оттепель и вода каплетъ съ крышъ домовъ (*стрíхъ*), то зима еще продолжится; если же будетъ морозъ, то ожидаютъ ранней весны. Мятель, въ тотъ день случившаяся, предвѣщаетъ неблагопріятную весну.

1 Марта, Св. Евдокіи. Народъ вѣритъ, что въ этотъ день бабакъ (Arctomys Baïbak. Pall.), пробуждаясь отъ зимней спячки (*), выбѣгаетъ изъ своей норы и свиститъ.

Въ праздникъ Св. Сорока Мучениковъ, 9 Марта, сорока, по народному повѣрью, кладетъ на свое будущее гнѣздо *сорокъ* палочекъ; въ настоящій же день ученики обыкновенно носятъ учителямъ каждый по *сорокъ* бубликовъ. Говорятъ еще, что въ тотъ день жаворонокъ вылетаетъ изъ *вырія*.

17 Марта, въ день Св. Алексія, называемаго здѣсь *теплымъ*, щука, по народному повѣрью, хвостомъ ледъ разбиваетъ.

Когда снѣгъ почти стаялъ и начинаютъ появляться первые весенніе цвѣты, лиловые подснѣжники, называемые здѣсь *рястомъ*, то сорвавъ ихъ, бросаютъ на-земь, топчутъ ногами и приговариваютъ: *топчу, топчу рястъ, дай, Боже, потоптати и того году дйждати*, выражая тѣмъ желаніе благополучно дождать весны будущаго года.

Въ день Благовѣщенія Господня наблюдаютъ погоду, вѣря, что такая же самая будетъ и на первый день Воскресенія Христова. Птицы, по народному повѣрью, въ праздникъ Благовѣщенія не вьютъ гнѣздъ; все же раждающееся тогда народъ называетъ *благовѣстнымъ* и думаетъ, что оно непремѣнно будетъ имѣть какой-либо не-

---

(*) Малороссіяне о животныхъ, подвергающихся зимней спячкѣ, говорятъ, что они на зиму *замираютъ*; этимъ же словомъ выражаются и о людяхъ, подвергающихся летаргическому сну, вѣря, что въ такомъ состояніи душа спящаго посѣщаетъ рай и адъ и узнаетъ какія-то таинственныя вещи, о которыхъ *замиравшій* не можетъ пересказать кому-либо другому, подъ страхомъ лишиться жизни.

достатокъ, на пр. ягненокъ, родившійся въ этотъ день будетъ *крученый*, яйцо же, курицею снесенное не способно къ высиживанію цыпленка и пр. Сверхъ-того почитаютъ необходимымъ посѣять тогда же хоть немного сѣмянъ капусты (разсады), и вѣрятъ, что въ этотъ день подъ каждымъ листомъ засохшимъ, упавшимъ осенью съ березы, можно найти зернушко разсады.

Думаютъ, что земля не *растворяется*, т. е. не вполнѣ размерзается до перваго грома, и если онъ въ этомъ случаѣ слышенъ будетъ съ западной стороны, то надѣются хорошаго урожая хлѣба. Услышавъ первый громъ, дѣвки бѣгутъ къ рѣкѣ и изъ серебренной чарки или какого-нибудь другаго серебреннаго сосуда умываются и утираются краснымъ, чтобъ быть богатыми и красивыми.

23 Апрѣля, въ день Св. Побѣдоносца Георгія, обыкновенно освящаются хлѣбные всходы, и съ этаго времени не пускаютъ уже скота ни на поля, засѣянныя хлѣбомъ, ни на мѣста, назначаемыя для скоса сѣна, по которымъ онъ до того времени свободно ходитъ. *На Юрія*, говорятъ, *ворона въ житѣ схована*, и если ростъ хлѣбовъ оправдываетъ народное мнѣніе, то ожидаютъ хорошаго урожая. Къ этому дню относится поговорка, что сѣна, заготовляемаго на зиму достанетъ *у дурня до Юрья, а у рорумнаго до Миколы*. Говорятъ еще, что съ Юрьева дня начинаетъ пѣть соловей; если же до этаго праздника закуетъ кукушка *(зозуля)*, а деревья еще не распустились то это предвѣщаетъ *тяжелый* для народа *годъ*, въ отношеніи повальныхъ болѣзней и падежей. У Малороссіянъ существуетъ странное повѣріе о Св. Георгіѣ: его почи-

тнютъ начальникомъ и повелителемъ волковъ, которыхъ по этому и называютъ *собаками Св. Юрія*.

12 Іюня, въ день Св. Онуфрія производится послѣдній сѣвъ гречи. Съ того же праздника, говорятъ, соловей перестанетъ пѣть.

23 Іюня, на канунѣ праздника Рождества Св. Іоанна Предтечи и Крестителя Господня, вечеромъ, совершается много полуязыческихъ обрядовъ. Вотъ что говоритъ о томъ Д. Бантышъ—Каменскій въ Исторіи Малой Россіи (1830, часть 111, стр. 216): «молодые люди обоего пола, въ седьмомъ часу по полудни, купаются въ рѣкѣ порознь до захожденія солнца; потомъ въ сумеркахъ разскладываютъ огонь на выгонахъ, на площадкахъ или полянахъ, въ садахъ и по-парно, держась за руку перепрыгиваютъ чрезъ оный. Если руки ихъ не разойдутся, сіе означаетъ, что они созданы быть супругами. Тогда счастливая молодежь наряжается: перевязываютъ платья поясами, изготовленными изъ цвѣтовъ, надѣваютъ на головы вѣнки, сплетенные также изъ цвѣтовъ благовонныхъ и травъ полевыхъ, берутся за руки и, составивъ кругъ, водятъ вокругъ огня хороводы, припѣвая нескромныя пѣсни въ честь Купала.» Самый день этотъ носитъ у Малороссіянъ названіе *Купала*. Впрочемъ празднованіе его также до нынѣ сохраняется у у другихъ народовъ славянскаго племени, а прежде было обще всей Европѣ. Трудно изъяснить происхожденіе этаго обычая весьма древняго и ведущаго, безъ сомнѣнія, начало свое отъ временъ языческихъ: изслѣдованія о о томъ многихъ ученыхъ не увѣнчались желаемымъ успѣхомъ; различныя мнѣнія ихъ собраны въ любопытной статьѣ Протоіерея С. Сабинина, подъ заглавіемъ *Купало*

(Ж. М. Н. П. Іюль, 1841); впрочемъ и мнѣніе почтеннаго автора этой статьи, производящаго обычай сей, отъ скандинавскихъ преданій не во-все лишено односторонняго взгляда (*).

(*) Пользуясь случаемъ, мы представляемъ здѣсь сообщенное намъ мнѣніе почтеннаго любителя Малороссійской старины *Іереміи Галки.*

У Славянъ было божество *Ладо*, идеалъ всеобщей гармоніи, юности, начинающей жизни, олицетворенная любовь. Какъ разительное проявленіе любви во вселенной заключается въ половыхъ отношеніяхъ существъ, то Ладо было вмѣстѣ съ тѣмъ божество любви, *коханья* (Venus). Ему придавали эпитеты *Дидисъ* (литов. великій) и *Лель*, *Лиль*, *Ляль* и т. п., т. е. *милый*, *кроткій*. Слоги *Л* съ гласными *е*, *я*, *ю*, *и* (*ле*, *ля*, *лю*, *ли*), *ляля*, *люля*, *люли* не только у насъ, но и у всѣхъ народовъ выражали нѣжность, любезность *люли*, *люлю*, *лелю*, *лялька* (малор. куколка), *La—La—La*, *lelevenla*, *Lallen*, *Lullen*, *Lust*, *Liebe*, (*лелѣять*, *любовь*). Эти эпитеты сохранились до сихъ поръ:

А мы просо сіяли, сіяли.
Ой, *Дидъ-Ладо*, сіяли.

Или

Ой за гаемъ, лисомъ,
За темнымъ, зеленымъ,
Ой, *Лелю-Ладо*, и проч.

Божество юности и любви, Ладо могло быть божествомъ весны, юности года, времени, въ которое половое влеченіе дѣйствуетъ сильнѣе. Весенніе дни, проводимые то въ сельскихъ начальныхъ работахъ, то въ забавахъ, какъ и теперь Малороссіяне проводятъ ихъ, Славяне, быть можетъ, посвящали этому божеству. Отъ *праздника козла*, когда въ первый разъ упоминается имя Ладо до совершеннаго лѣта, когда настаютъ уже окончательныя работы, восхваляли они Ладо; молодые парни знакомились съ дѣвушками и выбирали себѣ невѣстъ. Доказательствомъ этому предположенію могутъ служить отчасти пѣсни, извѣстныя у Малороссіянъ подъ названіемъ *веснянокъ:* они поются отъ начала весны или *праздника козла* до *Купала*. Содержаніе ихъ исключительно посвящено всѣмъ возможнымъ отношеніямъ двухъ половъ. Дѣвушка представляетъ себѣ, какъ ей будетъ въ замужествѣ; иногда разсказываетъ, что

Народъ въ Малороссіи, подобно какъ и въ Литвѣ, думаетъ, что въ глухую полночь предъ Ивановымъ днемъ разцвѣтаетъ *папороть* красно-огненнымъ цвѣткомъ, что добывшій его становится знахаремъ, получаетъ способности къ

она будетъ дѣлать, когда выйдетъ за любаго или за нелюба; иногда хороводъ дѣвушекъ подсмѣивается надъ парнями и выказываетъ свое превосходство; но чаще всего въ веснянкахъ изображается знакомство молодыхъ людей. Почти всѣ эти пѣсни имѣютъ форму драматическую; это доказываетъ, что онѣ сопровождались обрядами, изъ которыхъ нѣкоторые уцѣлѣли. Голосъ веснянокъ отличенъ отъ голоса другихъ песень, поразителенъ своею мѣрностію и навѣваетъ чѣмъ-то старинным; почти при каждой припѣвается: *ой, Лелю—Ладо!*

Веснянки, пѣсни Ладо, кончаются съ праздникомъ Купала.

Если Ладо было божество юности, весны, начинающейся жизни, любви дѣвственной, то *Купало* былъ божествомъ возмужалости, лѣта, развившейся жизни, любви, достигшей своей цѣли—супружества. Праздникъ Купала совершается въ началѣ лѣта, въ то время, когда природа года достигаетъ мужества, представляетъ собою какъ-бы отраженіе полнаго развитія жизни человѣка. Слово: *Купало* происходитъ, кажется, отъ *купа*, *купить*, *совокупить* и пр. Пѣсни Купаловыя подтверждаютъ это мнѣніе: въ нихъ также поется о любви, но уже совершившейся, какая нибудь *Оленка* уже прямо *Михайлова дивка;* форма также драматическая; парень даетъ обѣты дѣвушкѣ; она отвѣчаетъ ему нѣжно, уже безъ иронiи, какъ иногда въ веснянкахъ, хоръ поетъ о совершающемся союзѣ—чисто свадебныя пѣсни!

Приноровлены къ этому и самые обряды: молодые люди *омываются*, т. е. очищаются предъ празднествомъ и, надѣвъ вѣнки, ночью, взявшись за руки, скачутъ чрезъ огонь; на противной сторонѣ ставятъ чучело, увитое травами—*марена*, осень, смерть, разрушеніе. Можетъ быть, смыслъ этаго обряда таковъ: юноша съ дѣвушкою, увѣнчанные вѣнкомъ союза, скачутъ чрезъ огонь, какъ-бы въ знаменіе того, что во всю жизнь свою они должны неразлучно проходить вмѣстѣ чрезъ несчастія и лишенія міра, до самой смерти. Слова Краледворской Рукописи: «И единy дружу намъ имѣти, по пути всей съ весны по *морану*» очевидно подтверждаютъ это предположеніе.

открытію кладовъ и пр. (*). Множество разсказовъ ходитъ въ народѣ о тѣхъ счастливцахъ, которые, не смотря на ужасныя препятствія въ этомъ случаѣ, какъ говорятъ, бывающія, сорвали и сохранили завѣтный тотъ цвѣтокъ. Различнымъ травамъ, собираемымъ на Купалѣ, приписываютъ особенную силу; знахарки и вѣдьмы преимущественно употребляютъ ихъ въ своихъ колдованіяхъ и лѣченіяхъ.

По замѣчанію Д. Бантыша-Каменскаго (Ист. Мал. Россіи, 1830, т. 111 стр. 217), въ туже ночь, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи не отдѣляютъ телятъ отъ коровъ, чтобы *вѣдьмы ихъ не испортили*, а въ хатахъ на окнахъ кладутъ крапиву. Въ другихъ же мѣстахъ, и въ особен-

---

Праздникъ Купала былъ *обрядомъ*, установленнымъ въ *честь бога* союза, соединенія, *супружествъ*, которыя, быть можетъ, наиболѣе въ это время заключались. Разумѣется, это однѣ ипотезы; но, по крайней мѣрѣ, не такъ изысканныя, какія мы уже столько разъ видали.

Пѣсни: *веснянки* и *купаловыя* любопытные читатели найдутъ въ собраніи Малороссійскихъ пѣсень Г. Кастомарова, которое скоро выйдетъ въ свѣтъ.

(*) Клады въ повѣріяхъ Малороссіянъ раздѣляются на два вида: *незаклятые* и *заклятые*. Всякъ, нашедшій незаклятый кладъ, можетъ свободно имъ воспользоваться; мѣстонахожденіе же вторыхъ, хотя и было бы извѣстно (говорятъ, что обыкновенно надъ ними горитъ свѣча), но они не могутъ быть взяты по произволу, прежде чѣмъ не будетъ принесено въ жертву, или вообще исполнено то, на что бывшій владѣлецъ клада, зарывая, *заклялъ* его, чтобы никто другой не могъ имъ воспользоваться; на пр. заклинаютъ на сто головъ куриныхъ, человѣческихъ, на отца, мать отрывающаго, такимъ образомъ, что для пріобрѣтенія клада нужно сначала угадать: на что онъ *заклятъ* и потомъ выполнить эти условія, которыя очевидно не всегда бываютъ удобоисполнимы. Сорвавшій цвѣтъ папороти получаетъ способность узнавать, на что каждый кладъ заклятъ. Вообще повѣрья Малороссіянъ о кладахъ многочислены, разнообразны и очень любопытны.

ности въ Черниговской губеніи, для предохраненія коровъ отъ этой порчи кладутъ на воротахъ или дверяхъ клевовъ, гдѣ онѣ содержатся, молодое осиновое дерево, вырванное съ корнемъ. Въ самый праздникъ Рождества Предтечи наблюдаютъ, впрочемъ не вездѣ, погоду и если будетъ дождь, то говорятъ, что орѣхи родятся пустые и въ маломъ количествѣ; при хорошей же погодѣ ожидаютъ урожая.

О происхожденіи Петрова Поста *(Петри́вки)* разсказываютъ, что въ старину его не было, и всѣ недѣли были сплошныя; мужья *лàсовали* (лакомились), съѣдали масло и сметану, ежедневно ихъ женами приготовляемыя, такъ что нельзя было ничего заготовить въ прокъ. Хозяйки, которыя были по-умнѣе, посовѣтовавшись между собою, пустились на хитрости и учредили *Петровку;* но какъ были неграмотны, то и не съумѣли назначить постояннаго для нея срока. Каждая хозяйка объявила розно: одна въ 6 недѣль, другая въ 5, и такъ далѣе до одной; оттого-то, говорятъ, и нынѣ продолженіе Петрова поста не одинаково, а идетъ по очереди. Оскоромиться въ Петровку почитаютъ меньшимъ грѣхомъ, чемъ въ другіе посты или среду и пятницу.

Въ день Св. Апостоловъ Петра и Павла, 29 Іюня, къ разговѣнью послѣ поста, пекутъ изъ сыра, смѣшаннаго съ мукой и яйцами лепешки, называемыя *мандриками*. Народъ говоритъ, что съ этаго дня кукушка перестаетъ пѣть, *подавившись мандрикою*.

30 Іюня, праздникъ въ честь Св. Двѣнадцати Апостоловъ, называютъ *Полупетра*.

До дня Св. Пророка Иліи многіе считаютъ грѣхомъ

употребленіе въ пищу картофеля. Послѣ этаго праздника болѣе не купаются и замѣчаютъ, что до дня Св. Иліи облака ходятъ *за вѝтромъ*, а съ того времени начинаютъ ходить и *противъ вѝтра;* сверхъ того, говорятъ еще, что съ настоящаго же дня комари перестаютъ кусаться и начинаютъ пропадать. Всѣ эти повѣрья выражаютъ въ понятіи Малороссіянъ, какъ бы окончаніе первой и наступленіе второй половины лѣта.

27 Іюля—день Св. Муч. Пантелеймона, котораго народъ именуетъ *Паликопою* (сожигателемъ хлѣбныхъ копенъ). Тогда останавливаются всѣ самыя нужныя работы и народъ благоговѣйно празднуетъ этотъ день, страшась, чтобы въ противномъ случаѣ Св. Пантелеймонъ въ гнѣвѣ не сжегъ ихъ жилищъ и хлѣба.

1 Августа—Св. Мучениковъ Маккавѣевъ. Собираютъ поспѣвающій къ тому времени *макъ*, пекутъ изъ пшеничнаго тѣста коржи и, изломавъ, обливаютъ ихъ густою медовою ситою съ примѣсью растертаго мака; кушанье это у Малороссіянъ называется *шуликами* и преимущественно приготовляется въ настоящій день.

6 Августа, въ день Преображенія Господня, называемый *Спасомъ*, освящаютъ медъ и яблоки; а потому многіе, какъ и въ Великой Россіи, воздерживаются до этаго праздника отъ употребленія фруктовъ, почитая то грѣхомъ; если же кто ѣстъ яблоки и груши, имѣя умершихъ дѣтей, то имъ, по народному повѣрью, *на томъ свѣтѣ* въ этотъ день не дадутъ изъ райскаго сада ни одного *яблочка*, упрекая при томъ за невоздержность отца ихъ или матери. Самыя яблоки, къ тому времени созрѣвающія носятъ названіе *Спасовскихъ*. Послѣ Спаса говорятъ: *пройшовъ Спасъ, держи*

рукавички про запасъ, означая тѣмъ наступленіе осенняго холоднаго времени.

15 Августа,—Успеніе Пресвятыя Богородицы называютъ *перва Пречиста*.

29 Августа, въ день Усѣкновенія Главы Іоанна Предтечи, называемый *головосѣка*, не ѣдятъ капусты, увѣряя, что если срубить въ тотъ день головку ея, то на ней покажется кровь.

8 Сентября, Рождество Богородицы — *друга Пречиста*.

Народъ вѣритъ, что въ день Св. Симеона Столпника, 1 Сентября, *ласточки скрываются въ колодцы*, отъ наступающей зимы; а въ праздникъ Воздвиженія Креста, 14 Сентября, *гадюки* (змѣи) *лѣзутъ въ вирій*, и только однѣ, ужалившія кого-нибудь, какъ-бы въ наказаніе за то, остаются въ своемъ обычномъ мѣстопребываніи. Подъ словомъ *вирій*, Малороссіяне разумѣютъ какую-то баснословную теплую страну, далеко у моря, куда улетаютъ на зиму перелетныя птицы и скрываются гады. Много повѣрьевъ, относящихся къ этому предмету, существуетъ въ народѣ. Послѣ всѣхъ птицъ и животныхъ, говорятъ, въ вирій летитъ кукушка, у которой находятся и ключи отъ него; она же весною послѣдняя оттуда улетаетъ. Соя, по народному повѣрью, три раза въ теченіи года, начинаетъ летѣть въ вирій и ни-разу туда не достигаетъ. Первый разъ летитъ она, когда разцвѣтетъ греча, второй—когда созрѣютъ хлѣба́, и наконецъ, въ третій разъ—когда упадетъ снѣгъ. Въ первыхъ двухъ случаяхъ, она принимаетъ бѣлый цвѣтъ полей за выпавшій снѣгъ, и потому спѣшитъ въ вирій; увидѣвъ же свою ошибку, съ половины пути возвращается; въ третій же разъ не достигаетъ его,

по недостатку корма и такимъ образомъ, остается зимовать въ прежнемъ мѣстѣ.

На Воздвиженіе въ Малороссіи и взрослые не ходятъ, и дѣтей не пускаютъ въ лѣсъ, боясь укушенія змѣй, которыя въ тотъ день *по деревьямъ* лѣзутъ въ вырій.

На канунѣ дня Св. Екатерины, 24 Ноября, паробки постятся, чтобы у нихъ были хорошія жены, а на канунѣ праздника Св. Андрея Первозваннаго постятся дѣвки, чтобы имѣть добрыхъ мужей; въ обоихъ случаяхъ гадаютъ и толкуютъ о суженыхъ по снамъ, видимымъ въ ночь предъ сказанными днями.

Какъ и въ Великороссіи, съ праздника Св. Наума, 1 Декабря, начинается у Малороссіянъ обученіе дѣтей; приводъ мальчика въ школу (обыкновенно къ дьячку), сопровождается какимъ нибудь подаркомъ учителю; по окончаніи же *граматки* (азбуки), онъ вновь получаетъ, кромѣ условной платы, подарокъ; родители же варятъ дитяти кашу молочную, или какую либо другую, которая и раздѣляется между товарищами ученика; самый же горшокъ, въ которомъ она была, разбиваютъ.

4 Декабря — Св. Великомученицы Варвары. Къ этому дню относится поговорка: *Варвара ночи украла, дня приточила*, означающая, что около того времени день начинаетъ увеличиваться, а ночь уменьшаться.

5 Декабря — Св. Саввы и 6 — Св. Николая. Къ этимъ днямъ относится поговорка: *Савва съ гвоздемъ, а Николай съ мостомъ* заимствованная, кажется, у Великороссіянъ.

9 Декабря, Зачатіе Св. Анны. Говорятъ, что съ того времени волки *начинаютъ* бѣгать стаями и разбѣгаются только послѣ выстрѣловъ, производимыхъ на Богоявленіе

Господнее, при водоосвященіи. Съ того же дня паробки *зачинаютъ* свататься, посылая старостъ къ невѣстамъ.

Съ 24 Декабря начинаются *Святки*. Дню Рождества Христова предшествуетъ *богатая кутья*. Въ это время обыкновенно постятъ, пекутъ пироги и *кныши*, варятъ *кутью* и *узваръ* (*), обѣдаютъ и ужинаютъ вмѣстѣ не ранѣе всхода *первой* звѣзды. Когда кутья и узваръ будутъ готовы, то, вынувъ горшки изъ печи, ставятъ ихъ, въ ожиданіи всхода первой звѣзды и *вечѣри* въ передній уголъ хаты *(на покутя)*, подъ образами на прилавкѣ, прикрытомъ сѣномъ и засланномъ сверху чистою скатертью, приговаривая: *кутья на покутя, а узваръ на базаръ;* оба горшка накрываются кнышами, сверхъ которыхъ ставятъ еще не большіе деревянные крестики. За вечерею *(ужиномъ)* кутья и возваръ обыкновенно бываютъ послѣдними блюдами; но прежде чѣмъ отвѣдаютъ ихъ, старшій въ семействѣ, отворивъ нѣсколько окно, подноситъ къ нему мыску съ кутьею, приговаривая: *морозе, морозе иди до насъ кути йсти*, и потомъ: *нейдешъ? — нейдижъ ни на жито, ни на пшеницю, ни на всяку пашницю.* Кутьею въ этотъ день кормятъ куриць, что бы онѣ несли поболѣе яицъ (**). Въ тотъ же вечеръ дѣти ходятъ съ

(*) *Кныши* (или какъ произносятъ это слово въ Черниговской Губерніи *каныши*) — родъ калачей изъ пшеничной муки; *кутьею* называются сваренные ячные крупы, облитые медовою ситою, а *узваромъ* (взваромъ) сушеные плоды, какъ то: яблоки, груши, сливы, вишни ипр. сваренныя въ водѣ. Горшки съ этими яствами ставятся на сѣнѣ, прикрытомъ скатертью, въ память рожденія Спасителя въ яслѣхъ.

(**) Подобное этому обыкновеніе существуетъ и у Сербовъ. См. Энц. Лек. томъ VI, ст. Божичь.

поклонами и кутьею къ крестнымъ отцамъ и матерямъ, а также бабкамъ, принимавшимъ ихъ при рожденіи.

Въ самый день Рождества Христова съ ранняго утра *старцй* и дѣти *виршуютъ* и *славятъ Христа;* вечеромъ же, какъ въ настоящій, такъ и въ послѣдующіе за тѣмъ дни въ продолженіи всѣхъ святокъ, носятъ *звѣзду* и ходятъ съ *вертепомъ* (*), въ воспоминаніе различныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ рожденіе Искупителя.

Въ этотъ праздникъ на столѣ у Малороссіянъ бываютъ колбасы и *кишки*, начиненныя гречневой кашей или пшеномъ: къ тому времени обыкновенно откармливаютъ и убиваютъ свиней.

Вечеромъ дѣвки и мужчины *колядуютъ* (поютъ разныя пѣсни, подъ окнами домовъ), за что и получаютъ пироги,

(*) *Звѣздою* называютъ сдѣланное изъ цвѣтной бумаги подобіе звѣзды, носимое на палкѣ; а *вертепомъ* ящикъ или шкафъ, открытый съ одной стороны для зрителей, въ которомъ разыгриваются духовныя мистеріи (*комедіи*) куклами, приводимыми въ движеніе руками вертепщиковъ, или же грубымъ механизмомъ. Содержаніе самихъ представленій почти всегда одинаково и обыкновенно заимствуется изъ исторіи Рождества Спасителя, на пр. славословіе Ангеловъ, поклоненіе Пастырей и волховъ, смерть Царя Ирода ипр. Эти сцены часто разнообразятся танцами, кривляньемъ и другими фарсами нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, а потому и самое пѣніе виршъ, обыкновенно сопровождающее и поясняющее таковыя представленія, бываетъ то ускоренное, то медленное, согласно движенію куколъ. Впрочемъ нынѣ звѣзда и вертепъ начинаютъ выходить изъ употребленія и встрѣчаются довольно рѣдко. Замѣчательно, что обыкновеніе ходить въ святочные вечера съ вертепомъ существуетъ и въ Сибири. См. *Мои воспоминанія о русскомъ театрѣ и русской драматургіи*, Н. А. Полеваго (Реперт. Русс. Театра, 1840, томъ 1.)

паленицы, сало, колбасы и пр., у богатыхъ же пьютъ водку. *Колядки* обыкновенно содержатъ похвалу какому нибудь члену семейства или всему семейству, въ общихъ выраженіяхъ, и, по мѣстности, бываютъ довольно разнообразны; обыкновенно послѣ каждаго стиха ихъ, а иногда и двухъ вмѣстѣ, повторяется припѣвъ: *ой дай, Боже, Святый вечи́ръ*, или просто, *Святый вечи́ръ*. (*)

Въ продолженіи первыхъ трехъ дней праздника Рождества ничего не работаютъ; въ слѣдующіе же за тѣмъ дни производятся только самыя необходимыя работы и притомъ непремѣнно днемъ; по вечерамъ же избѣгаютъ какихъ либо занятій: *бо святые вечера до Крещенія*, говоритъ народъ; Богъ посылаетъ счастіе, здоровье, богатство тѣмъ, кто не работаетъ и пр.

31 Декабря — Св. Меланіи, которую народъ называетъ *Меланкою*; вечеръ этого дня называется *богатымъ* или *щедрымъ*; каждая хозяйка для вечѣри́ варитъ *вареники* (**), какъ и въ теченіи всѣхъ Святокъ, кромѣ для Рождества Христова, также приготовляетъ кучу пироговъ съ мясомъ и творогомъ и кнышей; все это вымазавъ масломъ, ставитъ въ кучѣ на столъ, затеплитъ свѣчу предъ образами, накуритъ ладономъ и проситъ мужа *исполнить законъ*;

(*) Нѣсколько *колядокъ*, а равно и *щедри́вокъ*, помѣщено въ III книгѣ Очерковъ Россіи, въ статьѣ: *Малороссійскія Святки* В. Пассека.

(**) *Вареники* принадлежатъ къ любимымъ народнымъ кушаньямъ Малороссіянъ всѣхъ сословій. Они бываютъ пшеничные или гречневые и приготовляются весьма разнообразно; въ скоромные дни чаще всего съ сыромъ, или мелко посѣченнымъ мясомъ; а въ постные съ капустой, гречневой кашей, *урдою* (растертымъ конопляным сѣменемъ), лѣтомъ же съ вишнями, земляникой, клубникой и другими ягодами.

тотъ садится на покутье, ставитъ передъ собою кучу кнышей и пироговъ и тогда взываютъ дѣтей. Дѣти входятъ, молятся и спрашиваютъ: «де-жъ нашъ батько? *Отецъ*: Хиба вы мене не бачите? *Дѣти*. Не бачимо, тату. *Отецъ*. Дай же Богъ, чтобъ и на тотъ годъ непобачили! т. е. что бы было такое же изобиліе во всемъ, какъ и въ настоящій день. Потомъ всѣ садятся къ столу и ужинаютъ. Въ тотъ же вечеръ паробки *щедруютъ*, а дѣвки гадаютъ; впрочемъ должно замѣтить, что гаданія у Малороссіянъ не такъ многочисленны и разнообразны, какъ въ великороссійскихъ губерніяхъ.

Въ праздникъ Новаго Года, съ ранняго утра дѣти ходятъ по домамъ съ *торбинками* (небольшими мѣшками), наполненными разнаго рода зернами и *посыпаютъ*, разбрасывая ихъ на полъ, съ причитаньемъ *на счастье, на здоровье на Новый Годъ роди, Боже, жито, пшеныцю и всяку пашныцю; будьте здоровы съ Новымъ Годомъ!* Такой обычай водится и въ Черноруссіи. Въ этотъ день особенно наблюдаютъ погоду, и если бываетъ иней, то ожидаютъ обильнаго урожая хлѣба. Сверхъ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ еще обычай *подкуривать сады*, состоящій въ слѣдующемъ: начиная отъ вечера богатой кутьи до дня Новаго Года, выметая избу, сора не выбрасываютъ вонъ, а собираютъ въ одно мѣсто и въ Новый Годъ рано, до всхода солнца, выносятъ соръ въ сады и сожигаютъ, вѣря, что чрезъ это деревья пріобрѣтутъ болѣе жизненной силы и принесутъ обильнѣйшій урожай фруктовъ.

Предъ Богоявленіемъ Господнимъ бываетъ *голодная кутья*; подобно какъ и на рождественскій сочельникъ ва-

рятъ взваръ, кутью и пекутъ пироги. Въ этотъ день, какъ и въ Великороссіи, на всѣхъ дверяхъ, окнахъ, стѣнахъ и пр., снаружи и внутри дома чертятъ, въ отогнаніе нечистой силы, небольшіе кресники; пишущій ихъ обыкновенно ходитъ съ однимъ или двумя пирогами, и начертивъ крестъ, приговариваетъ: *хрестъ писнувъ, пиріг вкуснувъ*. Воду, освящаемую въ это время набираютъ въ сосуды и хранятъ въ теченіи всего года, употребляя ее для окропленія погребовъ, въ которые ставятъ на зиму ульи, и самыхъ ульевъ, при собираніи роевъ. Здѣсь можно замѣтить, что народъ считаетъ покровителемъ пчеловодства Св. Зосиму, изображеніе котораго по этому и можно встрѣтить въ каждой пасекѣ. Послѣ ужина (не ранѣе однакоже всхода первой звѣзды) выстрѣлами или ударами дубины въ ворота *прогоняютъ кутью*.

Въ теченіи всей Сырной Недѣли варятъ вареники съ сыромъ, у богатыхъ къ тому прибавляютъ еще сметану; вообще же хотя время это проводятъ и празднуютъ весело, но не такъ шумно, какъ въ губерніяхъ чисто русскихъ, придерживаясь старинной пословицы: *вареники доведуть, що и хлíба не дадуть*.

Въ понедѣльникъ этой недѣли, замужнія женщины и старухи, собравшись, преслѣдуютъ холостыхъ парней и *привязываютъ* къ ногѣ каждаго изъ нихъ *колодку*, въ наказаніе за то, что они въ теченіи мясоѣда не женились. Парень долженъ выкупиться, и послѣ того колодку снимаютъ. Также поступаютъ и съ дѣвками; не только родителямъ за дѣтей, роднымъ за родныхъ, даже знакомымъ, за то что ихъ знакомые не женились, привязываютъ колодку. *Поволочивъ колодку*, какъ онѣ называютъ, на соб-

ранныя деньги пируютъ. На заговѣнье, т. е. въ воскресенье предъ началомъ Великаго Поста, слѣдуя благочестивому обычаю, ходятъ къ роднымъ, испрашивая прощенія въ обидахъ.

Въ среду Крестопоклонной недѣли, говорятъ *переломится постъ*, и увѣряютъ, что, прислушиваясь, можно слышать сильный стукъ и трескъ при этомъ бывающіе.

Въ Вербное Воскресеніе, получивъ освященную вербу, по возвращеніи изъ утрени хлещутъ оною слегка другъ друга, приговаривая:

Не я бью,
Верба бье,
За тыждень —
Великдень!
Будьте здоровы съ празникомъ!

Обычай этотъ существуетъ и въ Литвѣ.

Въ Великій Четвергъ, имѣющіе накожныя сыпи, для излѣченія, купаются до зари. Возвращаясь же изъ всенощной, стараются чтобы свѣчи, зажженыя въ церкви, дорогою не погасли и въ домахъ выжигаютъ ими на переводахъ знаки креста.

Свѣтлый праздникъ, называемый *Великоднемъ*, въ Малороссіи, какъ и вездѣ, празднуютъ съ особенною торжественностію. Всѣ приготовленія къ нему обыкновенно оканчиваются въ предыдущіе дни; пекутъ *пасхи* (*), жарятъ поросятъ и ягненковъ, окрашиваютъ краснымъ сандаломъ яйцы (называемые отъ того *крашенками*), начиняютъ колбасы и прибавивъ къ тому еще нѣсколько кусковъ сала,

(*) Если *пасха*, при печеніи, выйдетъ случайно съ пустотою въ срединѣ, то говорятъ, что въ тотъ годъ умретъ кто нибудь изъ домашнихъ.

хлѣбъ, марковь, хрѣнъ и соль, утромъ выносятъ все къ церкви, гдѣ эти яства послѣ литургіи и освящаются. По окончаніи утрени, слѣдуя христіанскому обычаю, въ церкви же христосуются съ священникомъ и между собою, даря другъ друга крашенками или *писанками*, т. е. яйцами окрашенными въ разные цвѣта, съ узорами. По возвращаніи домой разговавливаются прежде всего *свяченымъ* и потомъ уже обѣдаютъ; точно такимъ же образомъ поступаютъ и въ послѣдующіе за тѣмъ дни.

Второй день какъ настоящаго, такъ вообще и другихъ трехдневныхъ церковныхъ торжествъ, Малороссіяне называютъ *Богородицею*, посвящая эти дни памяти Пречистой Дѣвы.

Народъ вѣритъ, что умирающіе въ теченіи всей Свѣтлой Недѣли непремѣнно достигнутъ рая, какова бы ни была ихъ земная жизнь.

Остатки отъ освященныхъ предметовъ, какъ то: кости ягненка, поросенка, куски хлѣба, пасхи и пр. тщательно собираютъ и берегутъ для слѣдующей цѣли: при поставкѣ хлѣбныхъ скирдъ остатки сіи кладутъ по четыремъ угламъ и въ срединѣ *пода*, т. е. основанія скирды, и вѣрятъ, что этимъ средствомъ хлѣбъ предохранится отъ порчи и вреда, наносимыхъ мышами. Освященное сало также сохраняютъ, употребляя для смазыванія воламъ шеи, когда отъ дождливой погоды и тренія ярмомъ она, какъ говорятъ, *испортится*.

Морковь ѣдятъ какъ средство, изцѣляющее глазную болѣзнь, называемую *курячьею слѣпотою*. Народъ думаетъ, что обыковенная мышь, съѣвъ кусочекъ пасхи или просфоры, превращается въ летучую *(кажана)*.

Антидоръ, называемый здѣсь *дарникомъ*, также сохраняютъ, употребляя какъ средство отъ лихорадки и сверхъ того даютъ скоту при повальныхъ болѣзняхъ.

Отъ Свѣтлаго Праздника до дня Вознесенія не должно отказывать въ милостыни ни одному просящему бѣдняку, потому, говорятъ, что самъ Господь, воскресши, ходитъ по землѣ въ видѣ нищаго, въ теченіи того времени.

Въ Духовъ и Тройцынъ день *(Зеленые Праздники)*, украшаютъ домы *клечаньемъ*, т. е. вѣтвями деревъ клена, липы и другихъ, полы же усыпаютъ травою и полевыми цвѣтами.

Вотъ что сказано въ статьѣ *Русалка* (Оч. Рос. т. III), о народномъ повѣріи, относящемся къ этому времени: «Въ Малороссіи думаютъ, что дѣти, умершія безъ крещенія, до семи лѣтъ носятся въ воздухѣ, а въ Духовъ и Тройцынъ День просятъ себѣ крещенія; многіе слышатъ въ высотѣ голосъ:

«Мене мати народила,
Некрещену положила.»

Если кто нибудь изъ христіанъ услыша этотъ призывный голосъ, скажетъ: «*Иванъ да Марья! крещаю тебя во имя Отца и Сына и Святаго Духа!*» то душа младенца уносится въ рай; а если до семи лѣтъ не было отвѣта на призывный голосъ дѣтской души, то она превращается въ русалку. Говорятъ, что утопленницы поступаютъ также въ число русалокъ, но онѣ отличаются длинными зелеными волосами, съ которыхъ журчитъ и струится вода.» Впрочемъ должно замѣтить, что хотя авторъ выражается словомъ русалка, говоря здѣсь о повѣріи Малороссіянъ, но у нихъ для означенія этихъ фантастическихъ

существъ есть собственное однозначительное тому слово *Мавка.*

Въ теченіи Зеленой Недѣли въ Малороссіи многіе не купаются, не ходятъ въ лѣсъ или поле одиночкою, боясь, какъ говорятъ, *что бы Мавки не залискотали;* отъ нападенія ихъ, по народному мнѣнію, можетъ предохранить *любистокъ* (зоря), который въ это время, суевѣрные вмѣстѣ съ полынью и носятъ при себѣ въ пазухѣ.

Стараясь упомянуть, въ этомъ бѣгломъ очеркѣ повѣрій и обычаевъ, соединенныхъ въ Малороссіи съ извѣстными праздниками и днями Святыхъ, я не могу однакоже сказать, чтобы мною исчислены были всѣ обстоятельства, касающіяся этаго предмета. Есть много мѣстныхъ повѣрій; я же имѣлъ въ виду общія и притомъ существующія въ Полтавской губерніи. При этомъ случаѣ считаю долгомъ принесть искренную благодарность мою почтенному литератору нашему, Г. Ѳ. Основяненку, котораго нѣкоторыми замѣчаніями, относительно излагаемаго здѣсь предмета, я пользовался.

А между тѣмъ, повторяю, сколько еще остается неизслѣдованными другихъ гораздо обширнѣйшихъ, важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ предметовъ! Нѣтъ въ Малороссіи сколько нибудь замѣчательнаго села, которое не имѣло бы своихъ мѣстныхъ повѣрій; не говорю уже о пространствѣ значительномъ, на пр. уѣзда: здѣсь часто встрѣчаются большія разности въ одеждѣ, пѣсняхъ, произношеніи и пр. Собрать и привесть въ порядокъ драгоцѣнные остатки народной Поэзіи — пѣсни и сказки, всѣ разнородныя преданія и повѣрія, относящіяся къ Малороссійской Демонологіи, народной Медицинѣ, Исторіи, различнымъ живот-

нымъ, птицамъ и гадамъ, описать обычаи, домашнюю семейственную жизнь Малороссіянъ, подвергнуть все это строгому критическому разбору и представить стройное цѣлое: вотъ, въ общихъ чертахъ, трудъ, предстоящій изслѣдователю малороссійской старины. Богатая жатва ожидаетъ трудолюбиваго дѣлателя.

Конст. Сементовскій.

Харьковъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ИВАНѢ КУПАЛѢ.

Въ Области Славянскихъ, столь еще темныхъ, миѳическихъ сказаніяхъ существуетъ такъ часто воспоминаемый богъ Купало, и въ честь его учрежденное празднество *Купало на Ивана.* Обряды его болѣе или менѣе извѣстны: купанье, прыганье черезъ костры, пѣсни, пляски и т. п. Многіе изъ нихъ составляютъ, нѣкоторымъ образомъ, придаточные предметы въ картинѣ, между тѣмъ какъ настоящее значеніе самого божества и главныхъ въ празднествѣ обрядовъ до сихъ поръ никѣмъ не разгадано. Остроумное объясненіе этаго, приложенное въ видѣ примѣчанія къ разсужденію, напечатанному въ семъ сборникѣ, требовало бы только нѣсколькихъ историческихъ свидѣтельствъ. За неимѣніемъ же ихъ, оно останется прямой гипотезой, противъ которой можно найти еще нѣсколько новыхъ. Но, въ сущности, отъ этаго мы ничего не выиграли бы. Заслуга примѣчаній сдѣлавшаго ихъ состоитъ въ томъ, что онъ постигъ, въ чемъ заключается простая тайна, т. е. что надо прежде всего этимологически объяснить себѣ

слово *Купало*. Принятая этимологія кажется мнѣ не совершенно удовлетворительною. Празднество Купала, совершаемые при немъ обряды, не принадлежатъ исключительно Славянскому элементу. Мы находимъ его и до нынѣ сохранившимся въ нѣкоторыхъ странахъ; во всей же полнотѣ оно осталось у народовъ чудскаго племени. Въ окрестностяхъ Дерпта, Ревеля, день Купала Славянскаго жители проводятъ въ сходбищахъ, въ разложеніи огней (костровъ), въ пляскахъ и пѣніи. Впрочемъ, въ наше время, все это потеряло уже свой первобытный характеръ и ничто, кромѣ огней, не напоминаетъ объ его основномъ назначеніи. Примѣры подобныхъ празднествъ представляетъ намъ древній міръ.

При имени и обрядахъ въ честь бога Купала съ особенною живостію рисуется въ памяти праздникъ древняго Рима называемый *Palilia*, или иначе *Parilia*. Праздникъ этотъ въ первой разъ введенъ при основаніи города и въ 19-й день Апрѣля былъ празднованъ въ Столицѣ Римскаго міра.

Драгоцѣнная въ отношеніи къ древнимъ обрядамъ Рима Овидіева поэма *Fasti* (въ IV-й кн. ст. 721-782), сохранила намъ поэтическое описаніе этихъ обрядовъ въ честь богини *Pales*, попеченію которой были поручены стада и все достояніе пастуха. Любознательный читатель отыщетъ это мѣсто, чтобъ насладиться мастерскимъ описаніемъ поэта. Сущность преданія объ этомъ обрядѣ слѣдующая. Необходимое условіе для очищенія составляетъ огонь Весты. Vestae munere purus eris. Прежде всего на священномъ огнѣ костра должно было сжечь конскую кровь и принести въ жертву тельца; костеръ состроенъ былъ изъ бабовинъ. По-

томъ пастухъ, очистивши своихъ овецъ черезъ окропленіе ихъ водой, долженъ былъ посадить зеленыя вѣтьви вокругъ овчарни своей и подкурить ихъ очищающей сѣрой, бросать на огонь смоляное дерево, растѣніе *Sabina* (козацкій можевельнику по Кронеб.) и поддерживать огонь вѣтвями лавроваго дерева.

Къ этому прибавлялась корзина проса, которое составляло любимое произведеніе пастушеской богини Палесъ. Наконецъ совершался пиръ и во время пира — либаціи свѣжаго молока въ честь богини. За ними слѣдовали молитвы, омовеніе чистой росой, при чемъ обращались къ востоку и испивъ молока и напитка, называемаго *sapa*, прыгали черезъ пылающіе костры. Этимъ оканчивается у Овидія описаніе древняго обычая. Expositus mos est.

Изъ приведеннаго нами здѣсь замѣчательно, что весь этотъ сельской пастушескій обрядъ служилъ къ очищенію, lustratio, въ которомъ огонь, морская вода и сѣра играютъ главную роль. Въ древностяхъ Римскихъ, Греческихъ и Еврейскихъ весьма часто вспоминается очищеніе просредствомъ этихъ веществъ, употреблявшееся при разныхъ случаяхъ. Самъ же Овидій далѣе говоритъ: Omnia purgat edax ignis, пожирающій огнь все очищаетъ—vitiumque metallis excoquit-и все дурное выпаляетъ въ металлѣ; можетъ быть, прибавляетъ поэтъ эти два начала, огонь и вода, какъ противуположные между собою, какъ зародыши (*) всѣхъ вещей были употребляемы для очищенія, по причинѣ этой противуположности; или же потому, что въ нихъ заключается

(*) Semina.

элементъ оживляющій, (vitae caussa est); они играли роль и при совершеніи браковъ. Нѣкоторые видятъ въ этомъ обрядѣ намёкъ на миѳы Фаетонта и Девкаліона. Изслѣдованіе всѣхъ причинъ, здѣсь упоминаемыхъ, не привело бы насъ къ скорѣйшему достиженію цѣли. Можно принять за истину положительную, что употребленіе огня и воды служило къ очищенію. Очищеніе же совершалось тогда, когда зима смѣнялась весною и перемѣна воздуха, зловредныя пары земли, угрожали болѣзнями. Ѳеодоритъ въ позднѣйшее время (въ 5 вѣкѣ послѣ Р. Х.) вспоминаетъ, что онъ и самъ видѣлъ, какъ по улицамъ зажигами огни и прыгали чрезъ нихъ, перенося и маленькихъ дѣтей: это почиталось *предотвращеніемъ* зла и *очищеніемъ*. Ѳеодоръ Бальсамо, Патріархъ Антіохіи 12 в., по словамъ Кира Михаила Константинопольскаго, замѣчаетъ слѣдующее: «23 Іюня, ввечеру, на улицахъ и въ домахъ собирались мущины и женщины, зажигали огни на всю ночь и прыгали черезъ костры, гадали и предсказывали благополучіе, или злополучіе съ помощію дьявола.» Обрядъ этотъ, противный Христіанину, былъ запрещенъ; слѣдовательно этотъ языческій обычай мы находимъ уже весьма въ давнія времена.

Это соединеніе и до-нынѣ существуетъ. На чемъ же оно основывается? Простой-ли случай соединилъ языческій обрядъ съ праздникомъ Предтечи Христова? Но событія такого рода было бы странно приписать игрѣ случая. Гдѣ же, въ чемъ заключается центръ этаго соединенія? И потому прежде всего должно опредѣлить сущность празднества Купала на Ивана. Пляска, пѣсни, гаданье о томъ,

которая *молодица* скорѣе выйдетъ замужъ, съ кѣмъ суждено ей вступить въ бракъ, долго-ли остается жить на свѣтѣ, всѣ эти принадлежности, свойственныя не только помянутому празднику, но и другимъ, даже не праздничнымъ днямъ.

И въ наше время, каждой вечеръ, каждое отдохновеніе послѣ дневныхъ работъ, жители деревень, даже городовъ оканчиваютъ хороводами на улицахъ. Слѣдовательно, въ праздникѣ Купала надо отыскать начало кореннаго обычая и обряда. Безъ сомнѣнія оно заключается въ очищающихъ свойствахъ огня и воды. Въ самомъ дѣлѣ этотъ праздникъ начинается купаньемъ, за которымъ слѣдуетъ прыганье чрезъ огонь; разныя увеселенія, шутки, и т. п. Купанье же въ этомъ праздникѣ принимаетъ еще и символическое значеніе, кромѣ своего обыкновеннаго. Купанье это значитъ Lustratio, очищеніе, καθαρμὸς вообще; вторая половина этаго очистительнаго обряда посредствомъ огня включается также подъ это общее названіе, очищеніе это, какъ и въ палиліяхъ римскихъ, принадлежитъ къ обрядамъ весеннимъ; но Италіянская весна начинается ранѣе, чѣмъ у насъ, по этому и обрядъ совершался у Римлянъ ранѣе чѣмъ у Славянъ.

Въ такомъ только значеніи очищенія, умыванья купанья, обрядъ бога Купала, какъ очищающій, могъ слиться и соединиться съ понятіями Христіанскаго очищенія, которое находили въ лицѣ Св. Іоанна Крестителя. Съ этихъ поръ вошло въ употребленіе выраженіе Купала на Ивана, т. е. очистительный праздникъ, въ который приходится Ивановъ день. Если все, сказанное нами, имѣетъ осно-

ваніе законное, то, безъ сомнѣнія, этимологія названія *Купало* не иначе должно быть объясняемо, какъ чрезъ производство его отъ слова *купать*, получающаго въ этомъ употребленіи гораздо обширнѣйшее значеніе.

А. В.

Харьковъ.

ПЕРЕПИСКА ПО ПОВОДУ ИЗМѢНЫ МАЗЕПЫ.

1. Первое донесеніе Петру Великому объ измѣнѣ Мазепы.

Пресвѣтлѣйшій Государь царевичь и великій Князь Алексѣй Петровичь всея Россіи надеждо нашего спасенія.

Звѣрности моей рабской, о превеликихъ царственныхъ нуждныхъ дѣлехъ, послалъ я нарочно из ізвѣстительнымъ писмомъ до благочестивѣйшого отца твоего Государева великаго Государя царя и великаго Князя Петра Алексѣевича всея Россійскаго Самодержца, что на благоразуміе вашего величества рабски полагаю, повелите то писмо принять у него присланного моего і велите послать чрезпочту царскому величеству, или повелите ему подводи и подорожную дать чтобъ онъ бѣжалъ, якоежь вашего величества будеть благоволеніе, по колику прошу чтобъ не замѣшкалось на москвѣ. Бо тое писмо велмы нужно царскому величеству о цѣлости здравія вашего Государскаго, и всей хранимой вашей державы. Премилостивому тежь разсужденію вашему величеству рабскы подаю, и о семъ что естли хоть и на

подводахъ посилный мой поѣдетъ нескоро царское величество знайдетъ; для лутшаго охраненія вотчини вашей Государской добребы послать черезъ скорую почту чтобъ заумедленіемъ неучинилося якое зло, а одѣле томъ донесетъ вашему величеству онъ повѣроный мой словесно; о семъ и пакы рабски милости покорне прося премилосердой вашей полецаюсь благостинѣ, и зостаю,

вашего величества нижайший рабъ и подножие

Ѳедоръ Осиповъ.

Зъ Ахтирки
Февраля 15 дня 1708 году.

P. S. Запобѣгаючи я убогій рабъ вашего величества отвѣрности своей, дабы ваше благочестивихъ Государей нашихъ здравіе и прародителное ваше царское Самодержавіе откростоотступніковъ небыло нерушимо; нопаче раздиралось силою креста Господня, имже благовѣрніе Цари утверждаются, тако его извѣстителное писмо, иснимже моимъ повѣронимъ посилаю, и досіятельнѣйшого князя Его милости Александра Даниловича, благоволы и повели надеждо моя гдѣ Его милость сообрѣтается, то писмо послать черезъ почту наскоро, дабы востающие враги, дабы ваши пребогато питающия вашея Государское трапези яже суть еще во устѣхъ непорадовалися, а ваше Государствованіе благополучно, славно и преславно вовсякомъ утвержении пребывало яко всеистинній вашего величества рабъ отъ души моей желаю. На подленномъ тако

Ѳедоръ Осиповъ.

Внизу помечено тако: спочти Марта 2.

2. Письмо Царевича Алексѣя Петровича къ А. Д. Князю Меншикову.

Свѣтлѣйшій Князь.

Сего мѣсяца въ 22 д. привезъ ко мнѣ Господинъ Комендантъ писмо от Ахтирского Полковніка и стого писма списокъ посилаю квашей светлости а подленное к Государу Батюшку и Вашей Светлости писмо отъ Полковніка ихъ Государу Батушку у него Господина коменданта и послонной у негожь.

Алексѣй.

Изпреображенскаго.
Февраля въ 25 день 1708.

3. Письмо Ахтырскаго полковника Федора Осипова къ князю А. Д. Меншикову.

Ясне вельможный свѣтлѣйшій князь мнѣ милостивий пане і патроне

Князь Александръ Даниловичь.

Нынешнего 1708 году Февраля въ 8 д. явився засекретъ вмене нарочно в Ахтирки Полтавской спаскій попъ Иванъ Свѣтайло, поприсилке бывшего полтавского полковніка Ивана Искры и подверностью своею квеликому Государю велѣлъ мнѣ снимъ Иваномъ видѣтися гдебъ при-

стойно для нужного великаго Государя дѣла; и тогожъ Февраля въ 9 д. поехавъ я изъ Ахтирска будто за своимъ деломъ никому неизвѣраясь; и Февраляжь въ 11 д. съѣхався снимъ Иваномъ Искрою надрѣчкою Коломакомъ въ пасеки своей.

І онъ Іванъ подименемъ Божіимъ и подклятвою, душевною являя верность кь великому Государю Генерального судьи василия Кочубея, и свою сказалъ мнѣ.

Послалъ де его Ивана онъ Кочубей видѣтись со мною и изявити тайну, что Гетманъ Иванъ Мазепа забывь страхъ Божій и крестное цѣлованіе и премногую монаршую ксебѣ милость, согласився съ королемъ Лещинскимъ и извишневецкимъ из злаго своего намѣренія умишляеть на его великаго Государя здравие какъ бы его Государа вруки свои где вхватить илы смерти предать.

А хотѣвъ тое цѣле вчинить, вовремя бытности поприсилки кнему въ батуринъ Господина Александра Кикина мнячи себѣ онъ злохитрий вто время быти его царскому величеству внего подименемъ александровимъ и будто для стрѣчи поставивъ своихъ вѣрнихъ жолнѣровъ многое число и слугъ которие внего отъ короля Лещинского есть знабытимъ огнистимъ оружьемъ, и приказавъ имъ, какъ де Государь вдворъ войдеть и виде дайте ему огню вгруди.

А какъ увѣдавъ что царского величества тутъ нѣть. толко Господинъ Кикинъ самъ жолнѣровъ тыхъ и слугъ розославъ а велѣлъ стоять малимъ людемъ по обычаю.

И нінѣ всяческы тщится и натомъ положивъ чтоб его Государя где смерти предать илы вруки взять і непріятелямъ отдать.

А вмимошедший сей филиповъ постъ совокупившися сполками своими и открывши змѣнническую злобу хотѣлъ итить войною на его великаго Государя вотчину на великороссійские городи;

И тое его злое намѣреніе незбылося посее время затеплостію зыми и что река днѣпръ неукрепився и неставъ.

А укривая злобу всебѣ будто по его великаго Государя указу и будто зрадѣнія своево на отпоръ непріятелемъ простуючимъ къ Кіеву збатурина вгородъ Прилуку со всеми своимы компанейскимы и пехотнимы сердюцкими полкамы пришовъ, а и городовимъ полкамъ поблизу будучимъ ксебѣжъ велитъ итить, и у великой осторожности умишляетъ, какъ бы ему реку днѣпрь сполками перейтить, и вбѣлую церкву убрался, а совокупяся стогобочними полкамы, и собравъ великую силу случась скоролемъ Лещинскимъ илы свишневецкимъ злохитрое свое намѣреніе хочеть исполнить, чтобъ ево Государеву державу разорить, а тогобочніе полкы на то ему давно присяжны, и для того онъ ихъ тамо и населилъ.

А всѣ свои скарбы и пожитки одны уже за Днепръ випровадивъ, а другіе зсобою возить.

А во всѣхъ полкахъ рейменту своего будто по іменному его великаго Государя указу велѣлъ брать побори великіе скозаковъ, чего нікогда небывало, вкаждого козака отконя по таляру, а отвола покопъ и то онъ чинить отзлохитрия своего какъ бы народъ тымъ обтягчить, и возмутить и до бунту привесть, и наворочаеть что будто онъ непосвоей волы чинить, но поуказу на его великаго Государя.

А особно смѣщанъ взявъ, и удобруя сердюковъ, роздавъ увоплату на три мѣсяцы.

Даитакое внародѣхъ возмущеніе произнесъ, будто его царское величество повелить ево рейменту козаковъ писать всалдати и вчить встрой. А все злохитримъ своимъ умисломъ плевелы всѣваетъ чимбы скорѣй народъ привести до шатости і измѣни.

І уже Голота вь тайности тое промежь собою носить и на шатость ждуть ево повелѣнія.

А войско запорожское тайно подсилаючи прельщаеть и стращаеть будто его царское величество нелюбя ихъ коли колвекъ велить разорить и мѣсто ихъ опустошить.

И потой ево прелести оны устрашаются и зостаютъ въ готовности квойнѣ.

А виходить имъ еще невелить чтобъ за ихъ порушеніемъ неоткриласябъ ево злобы измѣна дондеже совокупится синими своими единомишленнікы.

А про тое ево злое намѣреніе, старшина Генеральная и полковніки любо и домишляются и вѣдаютъ, однакъ одны звѣрности кнему, другие страха его рады, третіе видя его Государеву къ нему милость что неповерить, извѣстить ему великому Государю не смеютъ.

А лутше всехъ прото ведаеть ближній Его секретарь новонаставленній Генералній писарь Орликъ чрезкоторого всякая тайна и пересилки отправуются.

Советуютъ царскому величеству оба Кочубей и Іскра чтобъ Кіевскій Губернаторъ города Кіева и себе отзради его накрепко остерѣгъ, и когда будетъ онъ кресто отступнікъ вкіевѣ розумнобъ промишлявъ какъ бы вруки его взять а скіева невипустить, и вбѣлую церковь упередя его нѣсколко пехотнихъ полковъ немедля посилать.

А буде скіева Его съ полками випустить илы полкы

Его упередять вбѣлую церковь и тогди уже ему ничого неучинить, кромѣ что всякой беди отнего сподѣвается для того что зобохъ сторонъ Днепра великая сила снимъ будеть, пачеже и ляховъ къ себѣ сподѣвается вскоре.

А якъ то народъ хибкій и уже отнего Гетмана подименемъ царского величества вельми всѣмъ оскорбленній нетокмо голтяи которіе тому ради нойлутшие волю его чинитимуть, и такъ стѣми подручними яко и ізинніми главними его Государевми недруги скимъ уже и согласився, превеликое междособіе и знатную поруку царского величества державѣ невхвативши его врукы злобо враженнімъ своимъ поводомъ вчинить.

Онижъ царскому величеству доносять и милости просять, чтобъ сіе верное доношеніе до времени у царского величества было укрито для того что нѣхто зближнихъ секретаровъ его Государевихъ и усвѣтлѣйшества вашего есть и о всемъ ему царственномъ поведеніи доносять, и о семъ естли уведаютъ тотъ часъ ему дадуть знать.

І я что отнего искры слишалъ, отомъ звѣрности моей всей моей тетрадке статьямы за моею рукою вельможности вашей пану моему милостивому доношу.

А таковихъ тетрадки слово вслово за моеюжь рукою наспѣхъ послалъ я снарочнимъ посилнимъ къ царскому величеству къ москвѣ илы где буде обретатися и къ сиятелнѣйшому князю дмитрію михайловичу.

Присемъ покорно отдаюся вашей панской милосты взащищеніе зостаючи навсегда

вашему свѣтлѣйшеству зичливий и унѣжоній слуга

Ѳедоръ Осиповъ.

Зъ Ахтирки
Февраля 10 д. 1708 году.

P: S: Інинѣ Кочубей отбывается отсудейства и чтобъ ему небыть при его зрадѣ приложилъ ксебѣ болѣзнь, и живетъ вмаетности своей вполтавскомъ полку вселѣ Дѣканце.

А Искра живеть въ Полтавѣ и ссобою вподъ его не взявъ, а велѣлъ быть ему вдомѣ будто у войску онъ непотребенъ.

4. Письмо Мазепы къ К. Меншикову.

Свѣтлѣйший и превосходителнійший Римскаго и Россійскаго Государствъ Ижерскій Князь.

Господине Господине любезній мой брате і истинній благодѣтелю.

Яко отначала познанія моего почтеннѣйшей вашей княжей свѣтлости особы неиного себѣ по Бозѣ и по всемилостивѣйшемъ моемъ царѣ и Государѣ его царскомъ величествѣ избрахъ на все житіе защитніка патрона и покровителя, токмо вашу княжую свѣтлость, тако и нинѣ въ крайней моей обыдѣ печали напастехъ, и клеветахъ нигде инде ищу заступления, помощи, отради, и милостиваго предстателства, токмо у вашей княжей свѣтлости первѣйшого и ближайшого Его царского величества всемилостивѣйшого моего царя и Государа Министра, и многомощнѣйшого ходатая. Болѣзни и печали обыдоша мя отвсюду, и яко отначала клопотливаго моего Гетманского уряду, неимѣлъ покоя отвраждебнихъ моихъ ненавѣстниковъ клеветавшихъ на мя неправду, тако і нинѣ при кончинѣ уже житія моего, таковимижъ лжеклеветникы и напастникы

пачеже горшии первыхъ, недаютъ мнѣ всезлобними своими изобрѣтениями спокойне умерти, тщащеся непорочную мою, и нетокмо словомъ илы дѣломъ но нипомишлениемъ душегубного змѣннічества незмаянную къ Его царскому величеству всемилостивѣйшому моему Государю вѣрность помрачити, и честь мою совокупне съ житиемъ испразднити. Неразшираюся зжалостними моими словами но самую вещь обявляю вашей княжей свѣтлости; симъ временемъ вмимошедшихъ разних числѣхъ уже впоходѣ военномъ пребывая, получилъ я сполтави отполковника тамошнего, и отинних доброхотовъ моихъ такую ведомость что житель тамошний полтавскій человѣкъ худородний, отжида перехристъ прозиваемий Петро Яценко имѣючий жону и дѣти свои тамъ вполтавѣ, а вполку Ахтирскомъ по обыкновению своемъ жидовскомъ упражняючийся промисламы арендовимы, откогось злюдей рейменту моего наущенній и наставленній, а на Москву виправленній, подалъ тамъ за рукою своею лживую сказку, будто я его царскому величеству невѣренъ о чомъ и жена его вполтавѣ першь пяная, а потомъ и тверезая предмногими людми говорила, и обявляла что мужъ еи поѣхалъ на Москву по мою Гетманскую голову, и возвратившися оттуду будеть полковникомъ, но недовлѣло врагомъ моимъ единаго лжеклеветника, когда и другого какогось черца, еще предтимъ Петромъ Яценкомъ перехристомъ, послали на Москву стаковижижъ лжами и клеветами, будто я его царскому величеству невѣренъ; вякихъ моихъ бѣдахъ и напастехъ изволь княжая светлость рады Бога и правды Его милостивимъ мнѣ быть заступникомъ, а я чрезъ вашу княжую свѣтлость инного милосердія у его царского величества

неищу, токмо покорне прошу о святую справедливость, о судъ, и оправедний розискъ, до которогобъ чтобъ и тіи мои лжеклеветники были вкіевъ присланы, такъ яко и прежде сего таковиже лжи изобритателъ чернець Соломонко, по милости монаршой добатурина смоскви былъ присланъ на судъ, и тамъ подѣломъ своимъ восприялъ достойную казнь, розискъ убо тотъ найпаче здѣсь вкіевѣ мнѣ потребенъ для того, понеже ведаю добре, что тіи Петро перехристь и чернець всезлобніи мои клеветникы несамы собою то затѣяли, но суть нѣкотории здѣсь врейментѣ моемъ, таковии зломислящии мнѣ враги, котории не желая общаго добра и завидя мнѣ премилосердой милости монаршей такожде и уряду Гетманского, наустилы свое орудіе клеветати на мя неправду, вякой надѣяся на мою верность, что самы уловленны будутъ, и всѣть юже мнѣ сокриша самы впадуть; жаль мнѣ того найпаче, что чрезъ тридесять и осмь лѣтъ вѣрнѣ радѣтелнѣ и непреткновенно доселѣ такъ блаженнія и вѣчнодостойния памяти великому Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу и блаженнія памяти великому Государу царю и великому князю Ѳедору Алексѣевичу всея великія и малия и Бѣлія Россіи Самодержцемъ, яко и нинѣ щасливе намъ государствующему Монарсѣ его царскому величеству всемилостивѣйшому моему царю и Государю служилемъ служу, и служити до послѣднего моего издиханія и до послѣдней крове капли долженъ а ненависть, вражда, и злоба людская, вмаломъ времени вглубокой моей старости, при кончинѣ уже житія моего насилствуеть тые мои многолѣтніе вѣрніе службы помрачити, и прежде времени печальми вѣкъ мой прекратити. Втаковихъ убо моихъ скорбехъ, прошу у вашей

княжой свѣтлости утѣшительной отрады, заступленія, и исходатайствованія многомощнаго у пресвѣтлѣйшого монаршого маестату правосудной управы. Явленную мнѣ втомъ вашей княжей свѣтлости милость покы житія моего, аще и краткаго ставати будезь. отслугивати долженствую, яко тожъ иже непремѣнѣ есмь.

Вашой Княжой Свѣтлости истинній приятель, братъ и слуга Иванъ Мазепа

Гетманъ рукою власною.

З Хвастова
Февраля 24 д. року 1708.

5. Письмо Петра Великаго къ Мазепѣ.

Письмо Государева, каково послано къ Гетману Мазепѣ Марта 1 дня 1708 году съ Ушаковымъ.

Предъ пріѣздомъ моимъ къ Москвѣ явился чернецъ съ такимъ же зломъ, какъ и *Соломонъ* бывшій. Я о томъ хотѣлъ накрѣпко розыскивать, отъ кого то происходитъ, но скорый мой отъѣздъ въ Польшу помѣшалъ тому, и для того я сіе дѣло отложилъ было до свободнаго времени. Но понеже, какъ всегда обыкновенно, что зло тихо лежать не можетъ, и нынѣ паки уже не чрезъ сего чернца, но и чрезъ особливыхъ посланныхъ ясно себя явили *Кочубей* и *Искра* (бывшій Полковникъ), гдѣ чаю конечно быть и *Апостоленку*; что я видѣвъ, уже далѣе отлагать опасаюсь; и для того вамъ сіе, яко вѣрному человѣку, объявляю, чтобъ какимъ либо образомъ оныхъ воровъ ,поймать (ибо

я чаю въ семъ дѣлѣ великому быть ихъ воровству и непріятельской факціи); къ пойманію-же ихъ такое мое мнѣніе объявляю, что мы ихъ присланныхъ отпустимъ, якобы вѣря имъ въ томъ, чтобъ оные *Кочубей* и прочіе, будто-бъ ради лучшаго вѣденія въ томъ дѣлѣ, сами къ намъ пріѣхали; ибо ежели-бъ явно послать по нихъ, то-бъ чаю конечно ушли; но симъ подлогомъ чаемъ ихъ приманить двухъ-трехъ; а *Апостоленка* такимъ образомъ прибрать-же, посылаю съ симъ-же посланнымъ явное къ вамъ письмо, въ которомъ написано, дабы вы нѣсколько съ нимъ козаковъ къ *Быхову* послали отъ себя съ добрымъ командиромъ, котораго командира вы по сему письму учините его *Апостоленка*; и такъ симъ тихимъ образомъ всѣхъ трехъ можемъ въ руки получить. Къ сему-же и то объявляемъ, что ежели вы и кромѣ сего способа можете ихъ всѣхъ трехъ достать, то не опуская времени, немедленно поймавъ и сковавъ, къ намъ пришлите; а ежели чаете, что уйдутъ, то лучше чрезъ сей случай; а пока оные попадутся, извольте о семъ дѣлѣ тихо держать, якобы не вѣдаете о семъ.

При семъ же просимъ васъ, дабы вы о семъ ни малой печали и сумнѣнія не имѣли.

Списана съ копіи какова прислана отъ Царского величесва и послана къ господину Головкину Марта въ 14 д. 1708 году.

6. Письмо Графа Головкина къ Князю Меншикову.

Свѣтлѣйшій Князь мой особливий благодѣтель.

Вашея Свѣтлосты пріятнѣйшия писанія отъ 17 и 19

дней априля я получилъ, закоторие а особливо за увѣдомленіе воонихъ вѣдомостей о непріятеле, зѣло вашей свѣтлости благодарствую.

Притомъ обявляю вашей свѣтлости, что извѣстно вамъ оприсланномъ от Кочубея перекресте Петре Яковлеве сизветомъ на Гетмана, которого ваша свѣтлость самъ в Бышенковичахъ видѣлъ такожъ Князь дмитрей Голицинъ половника Ахтирского Ѳедора Осипова доношеніе прислалъ, что Искра бывшей полковнікъ Полтавский обще с Кочубеемъ на Гетмана обявляли, а очемъ и отомъ ваша свѣтлость извѣстнижъ; и по тому Петра Яковлева извѣту, и подоношенію Ахтирского Полковніка Ѳедора Осипова, по указу Его Величества посланы к Кочубею Озеровъ, к Ахтирскому Полковнику да Искры, полку моего капитанъ Дубенской сообнадеживателними писмамы, чтобъ оны ехали к Смоленску безопасно; и оніе въ 18 д. сего мѣсяца приехали сюда доброволно, и Кочубей подалъ стати доносителніе на Гетмана вкоторихъ написалъ, первое что ему Гетманъ говорилъ наодинѣ в Минску, что ему обещала Княгиня Долская мать Вишневецкихъ учиниты его Княземъ Черниговскимъ, и войску Запорожскому исходотайствовать волности желаемие у Короля Станислава, и то обнадеживаніе делалось на Волине вселѣ Бѣлой Кринице когда онъ Гетманъ крестилъ у Януша Вишневецкого, второе когда Синицкой деньги отбылъ и людей Государевыхъ побылъ, то онъ тому радовался, третіе, когда онъ Кочубей его Гетмана спрашивался о позволении видачи дочери своей за сина другаго Судьи Чуйкевича тогда онъ будто говорилъ, чтобъ онъ обождалъ, когда де будемъ подляхамы, то найдется женихъ твоей дочерѣ изшляхти, которой

де будетъ ему подпорою. Четвертое, будто спротивной сторони у Гетмана ксензъ Зеленскій часто бываетъ для наговору, и онъ его принимаетъ тайно, и снимъ разговоривается, а сказивалде про тотъ приездъ его прикажчику прикажчикъ Гетманской. Пятое, когда нинѣ Кыкинъ посилалъ с Москви сея зими къ Гетману, то будто онъ Гетманъ чаялъ Великаго Государя за нимъ быть, для взятія его Гетмана, и тогда хотѣлъ боронится, и на то учредилъ сердюковъ, и болѣе того много бездѣлниць писалъ а сии только важніе; имы его спрашивалы сначала добровольно, о свѣдителехъ при комъ то было, и онъ никакихъ свѣдителей на то необявилъ, а обявилъ что самъ отнего наединѣ слишалъ, илы женѣ его ілы дочере безнего говорено; и потомъ спрашивалы Искру, и онъ сказалъ что онъ говорилъ полковнику Ахтирскому и то чинилъ по приказу его Кочубееву, и втомъ дѣлѣ оны снимъ обще обретаются; и когда увидѣлы истѣхъ его Кочубеевихъ писменныхъ доношеній і изсловъ и издопросу Искрина самое ихъ воровство исплетенную ложь, понеже непоказали свѣдѣтелства вѣрнаго, тогда Кочубея и Искру роспрашивали противъ того покрепче сообличениемъ ихъ лжы но Кочубей утверждался, что то самая истинна, еже онъ доноситъ, а Искра и тогда почалъ мятця что то все слишалъ онъ только от Кочубея а самъ за Гетманомъ ничего незнаетъ; и показалась въ важнихъ делахъ между имы разнь; а именно въ умисле на здравие великаго Государя, и визменѣ и походе Гетманскомъ будто на украинскіе городи, и для того давалы имъ очную ставку, и потомъ Искра приведенъ кпитки и роспрашиванъ, на Гетмана онъ доноситъ почьему наущенію и не пофакциямли, и непоподсилкель о томъ какой отне-

приятеля на изверженіе его Гетмана, и онъ говорилъ, что нікакой подсилки кнему отнеприятеля небыло, и низакимъ того незнаеть, а подущалъ его втомъ Кочубей тому уже здва года, наговоря ево чтото онъ чинить свѣрности своей к царскому величеству, а онъ Искра за Гетманомъ нікакой измѣни невидалъ и ніоткого не слихалъ, и говаривалъ Кочубею, чтобъ оттого пересталъ, но онъ Кочубей ему сказалъ, что желаетъ онъ втомъ и умереть, а его обличить, и потомъ онъ Иксра питанъ, а спиткы сказалъ, слишалде онъ откочубея, что совѣтовалъ онъ отомъ смиргородскимъ полковникомъ соапостоленкомъ исъ Чуйкевичемъ здругимъ судьею, и что поизверженіи Гетмана Мазепи Миргороцкаго Полковніка желалы оны учинить Гетманомъ, и вщедулѣде писанной кнему Кочубею какъ онъ ему сказивалъ, что оная отчуйкевича прислана, и оную онъ читалъ втакой силѣ что у нихъ заднепромъ огонь загаряетця, а сохрани Боже чтобъ и увасъ незагорелся; и послѣ того приведенъ къ питки Кочубей, и предъ питкою спрашиванъ онъ противъ искринихъ словъ, и призналъ онъ кочубей говоря, правда де то что онъ Искра напредъ поего наговору ктому неприставалъ, ноужеде потомъ поѣхалъ кахтирскому Полковніку поего велению охотою, а Миргородскій Полковнікъ и Чуйкевичь судья другой писивалъ кнему толко о ведомостяхъ, а оникакихъ оннихъ дѣлехъ неписивалъ, а престерегде его отгетманской посилки Миргородскій Полковникъ, а чуйкевичь де старой толко писалъ, кзятю ево а къ своему сыну, что посланъ Скоропацкой келикому Государю снекоторими предложеніи а чаютъ что стакимиже какъ и о Соломонке, а пидумиде онъ Чуйкевичь такой, что огонь тамо загоряетця

неписивалъ, и тоде онь искра знать невиразумѣвъ говорить, а чтоде за два года онъ на гетмана говорилъ про измѣну, и тоде чинилъ на него гетмана за домовую свою злобу, о которуюде чаеть известно многимъ; и искра при немъ еще питанъ вдругой рядъ испрашиванъ что вумисле на Государево здоровье и опротчемъ онъ Іскра Ѳедору Осипову говорилъ, и то кочубей лы ему сказивалъ, потому что во многомъ Кочубей запирался, і Искра здругой питкы говорилъ, что онъ говорилъ Ѳедору Осипову и велѣлъ писать, и то все слишалъ отнего кочубея, и обявлялде ему онъ Кочубей что онъ то все на Гетмана взвелъ по собственной своей злобѣ а невидя измѣни, и онъ Искра ему говорилъ, отойде злобѣ надлежить тебѣ быть челомъ и просить милости у великаго Государя, автомбы дать покой, и просилъ ево многократно чтобъ втомъ непогинуть, для того что онъ за Гетманомъ ничего кьромѣ верности невидитъ, однакожъ онъ по свойству и подружбѣ привелъ ево нато что онъ сизвѣтомъ поихалъ, а процидулу что спервой питкы говорилъ что Чуйкевичь писалъ и сказалъ, что помнитца ему читана и откочубея сказивано, что писана отчюйкевича, и отомъ Кочубей предпиткою сказалъ, что онъ на Гетмана написалъ и подалъ статьи, и словесно доносилъ визмѣнѣ; то все затѣялъ ложъ по злобѣ на него Гетмана; а что Миргородскій Полковникъ ему какъ онъ онемъ сказивалъ что будто онъ говорилъ оворуженіи казаковъ вприѣздъ Александра Кикина на Государево здоровье, и того ему миргородскій полковнікъ несказивалъ.

Асьежжались и говорили о сватанье, и после того кочубей питанъ, и роспрашиванъ, не поподсилкель отнеприятеля, и по факциямъ онаго онь то на Гетмана затѣвалъ,

дабы извергнуть и вибрать инаго Гетмана. И тому ихъ злому намѣренію склониль, и кто втомъ были снимъ единомишленнікы и нѣтли присланнихъ отнеприятеля кнему илы кинимъ, для такова возмущения на украину, и онъ спитки говорилъ, что онь то все чинилъ, и назатевалъ по прежде обявленной злобѣ своей на него Гетмана а неснеприятелской факции, и нікакихъ кнему подсилокь, отнеприятеля небыло, такьже и киным никкому о такихъ присланнихъ неведаетъ, и за Гетманомъ невѣдалъ и невѣдаетъ нікакой невѣрности и нискемде онъ отомъ кроме Искры не говаривалъ, і несовѣтовалъ, и все то затѣялъ онъ ложно, чая что ему втомъ повѣрять бездальнего розиску; а о Полковнике миргородскомъ, тожь говорилъ что и предпиткою сказалъ, что миргородской де полковникъ только его престерегъ уведая о посилке гетманской по него, да и зять де его чуйкевичь кнему того что онь напредъ вдоношеніи обявлялъ, такожь и отець его судья не писивалы ниочемъ оинномъ, кромѣ того что по припятству и по средству кь нему давалъ знать о вѣдомостяхъ посторонніхъ, и на протчие всѣ особы о которихъ онъ напоминалъ, вдоношеніи своемъ доносиль ложно, хотя темъ свое доношеніе утвердить.

И понеже кочубей зѣло старъ и дряхль безмерно; того рады мы его питать болѣе опаслись, чтобъ прежде времени нездохъ, и посилаемъ нинѣ ихъ всмоленскѣ, ивелимъ тако держать за крепкимъ карауломъ впредь до указу, а къ его Царскому Величеству о всемъ томъ созеровимъ писалы, и будемъ ожидать указу что снимы повелитъ чинить, а кь Гетману мы послали великаго Государя грамоту, что потому розиску явилось отѣхъ воровъ на него

гетмана самая затѣйная ложь, и что взвели позлобѣ своей, и обнадеживалы ево милостию Его Величества, а мир-городского полковніка которой явился втомже, также и черниша (:о которомъ сказиваль откочубея Петръ Яковлевъ, что онь на гетмана снѣкоторими лжи посилалъ отъ себя кдуховнику человѣка своего:) велѣли мы взять за караулъ и послать вкіевъ, и сие вашей свѣтлости вонзвестие обявивъ остаюсь

Вашия свѣтлости моего особливаго благодѣтеля всегдашнимъ слугою

Графъ Гаврило Головкинъ.

Ізвитепска
въ 25 д. Апрыля 1708 году.

Р. І. Получилъ я вашей свѣтлости писмо искруглова, Априля отъ 22 д. и за которое вашей свѣтлости благодарствую, что неоставляете насъ вписанияхъ своихъ (*).

(*) Всѣ сіи письма напечатаны совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ доставлены издателю.

ПОДЛИННАЯ БУМАГА, ПОЧЕРКА

ПОСЛѢДНЕЙ ПОЛОВИНЫ

СЕМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

(найдена между дѣлами Аптекарскаго приказа, которыя сохранились въ архивѣ Медицинской Конторы, въ Москвѣ).

(Сообщено В. Н. Карлзинымъ).

Нынѣшняго 1682 года, по указу Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Ѳедора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, велѣно построить двѣ Шпитальни или богадельни: одну въ знаменскомъ монастырѣ, что въ Китаѣ, а другую на Гранатномъ дворѣ, что за Никитцкими воротами; чтобъ впредъ по улицамъ бродящихъ и лежащихъ нищихъ (межъ которыми многіе притворные воры, и всемъ здоровы и работать могуть) небыло. И то дѣло самое доброе и богоугодное; и каковыя похвалы достойно, свидѣтельсвуетъ о томъ божественное писаніе обоихъ завѣтовъ.

А въ Государствахъ и во градѣхъ, гдѣ такіе домы нищимъ построены, великая отъ того польза, какъ ниже сего послѣдуетъ.

А.

Во первыхъ, таковыхъ бѣдныхъ, увѣчныхъ и старыхъ людей, которые никакой работы работать не могутъ, а наипаче же служимаго чина, которые тяжкими ранами на Государевыхъ службахъ изувѣчены, а пріюту себѣ не имѣютъ, должно по смерть ихъ кормить; за такое благое дѣло послѣдуетъ отъ Господа Бога временное и вѣчное благословенство. И ни закоторыя дѣла не обѣщанъ вѣчной дати животъ, точію затворящимъ милость къ бѣднымъ; какъ самъ Господь повелѣваетъ милости творити паче, нежели жертвы. И такое Государство бываетъ отъ всякихъ навѣтовъ соблюдаемо, какъ Псаломникъ глаголетъ: блаженъ вразумѣваяй на нища и убога: въ день лютъ избавитъ его Господь.

В.

А когда такіе увѣчные люди будутъ отъ бродящихъ притворныхъ нищихъ разобраны, и ходить имъ по улицамъ возбранится, тогда тѣ здоровые нищіе, такъ же и дѣти ихъ, (которыхъ множество великое по улицамъ бродятъ, и ничему ихъ не учатъ, а возрастя кромѣ воровства отъ такихъ бродящихъ людей не возможно быть) принуждены будутъ хлѣбъ свой заживать работою, или какимъ ремесломъ къ общенародной пользѣ. Потому, что всякая праздность не приводитъ человѣка ко иному, точію къ злымъ дѣламъ и воровству.—

Г.

Когда такимъ людемъ по улицамъ возбранено будетъ ходити, и подъ окнами милостыни просити, тогда и воровства такова не будетъ, для того, что такіе воры, по дворамъ ходя, только примѣчаютъ, кто какъ живетъ и какъ его домъ, какъ бы исплоша гдѣ малолюдство ково днемъ или ночью покрасть. А иные такіе же воры, какъ отомъ повѣствуется, малыхъ робятъ съ улицъ крадутъ, и руки и ноги имъ ломаютъ, и на улицы ихъ кладутъ, чтобъ на нихъ люди смотря умилились, и больше имъ милостыни давали.

Д.

Еще же многіе отъ такихъ нищихъ, которые странными болѣзнями и прилипчивыми одержимы, какъ то франками, ракомъ, волкомъ (*) на лицѣ и по рукамъ,— тѣ садятся просить во многонародныхъ мѣстахъ, и такова нищаго, когдабъ жена чревата усмотря испужалась, моглабы таковая поврежденнаго младенца родити. И для такой причины во всѣхъ странахъ Европскихъ, такимъ людемъ отнюдь не позволяютъ по улицамъ ходити, не токмо что вомногонародныхъ мѣстахъ сидѣть; а взявъ ихъ лѣчатъ, буде исцѣлены; а буде не исцѣлены и конечто скудны, поятъ и кормятъ по смерть во особыхъ отдаленныхъ мѣстахъ.

Е.

Еще же, которые межъ тѣми нищими будутъ больные и увѣчные, а лѣчить ихъ можно; и у того дѣла молодымъ Докторамъ не малая польза, и въ наукѣ своей изощреніе.

(*) Родъ дурной чесотки.

И вскорѣ ученіе и искуство каждаго доктора при лѣчбѣ такихъ людей познается, такъ же и лѣкарей, которые нынѣ Государство жалованье емлютъ же, а нѣкоторымъ дѣлать нечево.

Только къ совершенству того дѣла надобны различныя статьи, которые ниже сего послѣдуютъ, и чтобъ по тѣмъ статьямъ великаго Государя указъ былъ учиненъ.—

Во первыхъ надо всѣмъ къ тому дѣлу приставить добраго дворянина, который бы то дѣло дѣлалъ одной ради любви Божіей съ охотою. А емубъ дать подъячаго добраго, которой бы записывалъ нищихъ въ книгу противъ указовъ, и держалъ бы денежной и хлѣбной и всякимъ запасамъ приходъ и расходъ. И крестьянскія всякія дѣла, которыя къ тому дѣлу будутъ даны, онъ же бы вѣдалъ.

Сверхъ того надобно на дворѣ дворникъ, который бы вѣдалъ кого спускать, если который куды пойдетъ, и всякое бы дворовое дѣло и починки и прочія дѣла вѣдалъ. Еще же надобенъ ключникъ, который бы всякіе запасы и питья на потребу ихъ выдавалъ и принималъ, также и поваровъ двухъ или трехъ человѣкъ, смотря по числу.—

Еще же надобно, чтобъ тому мѣсту быть (если возможно) при улицахъ большихъ, гдѣ всегда многолюдство бываетъ, чтобъ мимоходящіе люди такую богадѣльню, и больницу видя, умилясь, милостыню подавали. И къ тому зѣло пригоденъ знаменской монастырь, въ которомъ бы кормить старыхъ, увѣчныхъ и безпріютныхъ; а на Гранатномъ дворѣ всякихъ больныхъ лѣчить. А излѣча, буде безпріютенъ и старъ, или съ увечьемъ, и къ работѣ ни

къ какой негоденъ, и того отсылать въ Знаменской монастырь. Такъ же бы и во церквахъ по всей Москвѣ, буде можно збирать бы на нихъ милостыню, какъ и во иныхъ Государствахъ на нихъ збирается. А одними крестьянскими доходами такое великое число, которыхъ чаять больше пяти сотъ, или тысячи человѣкъ и больше соберется, не прокормить, потому что хотя на всякаго человѣка въ годъ положить на пищу, одежду и дрова по десяти рублей и того на всякіе сто человѣкъ по тысячи рублей, а чаять что того не станетъ, а когда денегъ или запасовъ будетъ въ приходѣ больше, тогда и нищихъ можно прокормить большее число.

А буде что за приходомъ лишніе нищіе останутся, мнится, что ихъ можно раздать по манастыремъ. И тѣмъ монастыремъ чаять, за кѣмъ сто дворовъ, пять человѣкъ въ своихъ больницахъ кормить можно, не токмо на Москвѣ, но и повсѣмъ городамъ Московскаго Государства.

Только нищихъ же, которые бывали чьи дворовые люди, или крестьяне, о тѣхъ надобно особой великаго Государя указъ, принимать ли и ихъ на Москвѣ и въ городѣхъ въ больницы монастырскія, или ихъ кормить тѣмъ, чьи они люди и крестьяне? А буде въ тѣ больницы привезутъ чьего человѣка или крестьянина, и ево лѣчить, поить и кормить безденежноль, или за лѣчбу и за прокормъ съ него имать на сутки, и почему имать; о томъ чтобъ великаго Государя указъ былъ учиненъ.

А для лечбы ихъ по всякой нуждѣ, надобно, чтобъ у нихъ былъ приставленъ Докторъ, Аптекарь, да лѣкарей человѣки три или четыре съ учениками. И аптека не

большая; для того, что со всякимъ рецептомъ ходить въ городъ не удобно. А лѣкарства можно про нихъ держать не дорогія, однакожъ пользу будутъ чинити.

Еще же, которые нищіе будутъ безъ руки или безъ ноги, или съ инымъ какимъ увѣчьемъ, о кромѣ того будетъ всемъ здоровъ, и въ такихъ лѣтахъ, что работать можетъ; и тѣхъ принимать ли? и въ которые больницы? или ихъ отсылать къ какимъ работамъ? а въ иныхъ Государствахъ, такихъ, буде они не на Государскихъ службахъ изувечены, заставливаютъ работать смотря по дѣлу, кому какую работу удобнѣе работать.

И такимъ поведеніемъ учинится, что не токмо на Москвѣ, но и въ городѣхъ всего Московскаго Государства никакова нищаго по улицамъ бродящаго не будетъ. Только надобно приказывать по карауламъ, и по всѣмъ воротамъ, чтобъ стрѣльцы такихъ нищихъ во Аптекарской приказъ приводили, и тамъ, смотря ихъ буде совершенные нищіе, что работать не можетъ, или увѣченъ, отсылать ихъ въ Шпитальню; а буде какова, притворнаго, здороваго нищаго поймаютъ и о тѣхъ также указъ надобно учинить, куды ихъ отсылать, и какое имъ наказаніе чинить.

О нищенскихъ дѣтяхъ, робятъ и дѣвокъ, которые также по улицамъ бродятъ милостыни просить, надобно великаго же Государя указъ учинить. А въ иныхъ Государствахъ, такимъ построены дворы, въ которыхъ перво изуча ихъ грамотѣ научаютъ ремеслу какому кто похочетъ, или отдаютъ мастерамъ ихъ учить по домамъ; а дѣвокъ отдаютъ по манастыремъ для ученіяжъ, изуча, и въ лѣта совершенныя пришедъ, какъ можетъ хлѣбъ свой зажить,

и себя съ женою прокормить, отпускаютъ на волю. Или купя дворы тѣмъ, поженятъ, и отъ такихъ людей и впредъ ужъ во градѣхъ прибытокъ, и воровства отъ такихъ опасаться нечево, потому, что ему уже способъ, чѣмъ сыту быть, данъ.

И такимъ бы способомъ многія науки и ремесла, которыхъ нынѣ изъ иныхъ чужихъ Государствъ всегда здѣсь требуютъ, и дорогою цѣною купятъ, или такихъ людей на тяжкихъ и великихъ кормѣхъ призываютъ, на Москвѣ завелись.

А въ такихъ дворѣхъ, мнится, не трудно учити наукамъ, которыя во всякихъ случаѣхъ нужны и потребны, какъ послѣдуетъ:

Во первыхъ наука цыфирная, которая всякаго чина людемъ годна, а наипаче же купеческимъ; безъ которой многіе купеческіе люди, щоту и выкладки не разумѣя, пропадаютъ и обнищаютъ.—

Фортификація, или ниженерская наука, безъ которыхъ обоихъ наукъ Генералу или Полковнику, и никакому начальнику человѣку чинъ свой подолжности никакими мѣрами исполнити не возможно и для того нынѣ у многихъ великихъ Государей повелось: которой Полковникъ тѣмъ наукамъ не ученъ, и его развѣ съ великою трудностію въ службу принимаютъ для того, что наступленія на непріятеля, ни обороны творити по воинскому праву не можетъ.—

Архитектура, которая учитъ всякія зданія изрядно и правильно строить.—

Знаменить или живописная наука, которая тѣмъ всѣмъ наукамъ есть повожденіемъ; къ той же принадлежитъ и перспектива.—

Геометрія, которая учитъ земли размѣривать, и разстояніе мѣста отъ мѣста, и высоту и глубину точію цыфири и иструментомъ смѣчать и сказать, и къ строенію крѣпостей городовыхъ зѣло нужна. И фортификація или нижинерское дѣло безъ сей не состоится.—

Артилерія, которая учитъ по размѣру прямому какъ пушки лить, и въ какую мѣру стрѣлять, порохъ дѣлать и всякія огнестрѣльныя статьи, какъ гранаты и прочія къ тому принадлежащія статьи; и въ какой размѣръ ихъ мѣтать, чтобъ на намѣренныя мѣста падали.—

И тѣ науки всѣ можнобъ въ школахъ къ тому устроенныхъ изучити и отъ такихъ бы гуляковъ, которые нынѣ туне хлѣбъ ѣдятъ, изучась, великому Государю великая прибыль была. И вмѣсто иноземцовъ, которыхъ съ великою трудностію достаютъ, и на малое время выѣзжаютъ, да и тѣ многіе въ тѣхъ наукахъ не совершенны, можнобъ и своихъ завѣсть; какъ нынѣ сказываютъ, у турокъ, у которыхъ тѣ науки прежде сего небыли, нынѣ же всѣ учатся, наипаче же тѣмъ, которые къ воинскому дѣлу принадлежатъ.

А безъ тѣхъ вышеписанныхъ наукъ, наипаче же цыфры, фортификаціи, Геометріи и Артелеріи, не возможно никакими мѣрами добрую, благополучную и прибыточную войну, хотя и великимъ многолюдствомъ водити. И тѣми науками, самые крѣпкіе и не удобьемлевые города емлютъ; такъ же и многіе города сею наукою устроенные, вели-

кимъ войскомъ могутъ отпоръ дати, и не токмо себя, но и все свое Государство соблюсти.

А что ремесла всякія, и тѣ потомужъ можно было распространить въ такихъ же дворѣхъ изуча ихъ. А наука (добрымъ мастерамъ) давъ имъ прибыточные привилія, отъ чего бъ имъ можно корысти быть, вскорѣ начнутъ распространяться. А по великой нуждѣ надобны бъ были ремесла сіи послѣдующія:

Шолковыхъ Локотныхъ товаровъ дѣло, которое уже за милостію Божію и великаго Государя тщаніемъ чаять въ доброе произведется поведеніе, если помочь заводчику того дѣла будетъ.

Суконное дѣло, къ которому случаи самые добрые въ Московскомъ Государствѣ есть; и можно сукна нарочитыя здѣсь дѣлать.

Золотое и серебреное дѣло совершенно умѣютъ иноземцы; а рускіе люди для того, что не учатся знаменити, того дѣла не умѣютъ въ совершенство изучиться.

Часовое дѣло, токарное, костяное, кузнечное всякихъ субтельныхъ орудій и инструментовъ, которые нынѣ всѣ изъ за моря привозятъ.

Оружейное дѣло всякіе образцы, такъ же печатать мѣдными досками, и иные многія рукодѣлія, которыя въ государствахъ Европскихъ, во многихъ нарочитыхъ городѣхъ на особливыхъ дворѣхъ дѣлаютъ, и такихъ гуляющихъ людей учатъ, и ихъ же дѣлами кормятъ съ не большею придачею постороннею.—

А къ наукамъ и ко всякимъ ремесламъ былибъ чаять многіе охотники, для того, что отъ народа Россійскаго

многіе зѣло понятны, какъ о томъ о нѣкоторыхъ образцы есть.

И такимъ бы способомъ многая великаго Государя казна, которая такимъ людемъ дается, сохранена былабъ, и многіе тысячи людей могли бъ хлѣбъ свой тѣмъ заживать, которые нынѣ привозятъ изъ иныхъ Государствъ, учалибъ дѣлать въ Московскомъ Государствѣ. И отъ тогобъ родилось, что за Московскіе товары, учалибъ платить вмѣсто товаровъ, золотомъ и серебромъ. И такъ бы богатство множилось.

А для унятія бродящихъ всякихъ воровъ, (которые лѣнятся работать, и смотрятъ, гдѣ бы кого покрасть, или мошну подрѣзать и шапку схватить, или иное какое зло учинить), здѣланы за моремъ во многихъ городѣхъ дворы, гдѣ такихъ людей по особымъ чуланцамъ сковавъ сажаютъ на нѣсколько недѣль, или по винѣ смотря; и заставляютъ пилами терть сандалъ, или иную какую тяжелую работу дѣлать; и по работѣ смотря въ размѣръ даютъ имъ и хлѣба въ вѣсъ, и воды или кваса, въ тѣхъ дворѣхъ смиряютъ не послушливыхъ сыновъ, которые досождаютъ отцамъ или матерямъ или родителямъ своимъ; и тѣмъ многое воровство удерживается, для того, что того двора зѣло тѣ люди опасны, вѣдая тяжкую работу и скудость пищи.

И для того во всѣхъ Государствахъ Европскихъ, не токмо въ великихъ, но и въ малыхъ городѣхъ, построены при церквахъ ихъ больницы и школы. Въ больницахъ кормятъ и одѣваютъ больныхъ и престарѣлыхъ людей, за которыхъ жители мнятъ граду своему воздаяніе отъ Господа Бога получить.

Такъ же Начальство каждаго града ни о чемъ не имутъ такое попеченіе, точію какъ бы возрастущіе ихъ гражане во благихъ нравѣхъ и наукахъ и ремеслахъ достигали, и каждый по своему званію могъ бы безъ обиды ближняго своего праведнѣ хлѣбъ свой зажити, въ которомъ (*) самая тишина, миръ и благовенство каждаго града состоится; разсуждая, какъ лѣсныя древеса не могутъ благихъ плодовъ принести, если не отрѣжутся вѣтви ихъ грубыя, и не прилѣпится къ нимъ благаго древеса вѣтвица, чрезъ которую новыя вѣтви изростя, уже плодъ добрый господину своему приноситъ, и не туне землю занимаютъ, тако и человѣкъ, иже отъ естества выну ко злу, паче неже къ добру склоненъ есть, отъ лѣтъ младыхъ прирожденную грубость благими науками и ученіемъ не искоренитъ, то отъ естества самаго зѣло трудно ко благонравію прелѣпитися. И человѣкъ кромѣ ученія человѣкомъ имяноватися не можетъ, для того, что не вѣсть какъ онъ человѣкъ. И во вся дни живота своего (аще и зѣло почтенъ, еже образъ Бога невидимаго носити ему) пребываетъ аще и живъ, но мертвъ, и видя, но слѣпъ.

(*) Вмѣсто *въ чемъ*.

БИБЛІОТЕКА
ГОСУДАРЕЙ ВЪ XVII СТОЛѢТІИ.

$\frac{6204}{1696}$ Іюл. 23.

Прежде означеннаго году и числа сдѣланъ былъ государямъ Іоанну и Петру докладъ изъ посольскаго приказу, что съ давняго времени хранятся въ ономъ разныя мощи и книги, до которыхъ никакого дѣла нѣтъ, и слѣдовательно неблаговолено ли будетъ мощи отдать въ церкви а книги «*въ царскую книгохранительную палату.*»

Послѣ описанія мощей слѣдуетъ:

«А книгъ въ посольскомъ приказѣ нынѣ розныхъ языковъ на лицо *старыхъ, которыя въ переписной книгѣ написаны:*

Атлясь въ Д (4) книгахъ съ описаніемъ земель и Государствъ въ лицахъ на Нѣмецкомъ языкѣ.

Космографія Аврама Артелія, описаніе всей вселенныя перечнемъ въ лицахъ на Латинскомъ языкѣ.

Атлясъ Херарда Меркатура всей вселенныя описаніе въ лицахъ перечнемъ на Латинскомъ языкѣ.

Библія на Нѣмецкомъ языкѣ; Библіяжъ на Латинскомъ языкѣ.

Бесѣды Рудолфа Гвалтера, толкованіе на Вj Пророковъ; Калвинская.

Лексиконъ нареченія Богословія на Латинскомъ языкѣ.

Лѣтописецъ перечневой изъ космографіи Яна Ботера.

Статутъ Короны Польской на Латинскомъ языкѣ.

Уложенье Вѣликаго Княжства Литовскаго.

Прѣніе Аристотелевыхъ естественныхъ наукъ на Латинскомъ языкѣ.

Похвала Польскому Владиславу Королю на виршъ.

Книга Іякова Порта Калвинская на Латинскомъ языкѣ.

Уложенье Цесарское; тутъ же Логика Филипа Меллактона о правореченіи на Латинскомъ языкѣ.

Толкованіе на посланіе Святаго Апостола Іакова, Католицкое на Латинскомъ языкѣ.

Посланія Апостольскія, въ которыхъ постановленіе и утвержденіе всякой письменной вольности Езувитской; Католицкая, на Латинскомъ языкѣ.

Орацы Риторскіе на Латинскомъ языкѣ.

Алваръ учительной Латинского и Нѣмецкого языка.

Кроника на Латинскомъ языкѣ Польскихъ Королей.

Кроника Пясецкаго на Латинскомъ языкѣ.

Книга градская Витепская на Польскомъ языкѣ.

Казанія на розные праздники на Польскомъ языкѣ, начала нѣтъ, Езуитская.

Казанія на розные жъ праздники на Италіянскомъ языкѣ.

Кроника на Латинскомъ языкѣ о рожденіи и житіи Владислава Короля Польскаго.

Книга судебная на Латинскомъ языкѣ.

Книги Омана Богослова Калвинскаго по Калвинскому вызнанію на Латинскомъ языкѣ.

Казанія на праздники, на Польскомъ языкѣ, Григорья Жерновца имянуемая.

Книга ночные труды Иларіона Бискупа Пиктавейскаго на Латинскомъ языкѣ, Калвинская.

Казанія свадебныя Люторского Закона на Латинскомъ языкѣ.

Книга Философа Луція Сенеки о всякихъ дѣлѣхъ на Латинскомъ языкѣ.

Казанія розныя надгробныя на Латинскомъ языкѣ; начала и конца и обертки нѣтъ.

Книга Яна Меэрса на Латинскомъ языкѣ; обертки на ней нѣтъ.

Книга о почитаніи вѣры Люторской на Свѣйскомъ языкѣ.

Книжка Реторика на Латинскомъ языкѣ.

Книжка на Нѣмецкомъ языкѣ о грубіянскомъ мужицкомъ невѣжьствѣ.

Кроника Дѣйствъ во Европѣ знатныхъ, Пясецкого, Латинскимъ языкомъ.

Книга произвожденіе или Родословіе Королей Польскихъ, Латинская.

Книга Яна Грутера.

Книга литія посланей изрядныхъ.

Книга Боерія приговоровъ златыхъ.

Книга Матѳея Дрессера о витійствѣ риторическомъ.

Книга Дикціонарь Петра Берхора.

Книга Метофика Климента Тимплера.

Книга о небеси и о стихіяхъ.

Книга Аристотелева Физика.

Книга описаніе Философскихъ вещей.

Книга Рудолфа Гвалтера, толкованіе на Евангеліе, Калвинская.

Книга Дидака Декаледа, толкованіе на Есвирь.

Книга Іосифа Сперанза.

Книга Рудолфа Гватера, толкованіе на соборное посланіе, Калвинская.

Книга Новой Завѣтъ Греколатинскій втолку Калвинская.

Книга Якуба Ялфереза о искорененіи зла.

Книга Антонія Пессевина о вѣрѣ Римской и о исправленіи Календаря новаго.

Книга Козмы Магаліана на Моисѣевы пѣсни толкованіе.

Книга Алфонса Салмерона, толкованіе на Евангельскую повѣсть.

Книга Христофора о познаніи самого себѣ.

Книга Калепинъ на Аі (11) языковъ.

Книга Полеантеа.

Книга Златыя Правды на весь ветхій завѣтъ.

Книга Горологіумъ.

Книга Никифора Каллиста, лѣтописецъ.

Книга Гисторія Естества Іоанна Евсевія Езуита.

Книга толкованіе на Ві (12) Пророки Корнилія Алякиде Езуита.

Книга толкованіе на Дѣяніе и на посланіе и на апокалипсисъ, его же Корнилія.

Книга толкованія на притчи Соломоновы его же Корнилія.

Книга Сокровище Цыцероново.

Книга Амбросія Медіоламского.

Книга Іоанна Дунсъскота сентенцыи.

Книга Григорія Богослова томъ «В», Греколатинская.

Книга Собраніе всѣхъ Соборовъ.

Книга Гисторія Церковная Анастасія Библіотека.
Книга Іоанна Дамаскина дѣла.
Книга Трапеза пищъ духовныхъ.
Книга толкованія на Іезекіиля Пророка Корнилія Аляпиде.

Въ полдесть.

Книга Политика.
Книга дѣло лѣкарственное, или начало Физики.
Книга Арефметика и Гіометрія.
Книга Свѣтлость Евангельская.
Книга цвѣты прикладовъ Церковныхъ.
Книга Гисторія Церковная Іоанна Горацыя.
Книга Оглашенія о исповѣданіи вѣры.
Книга Кивотъ лекарственный Скорбей Душевныхъ.
Книга Новый Завѣтъ Сирскій съ Латинскимъ языкомъ.
Книга толкованія нѣкоихъ мѣстъ изъ Библіи.
Книга Земли описаніе.
Книга Симболя Героичная.
Книга Собраніе Святыхъ временъ.
Книга Богословія Лютерская.

Въ четверть.

Книга Лексиконъ собственныхъ имянъ всякихъ, книга сладость.

Въ осьмушку.

Книга Полидора Виргилія о обретателехъ вещей и о чудесѣхъ.

Книга Утѣшеніе о любви Божіи.
Книга Политика Григорія Схонборіера.
Книга Реченій Философскихъ.
Книга Плинневы посланія.
Книга Снопъ поученій духовныхъ.
Книга Виршетворство Буханини.
Книга Курціи Квинціи о Александрѣ Македонскомъ.
Книга Виценція Гвинія.
Книга Демокретусъ смѣющійся.

Греколатинскія въ десть.

Двѣ книги Діонисія Ареопагита, въ двухъ переплетахъ, первой раздѣлъ и второй.
Книга Исидора Пилусіота.
Книга Іустина Философа.
Книга Кирилла Іерусалимскаго.
Книга Кирилла жъ Александрійскаго, томъ второй.
Двѣ книги Григорія Богослова, единаго изданія.
Книга Гисторія Іоанна Кантакузена.
Книга Іоанна Златоуста, томъ первой.
Книга Гисторія Іоанна Зонары.
Книга Евхологіонъ.
Книга Климента Александрійского.
Книга Гисторія Никифора Ксафопула.
Книга Деревяныхъ резей въ полатахъ, въ лицахъ, въ бумажныхъ доскахъ.
Книга Деревяныхъ же резей въ лицахъ, на Нѣмецкомъ языкѣ, въ бумажныхъ доскахъ, въ бѣлой кожѣ.
Книга чертежей полатныхъ, въ лицахъ.

Книга чертежи полатныежъ, въ лицахъ, на Нѣмецкомъ языкѣ.

Книга городовому строенію, въ лицахъ, на Французскомъ языкѣ.

Книга Мученикословія Римского на Латинскомъ языкѣ.

Книга о резныхъ дѣлахъ въ лицахъ, въ бумажныхъ доскахъ, въ мраморной кожѣ, завяски тафтяные, нагой цвѣтъ.

Книга, а вней написаны лица розные, въ переплетѣ, покрыта жолтымъ сафьяномъ.

Книга полатному строенію на Нѣмецкомъ языкѣ, въ бумажныхъ доскахъ.

Книга Цицеронова на Латинскомъ языкѣ.

Книга Устиніяни на Латинскомъ языкѣ.

Книга Афонасія великаго на Латинскомъ языкѣ.

Книга Лѣтописецъ Гилбирта Генабрарда на Латинскомъ языкѣ.

Книга Антонія Пассевіона на Латинскомъ языкѣ.

Книга разныхъ городовъ лицы, подпись Французская.

Книга полатного строенія въ лицахъ, подписана Италіанскимъ языкомъ.

Книга пѣсней пѣвчая на Нѣмецкомъ языкѣ.

Книга Указъ заповедныхъ книгъ, въ бумажныхъ доскахъ.

Книга Уложенье Польское, на Латинскомъ языкѣ.

Книга чертежная полатамъ и источникамъ каменнымъ, на Французскомъ языкѣ.

ДА ВЪ ПОЛДЕСТЬ КНИГИ.

«В» [2] книги житія, или лютня на польскомъ языкѣ.

Книга Мессія въ переплетѣ, на польскомъ языкѣ.

Книга огороднаго строенія въ лицахъ на нѣмецкомъ языкѣ, въ переплетѣ, въ бумажныхъ доскахъ, поволочена бѣлою кожею, безъ застежекъ.

Книга случай, а въ ней, лицы на Латинскомъ языкѣ.

Книга о вѣрѣ Латинскимъ языкомъ.

Книга Лекарского начало ученія, на Латинскомъ языкѣ.

Книга Краткое Богословіе на Латинскомъ языкѣ.

Книга Оружейного строенія въ лицахъ, на Нѣмецкомъ языкѣ.

КНИГИЖЪ ВЪ МАЛУЮ ПОЛДЕСТЬ.

Книга описаніе Казацкой и Татарской войны, на Латинскомъ языкѣ.

Житіе Святаго Григорія Богослова.

Бесѣды Григорія Селунского.

Аристотелева о небеси.

Алексѣева казанія.

Омирова творца о Троаде.

Лукьяново двоесловіе.

Святаго Григорія нравоучительныя бесѣды.

Порфиріева входъ въ глогикѣ.

Три Феодорѣ о взятіи Троаде.

Матвѣево сложеніе.

Микифоровы Бесѣды празничныя.

Граматика рукописанная.

Книга Арихметика.

Планудія синдаксисъ.

Граматика Ласкарева.

Книга Синотисъ.

Клеомидово круглое зрѣніе.

Литургія.

Грисанфа Пелопонисія.

Герасима Армонн Аристики.

Предисловіе къ философіи.

Димостенова Греческая и Латинская.

8 книгъ пѣвчихъ.

Книга Рукописанная Казанін.

Василья Великаго Посническія бесѣды.

Книги Практики Метофрастовы о садахъ.

Прокловы Бесѣды.

Феофилова на Матвѣево Евангеліе.

Граматика.

Григоріевы Праздничныя Бесѣды.

Этимологикъ.

Иродотова Исторія.

Порфиріевъ входъ.

Граматика Петрова.

Платовъ житіе.

Влахово сокровище.

Деогіеново житіе.

Книга въ большую десть, въ лицахъ, глаголемая кругъ всеа земли древняго описанія.

Книга Граноградъ въ лицахъ, на Латинскомъ языкѣ.

Книга печатная на Латинскомъ языкѣ отъ видѣнія послѣдняго Езекіиля Пророка о созданіи Храма Іерусалимскаго.

Книга на Нѣмецкомъ языкѣ писменная въ лицахъ о гранатномъ дѣлѣ.

Книга на Латинскомъ языкѣ, описаніе, всего Амстрадама съ лицы.

Книга на Италіанскомъ языкѣ, Перспектива.

Книга печатная на Нѣмецкомъ языкѣ въ лицахъ о полатномъ строеніи.

Книга печатная на Нѣмецкомъ языкѣ о полатномъ и городномъ и источниковъ строеніи.

Книга Лѣтописецъ на ческомъ языкѣ, Польской.

Книга печатная на Латинскомъ языкѣ въ лицахъ, глаголемая Символъ.

Книга печатная Латинская въ лицахъ, глаголемая Анатомія.

Книга печатная Нѣмецкая въ лицахъ резного дѣла.

Книга печатная въ лицахъ на галанскомъ языкѣ о городовомъ строеніи.

Книга землеописательная въ лицахъ на Латинскомъ языкѣ.

Да во 192 году прислано изъ Верхнія Типографіи розныхъ языковъ печатныхъ книгъ:

Книжка Хризостома Явелля вопросы на три книги Аристотелевы.

Книга Собраніе Поучителемъ.

Книжка Діалектика Іоанна Цезарія.

Книга Иларіона о Святой Троицѣ.

Книга Францышка Лихета на толкованіе Іоанна Скута.

Книга Толкованія на Евангеліе Матвѣево Калвинская.

Книга Учительная исповѣдникомъ во употребленіи чина своего.

Книга Іоанна Калвина.

Книга Францышка Селиверста, Вопросы Сфическіе.

Книжка поученія погребальныя.

Книга прѣнія Теологійскіе межъ Фомою Деавкинасъ и Шкотомъ.

Книга Вождь Духовный.

Книга Виргиліушъ.

Книга на посланіе Павлово толкованіе.

Книга толкованіе на посланіе Апостола Іякова.

Книга о Священной Тайнѣ Богородицы Маріи и Іосифа.

Книга разсужденія на псаломъ Помилуй мя Боже.

Книга Іоанна Златоустаго толкованіе на Матвѣево на Марково и на Лукина Евангеліе.

Книга Ноклеусъ, се есть Ядро.

Книга Виргиліушъ.

Книжка въ тетратяхъ на галанскомъ языкѣ.

Книжка на Нѣмецкомъ языкѣ, называемая Домовая и Дорожная Аптека.

Кроника Александра Гвагнина на польскомъ языкѣ описаніе Корунѣ Польской и Княжства Литовскаго.

Кроника Мартина Кромери на польскомъ языкѣ.

Да во 185 году прислано изъ Стрѣлецкого Приказу въ Посольской Приказъ изъ животовъ Боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева книгъ на розныхъ языкахъ:

Двѣ книги Іоанна Златоустаго, въ доскахъ, ветхи, на Латинскомъ языкѣ.

Книга Аврелія Августина Епископа Гипонского учителя, безъ досокъ, ветха, на Латинскомъ языкѣ.

Книга описаніе Іерусалима града.

Книга Библія на Нѣмецкомъ языкѣ, въ черной кожѣ.

Книга Георгія Пахимеры по Греческому и по Латинскому языку.

Другая книга тогожъ Георгія такаяжъ, на одномъ латинскомъ языкѣ.

Книга о рѣчи посполитой творца Адама Консана, на Латинскомъ языкѣ.

Книга Виргилія Стихотворца на Латинскомъ языкѣ.

Книга Антонія Пассевина на Латинскомъ языкѣ, въ бумажныхъ доскахъ.

Книга Лѣтописецъ Церковный Ветхаго Завѣта, на Латинскомъ языкѣ.

Книга Іоанна Антонія Веліасивенса толкованія казанья, на Латинскомъ языкѣ.

Книга о гражданскомъ житіи на Латинскомъ языкѣ.

Книга Конская въ лицахъ на Польскомъ языкѣ, учительная.

Книга огороднаго и полатного строенія въ лицахъ, на Нѣмецкомъ языкѣ.

Книга чертежей полатныхъ въ лицахъ, на Нѣмецкомъ языкѣ.

ВЪ ПОЛДЕСТЬ.

Книга Аристотеля, томъ первой.

Книга Іоанна Филопона о сотвореніи мира.

ПОЛЬСКІЕ ПЕЧАТНЫЕ ВЪ ДЕСТЬ.

Книга житія святыхъ.

Книга Гисторія Кромерова.

Книга Политика Аристотелева.

Книга Судебникъ Магдебурского Права.

Книга Гисторія Бѣлского старого.

Книга Мартина Лютера на Нѣмецкомъ языкѣ.

ВЪ ПОЛДЕСТЬ.

Книга Ботера.

Книга Камень.

Книга Іустина Гисторика.

Книга Новый Завѣтъ.

Книга Краткое описаніе Польскихъ Королей.

к. г.

Въ прошломъ во 198 году Генваря 23 дня великихъ Государей въ грамотѣ къ Гетману писано, что извѣстно имъ великимъ Государемъ, учинилось, что Македонскія земли Архимандритъ Діонисій въ Малороссійскихъ городѣхъ въ Нѣжинѣ отдалъ многія греческія книги нѣжинскому жителю и чтобъ онъ Гетманъ тѣ книги у того нѣжинского жителя описавъ имянно прислалъ въ Сѣвескъ, а изъ Сѣвска велѣно тѣ книги прислать къ Москвѣ.

И въ томъ же въ 198 году Марта въ 7 деньк ъ великимъ Государямъ изъ Сѣвска книгъ прислано по росписи:

Книга Законъ Царскій Рукописанный.

Аристотелева рукописанная о земляныхъ дѣлѣхъ.

Тогожъ Аристотеля книга, переведена, толкъ 5 гласовъ.

Книга Филиппа Клеверія землѣописательная, на Латинскомъ языкѣ.

Книга всѣхъ Соборовъ на Латинскомъ языкѣ.

КНИГИЖЪ ВЪ ЧЕТВЕРТЬ.

Книга о Естествѣ каменей на Латинскомъ языкѣ и въ лицахъ.

Книга реторика Іоанна Восса, на Латинскомъ языкѣ.

Книга Философія Естественная, на Латинскомъ языкѣ.

Книга о подъемѣ въ Хинскую землю, на Латинскомъ языкѣ.

Книга толкованія Святыхъ, на Латинскомъ языкѣ.

Книга огородная въ лицахъ на Нѣмецкомъ языкѣ.

Книга Аристотеля на Латинскомъ языкѣ.

Книга побѣда и радость Густава, Короля Шведскаго, на Латинскомъ языкѣ.

Книга о всякихъ разговорехъ на Латинскомъ языкѣ.

Книга въ лицахъ резныхъ дѣлъ Нѣмецкимъ языкомъ описаніе.

Книга огородная въ лицахъ, на Нѣмецкомъ языкѣ.

Книга Аристотелева логика.

Книга о Александрѣ Великомъ зовому Квинтусъ Курціусъ.

Книга разговоры Эразма Ротеродама на Латинскомъ языкѣ.

Книга о разговорахъ Нѣмецкимъ и Польскимъ языкомъ.

7 книгъ Граматикъ и въ томъ числѣ 4 Греколатинскихъ, 2 Латинскихъ, 1 на Галанскомъ языкѣ.

Книга раздѣленіе Судебное на Латинскомъ языкѣ.

Книга Гишпанскія тайны на Латинскомъ языкѣ.

Книга о небесныхъ теченіяхъ на Латинскомъ языкѣ.

Книга о Гражданствѣ на Латинскомъ языкѣ.

Книга Сокращеніе привиліевъ на Латинскомъ языкѣ.

Книга въ тетратехъ реторика Іоанна Восса на Латинскомъ языкѣ.

И изъ тѣхъ вышеписанныхъ книгъ огородного и полатного и городоваго строеней и резныхъ и водовзводныхъ и фигурныхъ образцовъ 17 книгъ изъ Посольского Приказу во 192 и во 193 годехъ врозныхъ числехъ взялъ къ себѣ на дворъ Князь Василій Голицынъ и назадъ вприказъ неприсылывалъ.

Да во 191 году снесено въ Посольской Приказъ книгъ изъ Мастерскія Полаты.

15 книгъ печатныхъ на латинскомъ языкѣ глаголемыя атласъ, или описаніе всего свѣта переплетены.

И 7204 Іюля въ 29 день Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичь всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ указомъ вышеписанныя печатныя и письменныя книги Греческого, Латинского, и Греколатинского, и Нѣмецкого и Польского языковъ, которыя выше сего въ росписи написаны, въ Посольскомъ Приказѣ пересмотрѣть и переписать имянно; да и въ Приказѣ Малыя Россіи такіяжъ книги, которые есть на лицо переписать же и взять ихъ въ Посольской Приказъ съ росписною. А переписавъ тѣ всѣ книги собрать и держать въ Посольскомъ Приказѣ въ береженіи и записать для вѣдома въ книгу.

Изъ послѣдующей бумаги о истребованіи Греческаго Евангелія печатнаго въ Приказъ книгъ печатнаго дѣла видно, что оный состоялъ подъ вѣденіемъ Ігумена Сергія Діака Андрея Михайлова въ 7205-мъ.

(О дальнѣйшей судьбѣ сихъ книгъ не видно ничего.)

ОБЗОРЪ СОЧИНЕНІЙ

ПИСАННЫХЪ НА МАЛОРОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Языкъ, называемый обыкновенно малороссійскимъ, которымъ говорятъ въ юго-западныхъ губерніяхъ Россіи и въ Галицкомъ Королевствѣ, не есть нарѣчіе языка русскаго, образовавшагося въ послѣднее время; онъ существовалъ издавна и теперь существуетъ, какъ нарѣчіе славянскаго корня, занимающее по своему грамматикальному и лексикальному устройству средину между восточными и западными нарѣчіями огромнаго славянскаго племени, нарѣчіе правильное, богатое, гармоническое и способное къ развитію литературной образованности. Но едвали доказательства на все это нужны въ наше время, когда понятія о славянской филологіи довольно ясны, чтобъ избавить читателя отъ скуки слушать подтвержденіе извѣстныхъ истинъ, въ которыхъ никакой просвѣщенный человѣкъ сомнѣваться не будетъ.

Но можетъ быть спросятъ: гдѣ же прежняя малороссійская литература? ибо если существовалъ народъ, то какъ можно, чтобы языкъ его оставался во-все безъ письменности? Но спросимъ прежде: была ли въ сѣверной Руси великороссійская литература? А между тѣмъ языкъ этой половины нашего отечества такъ же древенъ, какъ

и южной. Письменность къ намъ перешла вмѣстѣ съ С. Писаніемъ, и потому первыя сочиненія наши были духовныя, и, слѣдовательно, на славено-церковномъ языкѣ, употреблявшемся при Богослуженіи. Потомъ, мало-по-малу, съ развитіемъ общественной и политической жизни явилась необходимость въ другихъ родахъ письменности; но такъ какъ только славяно-церковный языкъ былъ приготовленъ къ этому, то онъ послужилъ матеріаломъ и для свѣтской общественной письменности, съ тѣмъ различіемъ, что въ него начали входить слова, выраженія и обороты языка народнаго. Но вотъ Россія раздѣлилась; западная и восточная часть ея начали жить особою другъ отъ друга жизнію; образовалось два письменныхъ языка: въ одной изъ смѣшенія славяно-церковнаго языка съ великороссійскимъ, а въ другой изъ смѣшенія того же языка съ малороссійскимъ или южно-русскимъ нарѣчіемъ. Въ Малой какъ и въ Великой Руси была своя литература, свой книжный языкъ, на которомъ почти всѣ писали, но едва ли кто говорилъ; — много сочиненій, и политическихъ, и дѣловыхъ и, наконецъ, ученыхъ, было писано на этомъ языкѣ, много переводилось на него изъ другихъ языковъ; иное издано; большая часть покоится непробуднымъ сномъ въ библіотекахъ.

Этотъ языкъ, извѣстный подъ именемъ руського, много имѣлъ вліянія на образованіе нашего языка высшаго общества и литературы: извѣстно, что Ломоносовъ учился по грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго и выучилъ наизустъ Псалтырь переложенный въ стихи, Семеона Полотцкаго. Руській языкъ былъ гораздо обработаннѣе, нежели письменный языкъ Великой Россіи; на немъ было писано мно-

го книгъ, въ которыхъ нуждались и въ Москвѣ; притомъ же, лучшіе проповѣдники наши первой половины XVIII вѣка были Малороссіяне, и хотя старались писать по русски, или по словенски, но не могли не вносить въ свои сочиненія элементовъ роднаго слова. При сильнѣйшемъ наплывѣ иностраннаго просвѣщенія, языкъ нашъ измѣнялся, принималъ другія формы, составились новыя грамматики; старинные обороты греческіе, латинскіе, польскіе, уступали мѣсто французскимъ и нѣмецкимъ; выступила литература новая, носившая на себѣ слѣды вліянія Европейской образованности; вкусъ утончался; публика возъимѣла потребность въ чтеніи легкомъ, служащемъ къ удовольствію; явились романы, повѣсти, театральныя сочиненія. Вмѣстѣ съ Европейскимъ просвѣщеніемъ развивалась у насъ столичная жизнь: въ столицахъ сосредоточивались и просвѣщеніе, и науки, и литература, тамъ было горнило языка. Руській языкъ ушелъ въ западныя губерніи, бывшія еще подъ властію Польши, и, гонимый въ обществѣ, доживалъ вѣкъ въ семинаріяхъ и училищахъ.

Съ возвращеніемъ Россіи западныхъ и южныхъ ея областей, руській языкъ сталъ уже не нужнымъ; былъ другой общій языкъ: основаніемъ его взяты наръчія славенороссійское и великорусское, а образованъ онъ былъ по по всѣмъ возможнымъ иностраннымъ формамъ: и латинскимъ, и нѣмецкимъ, и французскимъ....во всякомъ народномъ духѣ являлись у насъ сочиненія, исключая своего; такъ какъ и въ высшихъ обществахъ были въ модѣ попеременно всякіе языки, исключая русскаго.

Когда въ Европѣ явилась идея народности, подражательность уступала оригинальности, а школьность таланту;

Русскіе, хватая съ жадностію все, что ни попадалось подъ руку, усвоили себѣ и эту идею и нашли у себя богатыя силы для осуществленія ея; мы начали стыдиться своего равнодушія къ отечественному и безотчетной привязанности къ чужестранному; мы увидѣли, что, не смотря на огромное количество книгъ, у насъ нѣтъ литературы, и обратились къ собственному источнику національности и народности. Измѣнялся вкусъ; измѣнялся и языкъ. Чужестранныя формы, которыя наложены были на наше родное слово превратными понятіями объ изящномъ, уступали роднымъ формамъ народнаго языка великороссійскаго, облагороженнаго просвѣщеніемъ, науками и употребленіемъ въ высшемъ обществѣ. Измѣнялась и литература. Главное стремленіе ея было не къ подражанію иностранному, но къ своенародности. Въ такомъ преобразованіи должны были, повидимому, участвовать только одни великороссіяне, а между тѣмъ вся Россія, богатая другими элементами, имѣла ва него право: ближайшее принадлежало Малороссіянамъ, какъ народу многочисленному и единому по вѣрѣ и племени съ Великороссіянами. Но народность Малороссіи есть особенная, отличная отъ народности Великороссійской; Малороссіяне во-все или не должны были касаться литературы, или же усвоить себѣ народность Великороссійскую. Несправедливость того и другаго мнѣнія, если бы кто имѣлъ несчастіе защищать ихъ, очевидна сама собою. Благодаря самодержавію и единовластію, у насъ не могутъ разныя противныя идеи управлять общественными мнѣніями, какъ-бы оно ни было разнообразно: у насъ необходимо должно быть одно стремленіе: если какая-нибудь идея въ извѣстномъ отдѣлѣ нашей цивилиза-

ціи брошена въ одномъ углу государства, не возможно, чтобъ она не проникла въ самые отдаленные. Теперь идея народности оживила нашу литературу: и читающая публика и писатели почитаютъ народность главнымъ достоинствомъ всякаго сочиненія по изящной словесности. Но какъ могъ явиться на поприщѣ изящной литературы Малороссіянинъ, получившій первыя впечатлѣнія въ Малороссіи, лепетавшій, можетъ быть, первыя слова на родномъ своемъ языкѣ? Не иначе какъ съ своею малороссійскою народностію, съ своимъ народнымъ нарѣчіемъ. Многіе изъ Малороссіянъ чувствовали, что на русскомъ языкѣ нельзя того выразить, что можно на малороссійскомъ, и потому начали употреблять свое родное слово. И въ самомъ дѣлѣ: они правы. Конечно, Гоголь въ своихъ высокихъ созданіяхъ много выразилъ изъ малороссійскаго быта на прекрасномъ русскомъ языкѣ, но надобно сознаться: знатоки говорятъ, что многое тоже самое, будь оно на природномъ языкѣ, было бы лучше. Притомъ, много найдется талантливыхъ людей, которые, по обстоятельствамъ жизни, такъ сроднились съ малороссійскимъ языкомъ, что еслибъ они начали писать по русски, то писали бы худо, а по малороссійски сочиненія ихъ читались бы соотечественниками съ большимъ удовольствіемъ.

И такъ, идея народности, подвинувшая впередъ русскую литературу, произвела въ ней особенный отдѣлъ—литературу малороссійскую, которая, по направленію своему, есть чисто русская, своенародная. Многіе изъ современныхъ рецензентовъ называютъ это стремленіе писать по малороссійски непонятною прихотью, но думаютъ неосновательно: оно есть потребность времени, потому что исходитъ изъ того начала, которое оживляетъ настоящее общество.

Малороссійскій народный языкъ до того времени почти не имѣлъ письменныхъ памятниковъ, какъ и всякое народное слово до появленія идеи народности; но, за то, этотъ языкъ тайно хранилъ въ себѣ богатыя сокровища поэзіи— народныя пѣсни и сказки. Долго никому до нихъ не было дѣла; только въ послѣднее время обратили на нихъ вниманіе. Сказокъ у насъ никто не издавалъ; пѣсень существуютъ четыре собранія: князя Цертелева, 1-е и 2-е изд. Максимовича, Запорожская Старина Срезневскаго и Малороссійскія и Червонорусскія Думы и Пѣсни, С. п. б. 1836 г. Къ этимъ надобно причислить собранія, являвшіяся въ Галиціи; изъ нихъ извѣстны мнѣ собранія Вацслава зъ Олеска, Жеготы Паули и Лозинскаго Сватьба Русская (Ruśkoe wesile). Галичане перещеголяли насъ полнотою и точностію своихъ изданій. Изъ русскихъ собраній только Запорожская Старина имѣетъ видъ какой-нибудь полноты. Г. Срезневскій имѣлъ цѣлію собрать однѣ историческія пѣсни, и издалъ съ замѣчаніями, очень дѣльными и учеными; собраніе князя Цертелева ограничивается только осемью думами; въ 1-мъ изд. Максимовича помѣщено только 130 пѣсень; во 2-мъ есть замѣчательныя бытовыя,—но прекрасное предпріятіе его остановилось; издатель Мал. и Червонорусскихъ Думъ и Пѣсень оказалъ услугу любителямъ народности сохраненіемъ многихъ важныхъ историческихъ пѣсень, изъ которыхъ одна изумительна по своей величинѣ и эстетическому достоинству. Вотъ и все. Тысячи драгоцѣнныхъ памятниковъ народной поэзіи еще не изданы и вовсе не извѣстны. Ждутъ ихъ изданія отъ Бодянскаго, Метлинскаго и другихъ.

Но малороссійскія сочиненія появились гораздо прежде, нежели изданія пѣсень. Уже въ 1808 г. было второе изда-

ніе Энеиды, перелицованной на малороссійскій языкъ И. Котляревскимъ. Онъ первый началъ писать по малороссійски (*).

Во время упадка классицизма и вторженія въ европейскія литературы романтическихъ идей, вкусъ общества портился и принялъ самое странное направленіе: не смѣли разстаться съ вѣрою въ завѣтные предразсудки, не смѣли принять формъ новаго рода, казавшихся еще дикими,— смѣялись надъ тѣмъ и другимъ: плодомъ такой нерѣшительности явился особенный родъ сочиненій—пародіи. Писатель бралъ предметы классическіе, одѣвалъ ихъ въ романтическую одежду, и такимъ нескладнымъ нарядомъ смѣшилъ публику. Многія изъ безсмертныхъ твореній древности испытывали горькую чашу пародій: въ числѣ ихъ была Энеида Виргилія. Перелицованныхъ Энеидъ вездѣ было довольное количество. И къ намъ, на святую Русь, забрело это направленіе, забрело такъ, какъ обыкновенно и другія идеи заходили къ намъ. У насъ начали писать пародіи—не угодно ли прочесть Осипова? но Котляревскій насмѣшилъ лучше.

Умный, смѣтливый человѣкъ сей-часъ отгадалъ, чѣмъ можно позабавить публику, которая, если не пресытилась классицизмомъ, то, по-крайней мѣрѣ, дремала за толстыми пѣснями въ 12 пѣсняхъ и драмами съ тремя единствами. Котляревскій взялъ Энеиду для пародіи и выбралъ для ней такую форму, которая въ самомъ дѣлѣ могла удовлетворить желанію позабавиться надъ книгою. Чего лучше?

(*) Кто писалъ до него, и что написано, это пока остается нетронутымъ вопросомъ.

Малороссійскій языкъ—самая романтическая форма; Энеида—самое классическое содержаніе. Вотъ и явилась Энеида въ малороссійской одеждѣ: троянскій герой сталъ *моторный парубокъ*; Юнона—*суча дочка роскудкудактала́сь якъ квочка*; Зевесъ *лигавъ вишни́вку, маки́вниками зайдавъ*, и Нептунъ *сиди́въ надъ водою, изморщившись, старый шкарбунъ*. Всѣ читали Энеиду, даже и тѣ, которые не сознавались въ томъ, вмѣняя въ стыдъ читать на такомъ нарѣчіи, какимъ говорятъ ихъ конюхи. Этому-то смѣшному обязана Энеида своимъ успѣхомъ. Что жъ такое Энеида Котляревскаго сама-по-себѣ, безъотносительно къ тогдашнему обществу? Пародія выполнена прекрасно, но время пародій уже прошло: романтическая форма стала намъ не чужда, а классическому содержанію мы возвратили должное уваженіе. Но истинный талантъ, въ какомъ бы видѣ не явился, не можетъ не показать своихъ достоинствъ; пусть сочиненіе его будетъ искажено, недокончено—все оно будетъ носить на себѣ отпечатокъ души творца, все-таки въ немъ найдете такую сторону, съ которой если взглянете, то невольно скажете: сочиненіе хорошо. Энеида, какъ пародія, потеряла для насъ свою цѣну; но таже самая Энеида, какъ вѣрная картина малороссійскаго быта, какъ первое сочиненіе на малороссійскомъ языкѣ, въ глазахъ нашихъ—драгоцѣнное твореніе: мы видимъ въ ней такія достоинства, которыя были скрыты отъ современныхъ читателей.

Энеида, разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, имѣетъ для насъ три неотъемлемыя достоинства. Во первыхъ, мы видимъ въ ней, какъ я сказалъ выше, вѣрную картину малороссійской жизни. Авторъ зналъ хорошо Малороссію,

жилъ въ ней и съ нею, пользовался всѣмъ, что было у него предъ глазами. Характеры его боговъ и героевъ истинно малороссійскіе въ малѣйшихъ ихъ пріемахъ. Во вторыхъ, она драгоцѣнна для насъ по неподражаемому юмору, съ которымъ авторъ изображаетъ пороки и смѣшную сторону своего народа. Стоитъ только вспомнить описаніе ада—всѣ грѣшники носятъ на себѣ черты малороссійскія и даже осуждены на муки, которыя только придутъ въ голову малороссіянину. Въ третьихъ, языкъ его, правильный, блестящій, народный въ высочайшей степени, останется самымъ лучшимъ памятникомъ. И надобно сознаться, что едвали у кого онъ достигаетъ такой игривости и непринужденности, хотя чуждый малороссійскому языку четырехстопный ямбъ, въ которой онъ заковалъ свою пародію, очень мѣшалъ его легкости.

Что касается до тривіальностей, соблазнительныхъ сценъ и нѣкоторыхъ отвратительныхъ описаній, которыхъ, къ сожалѣнію, много у Котляревскаго, то онѣ суть плодъ ложнаго понятія о смѣшномъ: тогда думали что все отвратительное можетъ забавлять.

Опера Наталка Полтавка есть опытъ Котляревскаго въ другомъ родѣ: сочинитель хотѣлъ представить здѣсь семейный бытъ Малороссіянъ, нѣжное сердце малороссійской дѣвушки; піеса пріобрѣла сочувствіе въ читателяхъ. Наталка представляема была столько разъ на сценѣ; всѣ слушали ее съ участіемъ, — и до сихъ поръ она любимое сочиненіе Малороссіянъ, не смотря на то, что содержаніе ея отзывается устарѣлою сентиментальностію прошлаго вѣка.

Стихотворенія Артемовскаго-Гулака, пріобрѣтшія такую извѣстность, написаны, исключая перевода Гетева Рыбака, въ пародическомъ духѣ, подобно Энеидѣ Котляревскаго. Необыкновенная легкость и правильность языка, свобода въ выраженіяхъ и непринужденный комизмъ обличаютъ въ сочинителѣ высокой талантъ, отъ котораго можно было бы ожидать драгоцѣнныхъ плодовъ... лучшее изъ его твореній — это *Панъ та Собака*, сказка, которая, въ ряду апологическихъ твореній русской литературы, занимаетъ почетное мѣсто.

Впрочемъ для многихъ не столько было забавно содержаніе сочиненій Котляревскаго и Артемовскаго, сколько слова, выговоръ, обороты малороссійскаго языка. Но пришла наконецъ пора получить вѣрнѣйшее понятіе о славянской филологіи. Гребенка первый (*) отошелъ отъ прежняго пародическаго направленія: этотъ даровитый писатель, сознавая, что слово, которымъ потѣшали публику Котляревскій и Артемовскій, вовсе не искаженное нарѣчіе русскаго языка, а языкъ данный судьбою въ удѣлъ 12 мил. народа, хотѣлъ въ своихъ сочиненіяхъ показать способность его къ развитію и богатство. Перевесть Полтаву Пушкина на малороссійскій языкъ—идея смѣлая, приносящая честь тому, кто первый счелъ языкъ способнымъ къ этому. Какъ многіе первые опыты даровитыхъ писателей—переводъ, правду сказать, не удался; но во всякомъ случаѣ, цѣнители малороссійскаго слова всегда будутъ благодарны писателю за то, что онъ показалъ его достоинство и проложилъ дорогу другимъ. Но его *Приказки* всегда прочтутся съ наслажденіемъ: авторъ

(*) Кажется, не Гребенка, а Боровиковскій въ своихъ балладахъ. *Примѣчаніе Корректора.*

явился въ нихъ не пародистомъ, не насмѣшникомъ надъ малороссійскою народностію и словомъ, но малороссійскимъ баснописцемъ, и превосходно показалъ способность малороссійскаго языка къ апологическимъ сочиненіямъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, честь возведенія роднаго слова на высшую степень развитія,—смѣю сказать, честь созданія малороссійской литературы принадлежитъ писателю, скрывавшему себя подъ вымышленнымъ именемъ Основьяненка. Далекій отъ того, чтобъ принимать языкъ малороссійскій за орудіе къ возбужденію смѣха, этотъ талантливый писатель въ многочисленныхъ своихъ твореніяхъ имѣлъ задачею изобразить домашнюю жизнь малороссійскаго народа въ извѣстныхъ ея проявленіяхъ. Нравственная цѣль, обиліе чувства безъ сентиментальности, непринужденный комизмъ безъ притязаній на искуство смѣшить и увлекательность разсказа поставили его въ глазахъ образованной публики въ числѣ отличныхъ писателей, а вѣрное изображеніе народнаго быта, живость и естественность характеровъ пріобрѣли ему любовь соотечественниковъ, увидѣвшихъ въ первый разъ свое собственное въ литературѣ, изображенное по-своему, своимъ тономъ. Лучшая похвала Основьяненку съ этой стороны состоитъ въ томъ, что даже тѣ, которые ничего не читаютъ, принялись съ удовольствіемъ за его повѣсти; но всѣмъ этимъ не ограничиваются его литературныя заслуги: человѣкъ, имѣющій высшій взглядъ на изящное, откроетъ въ его сочиненіяхъ неотъемлемыя достоинства: въ основаніи почти каждаго изъ нихъ лежитъ идея глубокая, человѣческая, прекрасно развитая въ извѣстной формѣ проявленій нравственнаго міра разумныхъ существъ. Такія сочиненія, гдѣ бы они

ни были, должны быть включимы въ число отличныхъ твореній. Тѣмъ замѣчательнѣе онѣ кажутся при малороссійскомъ элементѣ, еще мало разработанномъ, на малороссійскомъ языкѣ, на которомъ не было ничего написано, кромѣ двухъ-трехъ пародій. Литература, считающая въ себѣ такія творенія, не можетъ быть ничтожною: при маломъ количествѣ своихъ произведеній она счастлива, если можетъ похвалиться такими, въ которыхъ видно не какое-нибудь подражаніе чужому, не иностранныя чуждыя идеи, одѣтыя въ искаженную форму, не жалкая всеобщность, мысли всѣмъ извѣстныя, выраженныя образами всѣмъ извѣстными, но истинное изображеніе своего, роднаго, со всѣмъ отпечаткомъ національнаго характера.

Многіе поставляли главнѣйшимъ достоинствомъ сочиненій Основьяненка комизмъ; но, по моему мнѣнію, это второстепенныя качества предъ неизчерпаемымъ родникомъ чувства. Обращаюсь къ тѣмъ, которымъ извѣстна малороссійская народная поэзія. Они знаютъ, какое важное мѣсто занимаетъ въ ряду достоинствъ этой дѣвственной поэзіи глубокое чувство; въ какой степени этотъ истинный источникъ всего благороднаго, изящнаго наполняетъ очаровательныя созданія украинской музы. Но это чувство является въ пѣсняхъ отдѣльно, отрывисто, кромѣ нѣкоторыхъ романсовъ, удивительныхъ по своей художественности: оно все въ лирическихъ пѣснопѣніяхъ, большею частію въ рапсодахъ, отрывкахъ, проявляется мгновенно, вспыхиваетъ сильно, но не продолжительно. Это движеніе сердца, звуки, издаваемые струнами его, аккорды согласные, плѣнительные, не исчезающіе въ воздухѣ: отголосокъ ихъ остается только въ сердцѣ; умомъ вы не

поймете его, потому что въ немъ нѣтъ мыслей, — въ немъ есть чувство, доступное единственно сердцу, хранилищу чувствъ. Оно не осязаемо, не видимо, не уловимо: облеките его въ форму, соедините съ мыслію, назначьте ему пространство и время, обставьте его тѣми картинами, при которыхъ оно будетъ понятно, сообщите его тѣмъ характерамъ, которые могутъ вмѣщать его, — и неясное сдѣлается яснымъ: вы его увидите въ образахъ; вы поймете то, что прежде только чувствовали; доступное сердцу станетъ понятно ему; красота первобытной поэзіи для васъ не утеряется; вы тогда можете дать отчетъ себѣ въ томъ, что васъ занимаетъ, къ чему вы влечетесь: оно вполнѣ ваше, потому что все ваше существо проникнуто имъ.

Писатель воспринимаетъ переданное ему народомъ и возвращаетъ ему отъ него взятое полнымъ и сознательнымъ; неправильнымъ, отрывистымъ частицамъ сообщаетъ цѣлость, собираетъ разсыпанные перлы и создаетъ изъ нихъ художественныя ожерелья. Съ этой точки зрѣнія мы должны смотрѣть на Основьяненка въ его прекрасныхъ повѣстяхъ, гдѣ наиболѣе проявляется эта существенная жизнь Малороссіи, вся полная чувства, дышащая ея дѣвственнымъ воздухомъ. По-крайней мѣрѣ, такое выраженіе имѣютъ четыре лучшія его повѣсти на малороссійскомъ языкѣ: Маруся, Козырь Дивка, Щира Любовь и Оксана: изображенія женскаго малороссійскаго сердца, представленнаго подъ разными обстоятельствами жизни и въ разныхъ характерахъ. Отлагая въ сторону всѣ впечатлѣнія, какія эти повѣсти могутъ произвести на читателя, который въ нихъ видитъ идиллическій міръ настоящаго времени, мы взгля-

немъ, что выражаютъ они, какъ собственно малороссійскія произведенія.

Идея любви, общая и священная человѣчеству, основаніе истинно-нравственнаго, а слѣдовательно и истинно-изящнаго, является въ различныхъ видахъ, обусловливаемая, между-прочимъ, степенью образованности и историческою жизнію народа. Въ народѣ юномъ, но просвѣтленномъ религіею и стоящемъ на извѣстной степени нравственнаго развитія, она проста, наивна, не удаляется отъ чувственности, но облагороживаетъ ее; чувство, обладающее существомъ, не подавляетъ его, но направляетъ къ дѣятельности. Малороссія, по степени образованія своего, страна дѣвственная, юная, по жизни же исторической она испытала слишкомъ много, выполнила назначенное ей отъ провидѣнія, и одряхлѣла . . . . . древняя жизнь умираетъ въ ней, а новая только начинаетъ проявляться. Два характера отличаютъ ея настоящее положеніе.

Малороссійская женщина, осужденная въ теченіе двухъ вѣковъ на мгновенную радость, на минутные пламенные восторги, а потомъ на горькую, часто досмертную тоску, окованная въ своихъ желаніяхъ непреодолимою судьбою, получила себѣ въ удѣлъ наклонность къ мечтательности, оттѣняющей ее даже въ минуты полнаго наслажденія своимъ бытіемъ. Чувства обладаютъ ея существомъ, въ страсти она не предается порывамъ необузданнаго восторга, но хочетъ чувствовать эту радость; печаль ея есть чувствительное созерцаніе, которое въ области сердца тоже, что въ области ума ясное сознаніе. Этотъ характеръ переходилъ изъ рода въ родъ, отъ матери къ дочери, и до сихъ поръ сохраняется. Но, между-тѣмъ, эта мечтатель-

ность, плодъ тѣхъ несчастныхъ часовъ, когда женщина, едва расцвѣтшая, тосковала въ горькомъ одиночествѣ, тщетно призывая милыхъ сердцу изъ дальней могилы, теперь слилась уже съ другимъ элементомъ, чувствомъ семейнымъ. Протекли буйныя времена, исчезли бѣдствія, народъ началъ свыкаться съ жизнію мирною, семейною, и женщина уже познала миръ души, счастіе тихой жизни. Но печать прежняго остается на ней,—и потому, съ одной стороны, любовь Малороссіянки носитъ на себѣ отпечатокъ мечтательности, проникнута глубокимъ чувствомъ, часто убивающимъ нѣжное существо, немогущее преодолѣть препятствій, которыя завистливая судьба ставляетъ между ею и любимымъ предметомъ; — съ другой стороны, согласуясь съ духомъ времени, она не въ состояніи ограничиваться одною сферою внутренняго чувства; это чувство пробуждаетъ всѣ другія способности души и направляетъ ихъ къ дѣятельности. Типомъ перваго характера можетъ служить Маруся. Быть можетъ, для нѣкоторыхъ она покажется просто идиліею въ родѣ Геснера; нѣтъ, основаніе повѣсти истинно народное.

Маруся совершенно возможна въ Малороссіи. Скромная деревенская дѣвушка, воспитанная подъ надзоромъ простыхъ, но благочестивыхъ родителей, получившая съ рожденія томный и мечтательный нравъ, развившійся, какъ видно, чрезъ отчужденіе отъ подругъ и любовь къ домашнимъ занятіямъ, увидѣла на чужой сватьбѣ парубка, который ей полюбился. Но такъ-какъ у сердецъ мечтательныхъ мгновеннаго чувства не бываетъ, то эта любовь превратилась скоро въ тихую страсть. Вотъ они познакомились, сблизились: судьба поставила имъ препятствіе: страсть

сильнѣе развилась, сердце начало таять, — опять сблизились, — счастіе имъ улыбнулось; но вотъ опять разлука: — Маруся, въ которой томное, снѣдающее чувство развилось до высокой степени, не устояла; воля ея была слишкомъ слаба, міръ, окружающій ее, уже давно сталъ ей чуждъ, хотя она, по-видимому, жила для него, — Маруся истлѣла медленнымъ огнемъ, который при мечтательномъ настройствѣ духа сожигаетъ свою жертву непримѣтно. Эта столь поэтическая Маруся ничуть не идеалъ: она обыкновенна въ бытѣ малороссійскомъ; вы можете много увидѣть такихъ Марусь и, можетъ быть, ни одной не узнаете. Когда послѣ разлуки съ любезнымъ вся душа ея таетъ въ тихой страсти, когда вся жизнь ея сосредоточивается въ воспоминаніяхъ о незабвенныхъ минутахъ, проведенныхъ съ нимъ, — она занимается домашними работами: прядетъ, шьетъ, еще прилежнѣе, чѣмъ прежде, — и только изъ того, что чуждается брака и убѣгаетъ веселости, вы можете замѣтить, что ея сердце не свободно; но до какой степени связываютъ ее узы страсти — этого вы не узнаете. Самая кончина ея для посторонняго взора представляется обыкновенною — дѣвушка простудилась, получила горячку и умерла. Но авторъ раскрылъ предъ вами ея душу, ввелъ васъ въ таинственный міръ, и вы изумляетесь обилію неисчерпаемаго чувства, которое было отъ васъ закрыто, и вы смотрите на нее съ другой точки зрѣнія. Что же это такое? это чувство, наполнившее бѣдное сердце поселянки и убившее ее своимъ обиліемъ: вотъ малороссійская поэзія! Маруся, будучи ежедневнымъ явленіемъ, типомъ обыкновенной Малороссіянки, есть вмѣстѣ существо прекрасное. Авторъ низвелъ васъ въ свой буколическій міръ для того,

чтобъ показать всю его прелесть и изящество. А откуда это изящество характера Маруси? оно истекаетъ изъ глубины характера Малороссійской націи и понятно изъ ея исторической жизни. Маруся—это Малороссіянка древняго вѣка, живущая въ новомъ.

Необходимыя для обрисовки характеровъ дѣйствующихъ лицъ описанія и сцены того быта, въ которомъ дѣйствуютъ они, выполнены очень удачно. Авторъ избралъ лучшіе поэтическіе моменты малороссійской жизни и представилъ ихъ въ привлекательномъ видѣ: трогательное описаніе погребенія несчастной жертвы чувствъ прекрасно въ высшей степени, и поясняетъ самую душу Маруси, становитъ ее возможною въ томъ родѣ, котораго обряды и обычаи проникнуты до такой степени глубокою мечтательностію.

Но, при всемъ превосходномъ изображеніи характера Маруси, при всѣхъ прекрасныхъ описаніяхъ, трогательныхъ и увлекательныхъ сценахъ, — однимъ словомъ, при всѣхъ неотъемлемыхъ ея достоинствахъ, мы должны замѣтить, что она имѣетъ большіе недостатки. Характеръ Василя не ясенъ и даже не естественъ; въ немъ не видно такого простодушнаго чувства, какъ въ Маруси,—онъ сентименталенъ, и самое удаленіе его въ монастырь не производитъ сильнаго эфекта. Характеры Наума, отца Маруси, и матери ея тоже не отличаются рѣзкими чертами. Въ отдѣлкѣ нѣтъ художественности: иное ростянуто, другое не досказано.

Козырь Дивка знакомитъ васъ съ другою стороною женскаго малороссійскаго міра; здѣсь тоже народное чувство, но уже при другихъ явленіяхъ и въ другомъ характерѣ.

Оно не исчезаетъ въ мечтательности, и душа, наполненная имъ не дѣлается преждевременною его жертвою; напротивъ, чѣмъ болѣе оно обьемлетъ ее, тѣмъ сильнѣе побуждаетъ къ дѣятельности, и ведетъ не къ смерти и разрушенію, но къ жизни. Ивга такая же чистая Малороссіянка, но совершенно противуположная Маруси. Она любитъ своего Левка, какъ Маруся своего Василя, а встрѣчаетъ гораздо большія препятствія и лишенія. Вмѣстѣ съ каждымъ изъ нихъ, усиливается ея чувство; но за то, чѣмъ сильнѣе искушаетъ ее судьба, тѣмъ готовѣе она побѣдить всѣ эти искушенія. Для достиженія цѣли, указанной ей чувствомъ, она бросается въ другую сферу, совершенно ей незнакомую, и любовь, руководившая ее, остается навсегда въ ея сердцѣ, помирившись съ жизнію. Вы видите здѣсь торжество воли, — не думайте искать источника въ разумѣ, — ищите его въ сердцѣ: Ивга предается его влеченію, и оно-то окрыляетъ ея волю и доводитъ до края желаній. Если Маруся можетъ служить типомъ Малороссіянки, подъ вліяніемъ судьбы, то Ивга есть таже Малороссіянка въ нормальномъ состояніи, то есть такова, какою ей быть должно при ея характерѣ, при свободномъ развитіи ея способностей: Маруся представлена авторомъ въ болѣзненномъ состояніи, хотя и естественно; но это потому, что на той націи, въ которой она живетъ, лежитъ отпечатокъ болѣзненной дряхлости, — это дѣвушка доживающей Малороссіи;—Ивга дитя свѣжей жизни, процвѣтшей уже на обновленной почвѣ, которую питали прежнія стихіи, но освѣщало солнце возрожденія.

Повѣсть Козырь Дѣвка по отдѣлкѣ гораздо лучше Маруси; здѣсь не страдаетъ художественность, соблюдена сораз-

мѣрность въ частяхъ, и все на своемъ мѣстѣ. Читатель увидитъ здѣсь вѣрную картину нравовъ различныхъ сословій Малороссіи, начертанную съ истиннымъ юморомъ, и тѣмъ избавляется отъ монотонности, неизбѣжной тамъ, гдѣ хотятъ заставить или плакать, или смѣяться отъ начала до конца піесы.

Представивъ въ двухъ повѣстяхъ характеръ Малороссіянки въ жизни созерцательной и практической, г. Основьяненко въ своей повѣсти Щира Любовь (Вотъ Любовь) показываетъ вамъ самое высокое развитіе малороссійскаго чувства. Если Маруся есть изображеніе древняго вѣка, исчезающаго въ новомъ, если въ Ивгѣ глубокое чувство, овладѣвшее всѣмъ составомъ женщины, вводитъ ее въ сферу практической жизни, то въ Галочкѣ оба эти элемента сливаются: мечтательность въ ней развита еще живѣе, чѣмъ въ Марусѣ, за то и воля въ ней дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ въ Ивгѣ. Чувство, обладающее Ивгою, устремляетъ ее къ боренію съ препятствіями, поставленными судьбою, къ достиженію цѣли посреди житейскаго волненія; въ Галочкѣ это чувство служитъ источникомъ борьбы, происшедшей во внутреннемъ мірѣ. И Маруся, и Ивга суть типы извѣстныхъ малороссійскихъ лицъ съ ихъ главными побужденіями: Маруся женщина обыкновенная, черты ея—томность, нѣжность и слабость вы найдете повсюду, даже всю исторію ея можете услышать вездѣ; Ивга дѣлается возможною по мѣрѣ того, какъ новая жизнь замѣняетъ старую: народъ становится на высшую степень общественности, слѣдовательно, дѣятельность будетъ плодомъ всѣхъ побужденій;—Галочка всегда идеалъ, показывающій высокое нравственное совершенство, до ка-

кого можетъ довести глубокое чувство при здравомъ состояніи другихъ способностей. Но надобно сознаться, что для повѣсти *Щира Любовь* не достаетъ еще много, не смотря на прекрасныя описанія и трогательныя сцены, показывающія въ авторѣ высокій талантъ. Чувства доходятъ иногда до сентиментальности, напоминающей романы прошлаго вѣка; характеръ офицера не ясенъ, сама Галочка не вездѣ понятна: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она говоритъ такъ, какъ будто бы слушала университетскія лекціи.

По моему мнѣнію, эти три піессы, вмѣстѣ съ *Оксаною*, которая можетъ служить какъ бы дополненіемъ изображенія малороссійской женщины, *Ложными Понятіями* и *Панною Сотниковною*, писанными по русски, суть лучшія произведенія Основьяненка. Но талантъ нигдѣ не оставляетъ его. Повѣсть: *Отъ тобй шкарбъ* имѣетъ большое достоинство, какъ изображеніе народныхъ вѣрованій, и замѣчательна по своему юмору и богатому описанію. *Салдатскій портретъ* есть художественный эскизъ изъ малороссійскаго быта. Не менѣе замѣчательна по своему комизму опера *Сватанье на Гончаровкѣ*, доказывающая, что авторъ можетъ быть и драматическимъ писателемъ. Не лишнимъ считаемъ выставить здѣсь списокъ сочиненіямъ Г. Основьяненка (*).

(*) А. *Малороссійскія повѣсти*, (2 части; издан. въ Харьк.).

1. Салдатскій Портретъ.
2. Праздникъ Мертвецовъ.
3. Дѣлай добро и тебѣ будетъ добро.
4. Конотопская вѣдьма.
5. Вотъ тебѣ и кладъ.

Переводы помѣщены въ період. изданіяхъ: въ Современникѣ и др.

6. Божія дѣти (въ Утр. Зарѣ).

Произведенія Шевченка, изданныя въ отдѣльной книжкѣ подъ названіемъ *Кобзарь*, показываютъ въ авторѣ необыкновенное дарованіе. Онъ не только напитанъ народною малороссійскою поэзіею, но совершенно овладѣлъ ею, подчинилъ ее себѣ и даетъ ей изящную, образованную форму. Черты въ изображаемыхъ имъ лицахъ—*Катеринѣ*, *Кобзарѣ*, *Перебендѣ* суть тѣ самыя, которыя намъ представляетъ природа; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ заключается поэзія общая, понятная всякому. Чувство поэта отличается характеромъ томнымъ, унылымъ; онъ принимаетъ близко къ сердцу прежнюю судьбу народа,—но это тоска вовсе не изученная — это цѣлый народъ, говорящій устами своего поэта: душа его сознала сочувствіе

---

7. Перекотиполе (въ Молодикѣ).
8. Вотъ любовь (въ Современ).
9. Панна Сотниковна.
10. Ложныя понятія.
11. Украинскіе Дипломаты. } На русск. языкѣ; помѣщены въ Соврем.
12. Ярмарка.
13. Фенюшка.
14. Ганнуся (въ Телескопѣ), отпечатана особо.
15. Герой очаковскихъ временъ (въ Современникѣ).
16. Маргарита. } Въ Москвит. переводѣ.
17. Оксана. }
18. Добрый Панъ (въ Кіевлянинѣ).
19. Гаркуша (въ Соврем.)
20. Козырь Дѝвка (перев. въ Современ., особо отпечатана.)
21. Основаніе Харькова (на русскомъ языкѣ, въ Молод.)
22. Двѣнадцатый годъ въ провинціи (въ От. Зап.)

В.) 1. Головатый (въ От. Зап.)
2. Городъ Харьковъ (въ Соврем.)
3. Листы до нашихъ земляки́въ (особо отпеч.)

и сходство между состояніемъ своимъ и общенароднымъ чувствомъ; вмѣстѣ съ движеніями сердца, которыя принадлежатъ поэту, живо слились движенія, свойственныя всякому, кто будетъ въ состояніи ему сочувствовать. Оттого всякій — будь только у него хоть нѣсколько тѣхъ побужденій, которыя наполняютъ внутренній міръ Малороссіянина — будетъ до того проникнутъ поэзіею Шевченка, что забудетъ, чужое ли это, полученное извнѣ, или свое собственное, которое явилось въ области сердца съ незапамятнаго времени, такъ-какъ первыя идеи дѣтства. Какъ, на-примѣръ, превосходно это описаніе:

---

4. О Слободскихъ Полкахъ (въ Соврем).

C.) 1. Панъ Халявскій (въ От. Зап).

2. Похожденія П. Столбикова. 3 части.

D.) Драм. произведенія.

1. Дворянскіе Выборы. 2 части. Комедія.
2. Шельменко—волостной писарь. } Комедія.
3. Шельменко—деньщикъ. }
4. Сватанье на Гончаровкѣ. Опера.
5. Щира Любовь. Драма.
6. Бой-жѝнка. Опера.

МЕЛКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

Готоропъ.
Исторія харьковскаго театра.
Безсрочный.
Знахарь.
Мемуары Пампушкина.
Званые гости, и многія другія мелкія статьи, помѣщенныя въ прежнихъ періодическихъ изданіяхъ, въ Харьковѣ выходившихъ.

Бьють пороги, мѝсяць сходить,
Якъ и перше сходивъ —
Нема Сѝчи, пропавъ и той,
Хто всѝмъ верховодивъ;
Нема Сѝчи — очереты
У Днѝпра пытають:
«Де-то нашѝ дѝти дѝлись?
Де вони гуляють?»
Чайка скѝглить, лѝтаючи,
Мовъ за дѝтьми плаче,
Сонце гріе, вѝтеръ вiе
На степѝ козачій.
На тій степѝ скрѝзь могилы
Стоять, та сумують —
Пытаються у буйного:
«Де нашѝ панують?
Де панують, бенкетують?
Де вы забарились? . . .
Вернѝтеся! — Дивѝтеся,
Жита похилились, —
Де паслися вашѝ конѝ,
Де тирса шумѝла,
Де кровъ Ляха, Татарина
Моремъ червонѝла —
Вернѝтеся!» —

Языкъ Шевченка превосходенъ вездѣ; надобно только пожелать его сочиненіямъ большей художественности, недостатокъ этотъ видѣнъ не въ Кобзарѣ, но въ послѣдующихъ его сочиненіяхъ.

Основьяненко и Шевченко, безъ сомнѣнія, суть лучшіе малороссійскіе писатели; особенно отъ послѣдняго, при счастливомъ направленіи, можно ждать плодовъ достойныхъ; но малороссійская литература всегда будетъ гордиться и

другими именами даровитыхъ писателей, каковы на-примѣръ: *Тополя*, *Могила* и др.

Чары г. Тополи, какъ всякое сочиненіе, выходящее изъ обыкновеннаго круга, испытали двѣ крайности въ сужденіяхъ нашихъ критиковъ. Полевой въ Б. для Ч. указывалъ на нихъ, какъ на необыкновенное, замѣчательное явленіе; другіе говорили, что въ Чарахъ нѣтъ здраваго смысла, ни тѣни народности. Читатель-Малороссіянинъ не увидитъ въ Чарахъ отпечатка творчества, но онъ все-таки прочтетъ ихъ съ удовольствіемъ, прочтетъ не одинъ разъ, и всегда съ новымъ наслажденіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вы будете смотрѣть на Чары, какъ на нѣчто полное, оконченное, то онѣ вамъ представятся съ невыгодной стороны. Но сочинитель не заботился о цѣломъ, и самъ признался въ томъ: содержаніемъ своей піесы взялъ онъ народную пѣсню *Не ходи, Грицю, на вечерницѝ*, но еслибъ онъ взялъ для этаго и другую пѣсню, Чары бъ все остались Чарами, нужнобы только измѣнить разговоры дѣйствующихъ лицъ. Онъ самъ ихъ назвалъ *Чары или нѣсколько сценъ изъ народныхъ былей и разсказовъ украинскихъ*—и далъ самое опредѣлительное названіе. Всѣ сцены чрезвычайно вѣрны, интересны сами-по-себѣ, всѣ представлены безъ малѣйшей претензіи на творчество. Г. Тополя изображаетъ, что̀ видѣлъ, слышалъ, что̀ умѣлъ подмѣтить. У него нѣтъ развитыхъ характеровъ, но, за то, каждое лицо является съ своимъ отпечаткомъ; по нѣкоторымъ чертамъ дѣйствующаго лица, вы можете представить себѣ въ воображеніи его пріемы, образъ выраженія, можете судить о его характерѣ. Въ Чарахъ нѣтъ единства и оконченности въ цѣломъ, но все окончено въ

сценахъ: каждая изъ нихъ представляетъ цѣлую, вѣрную картину. Возьмите для примѣра ту сцену, гдѣ дѣвушки спрятались за колодками, чтобъ подслушать разговоры своихъ любовниковъ. Какъ здѣсь все живо, какъ вѣрно списано! Возьмите хоть фантастическую сцену изъ народныхъ повѣрій: вы видите здѣсь всю народную фантазію, какъ она существуетъ. На-примѣръ, чортъ, начальникъ вѣдьмъ, изображенъ въ видѣ Жида, говорящаго по нольски: это въ самомъ дѣлѣ малороссійскій чортъ; понятіе о немъ вытекаетъ изъ исторіи и прежней жизни! Или хоть ту сцену въ шинку, гдѣ изображенъ разгулъ малороссійскій. Сочинитель ничего не утрировалъ, не идеализировалъ; онъ вамъ представляетъ эту сторону народнаго быта, какова она въ самомъ дѣлѣ, и между-тѣмъ какъ поэтически: дурная сторона не видна, хотя сцена списана прямо съ натуры. Это не идеалъ, котораго разсѣянныя черты вы должны искать вездѣ: это простое описаніе того, что авторъ видѣлъ, и описаніе вѣрное, мастерское, а потому такъ и занимательно. Какъ безъискуственны у г. Тополи пѣсни, которыя поютъ его герои. Они льются непринужденно, безъ всякой натяжки, совсѣмъ не по-оперному, безъ всякой перемѣны и передѣлки со стороны автора, съ тою небрежностію, которая характеризуетъ дѣйствительность. Вы встрѣтите въ пѣсняхъ очень часто недомолвки, часто одна пѣсня сбивается на другую, иногда не доканчивается; но это-то и достоинство въ такомъ сочиненіи, какъ Чары, гдѣ авторъ хочетъ познакомить васъ съ дѣйствительностію. — Языкъ г. Тополи не можетъ даже назваться его языкомъ: это языкъ совершенно народный, чистый, простой, усѣянный затѣй-

ливыми пословицами и поговорками.... однимъ словомъ, если вы не знаете Малороссіи,—прочтите Чары — и вы уже познакомились съ извѣстными частями ея многосторонняго быта.

Думки и Пѣсни Амвросія Могилы есть собраніе оригинальныхъ стихотвореній и переводовъ, большею частію лирикоописательнаго рода. Поэтъ изливаетъ свои чувства, возбуждаемыя въ слѣдствіе впечатлѣній малороссійскаго быта. Большая часть изъ его стихотвореній запечатлѣна истиннымъ дарованіемъ и отличается особенною художественностію. У Могилы нѣтъ того саморазвитія, какъ у Шевченка; онъ не создаетъ идеаловъ народной поэзіи, не выказываетъ чувствъ, которыя бы невольно лились изъ невѣдомаго источника: его чувство идетъ объ-руку съ мыслію; онъ изучилъ сокровищницу поэтической стороны Малороссіи и является вездѣ, какъ талантъ, сознающій свой предметъ. Могила по формѣ поэтъ лирическій, но субъективность въ немъ прорывается незамѣтно; вы узнаете его личность, когда будете проникнуты тѣмъ, что онъ вамъ объективно выражаетъ. Возьмите, на-примѣръ, первое его стихотвореніе *Бандура:*

Про гетьмана, чи про гайдамаку,
Дѝдъ заспѝвае, въ бандуру заграе, —
Плаче бандура, мовъ оживае,
Жаль вѝзьме дитину, вѝзьме и бурлаку.
Его бандура, схоче вѝнъ, завые;
Его бандура й ворономъ закряче;
Мовъ та дитина, жалѝбно плаче....
Слёзы польються серденько ные....

Собственныя чувства поэта выказываются тогда уже, когда явленіе, пробудившее ихъ, овладѣетъ вами, и вы

сталкиваетесь съ его впечатлѣніями и признаете ихъ за свои. Онъ какъ будто не хочетъ высказать всего, что у него на душѣ, и дѣлится вмѣстѣ съ вами, не сознаваясь. Это достоинство истиннаго художника, и нельзя не видѣть здѣсь малороссійскаго характера. Кто слѣдилъ за Малороссіяниномъ въ минуты его сердечнаго восторга, въ тѣ минуты, когда онъ подымается изъ сферы обыкновенной жизни, — тотъ можетъ повѣрить, какъ скупо малороссійское сердце на дѣлежъ своихъ движеній съ другими; Малороссіянинъ захочетъ васъ напередъ увлечь, — вы невольно выскажетесь, а онъ въ глубинѣ души будетъ дѣлиться съ вами и все-таки покажетъ на лицѣ улыбку равнодушія. Характеръ стихотвореній Могилы отличается глубокою грустію и вѣрными изображеніями древняго быта. Онъ прекрасно понялъ поэзію степной козацкой жизни; у него козакъ вездѣ является существомъ высокимъ, но вмѣстѣ буйнымъ и дикимъ; сцена дѣйствія его покрыта туманомъ и слезами. Изъ лучшихъ его произведеній въ этомъ родѣ: *Чарка*, отличающаяся горькою ироніею, *Козачья Смерть*, гдѣ представлена страшно-поэтическая картина смерти отца съ сыномъ, *Козакъ та Буря*, гдѣ поэтъ изображаетъ сходство человѣческой природы съ физическою, и *Смерть Бандуриста*, прекрасная по своимъ блестящимъ описаніямъ и звучнымъ стихамъ. Два стихотворенія *Старець* и *Дитина Сиротина* — изображенія другой стороны жизни малороссійской — горькаго сиротства, безнадежной грусти, мірскаго несчастія. Языкъ въ Думкахъ и Пѣсняхъ правиленъ, благороденъ и особенно оригиналенъ. Стихи истинно малороссійскіе; Могила пишетъ болѣе силабическимъ размѣромъ,

который иногда подходитъ подъ метрическій, часто перемѣняется въ одной и той же піэсѣ: въ каждой мысли своя форма. Поэтъ не стѣсняетъ себя опредѣленною мѣрою, и оттого у него все такъ вольно и непринужденно, и мысль выражена вполнѣ, и гармонія стиха соотвѣтствуетъ гармоніи чувства.

Въ 1833 году напечатаны были *Наськи Украинськи Казки Запорозьця Иськи Материнки*, маленькая книжечка, гдѣ помѣщены три малороссійскія сказки въ стихахъ: первая *Сопи́лка*, замѣчательная по своему поэтическому содержанію; вторая *про дурня та ёго коня*, общая всѣмъ славянскимъ племенамъ; третья про *Ивася та змію, та дочку ій Олену*, одна изъ любимыхъ Малороссіянами. Всѣ эти сказки достойны вниманія, и показываютъ въ авторѣ знатока малороссійской народности и языка.

Кромѣ означенныхъ нами писателей, изъ которыхъ почти каждый явился съ самобытнымъ дарованіемъ, есть еще и другіе, которыхъ сочиненія имѣютъ болѣе или менѣе относительную цѣну въ малороссійской литературѣ. Таковы: *Боровиковскій*—переводчикъ Мицкевичева *Фариса* и сочинитель нѣсколькихъ балладъ; неизвѣстный авторъ *Маруси*, стихотворной повѣсти, изданной въ Одессѣ; *Стецько Шереперя*, написавшій оперу *Купала на Ивана*, которая, не смотря на нѣкоторые недостатки, заключаетъ въ себѣ довольно вѣрныя изображенія народнаго быта; онъ же написалъ нѣсколько пѣсень и въ томъ числѣ извѣстную: *за Неманъ иду*; — *Петренко*, котораго лирическія стихотворенія проникнуты чувствомъ; *Корсунъ*, передавшій малороссійскими стихами любопытныя украинскія повѣрья; *Писаревскій*, сочинитель повѣсти *Стецько*, и *Ко-*

реницкій, явившійся въ свѣтъ съ названною имъ *сатирицькою* поэмою *Вечерницй*, которая, не смотря на легкой стихъ, исполнена мѣстами такихъ пошлостей, что, прочитавши ее, пожалѣешь невольно объ авторѣ.

Доказательствомъ распространяющагося вкуса къ чтенію на малороссійскомъ языкѣ служатъ два сборника, вышедшіе въ прошломъ 1841-мъ году. Одинъ изъ нихъ изданъ въ Петербургѣ Гребенкою и наполненъ сочиненіями: Шевченка, Основьяненка, помѣстившаго тамъ свою прекрасную повѣсть *Оксана* и два малороссійскіе разсказа, Боровиковскаго, Писаревскаго, Кулиша и другихъ. Самъ собиратель приложилъ къ нему прекрасное предисловіе *Такъ соби до земляки́въ*, гдѣ изображены четыре времени года Малороссіи. Сборникъ называется *Ласти́вка*. Другой издалъ г. Корсунь въ Харьковѣ изъ трудовъ здѣшнихъ писателей подъ названіемъ *Сни́пъ*. Тамъ помѣщены: Переяславська Ни́чь—трагедія, *Вечерницй*—Кореницкаго, Стецько Писаревскаго и стихотворенія Петренки, Шерепери, самаго издателя и другихъ.

Вотъ, кажется, все, на что можно обратить вниманіе въ малороссійской литературѣ, и едвали не все, что было писано на малороссійскомъ языкѣ въ Россіи (*).

Іеремія Галка.

1842. Харьковъ.

(*) За исключеніемъ сочиненій автора этой статьи: Сава Чалый, драматическія сцены; Переясли́вська Ни́чь, трагедія; Украинскія баллады Вѣтка, собраніе стихотвореній. Многое кромѣ того пишется и остается непечатаннымъ. *Примѣч. издателя.*

РУССКО-ПОЛЬСКІЕ ВЕЛЬМОЖИ.

Статья первая.

Едвали въ какомъ европейскомъ государствѣ положительная аристократія достигала такого самовластія, какъ въ Польшѣ. Магнаты Королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго имѣли въ рукахъ всю правительственную власть, обладали огромными имѣніями, неограниченно повелѣвали подданными, содержали свои войска и часто рѣшали дѣла оружіемъ и силою. Бопланъ говоритъ о власти ихъ съ удивленіемъ, увѣряя, что они были просто не подсудимы и могли дѣйствовать по произволу. Многіе изъ нихъ происходили изъ вѣнценосной крови Пястовъ, Св. Владиміра и Гедемина; другіе жъ отъ древнихъ сподвижниковъ ихъ; иные собственными заслугами и, особенно, военными подвигами проложили себѣ путь къ возвышенію и пріобрѣли богатыя имѣнія и титулы. Неоспоримо то, что большая часть изъ тѣхъ, которые жили въ Великомъ Княжествѣ, были Русскіе по крови и по вѣрѣ, въ старину храбро и ревностно стояли за честь своего отечества и неприкосновенность православія, напоминая польскимъ королямъ, что русскій народъ соединился съ поль-

скимъ, какъ равный съ равнымъ, вольный съ вольнымъ, — а дѣти ихъ и внуки, принявши польскіе нравы и обычаи, перешли наконецъ въ католичество и сдѣлались врагами своей вѣры, родины и единокровнаго народа.

1. КНЯЗЬЯ ОСТРОЖСКІЕ.

Родъ князей Острожскихъ происходитъ отъ знаменитаго князя Романа Галицкаго, отца Даніилова. Братъ перваго короля русскаго, Василько, имѣлъ сына Даніила, и оставилъ ему въ наслѣдіе огромныя владѣнія въ юго-западной Россіи. Тогда на Русь, по грѣхамъ предковъ, какъ говорятъ лѣтописцы, *усобица братій на поганыя погибе*, и Галиція, оВлынь, Подоль — пали въ руки Поляковъ-иновѣрцевъ, хотя и одноплеменныхъ. Казиміръ, завладѣвъ этими землями, оскорблялъ Греко-восточную вѣру и стѣснялъ права Русскихъ. Внукъ Романовъ, собравши славою своею другихъ князей, пригласилъ Татаръ и вступилъ въ Польшу, ища освобожденія. Опустошивши Сендомирскую область, насытившись местію надъ Поляками, русскіе князья воротились, и не надѣясь справиться съ Казиміромъ, помирились съ нимъ. Нѣчего было дѣлать и Даніилу: онъ также помирился съ королемъ, который утвердилъ въ вѣчномъ его владѣніи Острогъ, Дубно, Заславль и другія мѣстечки,—съ тѣхъ поръ князь принялъ титулъ Острожскаго. Легко было заключить такой миръ въ то время: князья, подчиненные польскому престолу, могли свободно управлять своими владѣніями, и считались только для вида вассалами короны, но въ самомъ дѣлѣ были независимы, изъ чего и развилась польская аристократія.

Данiилъ скончался въ 1349 году. Сынъ его Василiй извѣстенъ только по имени; но внукъ Федоръ Васильевичъ Острожскiй извѣстенъ и по дѣламъ. Услыша о притѣсненiи вѣры и правъ русскаго народа королемъ Владиславомъ Ягеллономъ, онъ принялъ сторону сверженнаго брата его Скергейлы, выступилъ съ сильнымъ войскомъ, разбивалъ нѣсколько разъ Поляковъ и взялъ городъ Смотричь. Потомъ былъ разбитъ, въ свою очередь, но не упалъ духомъ, и въ другой разъ настигъ Поляковъ при рѣчкѣ Моравкѣ; но полковникъ Кѣвличь зашелъ Русскимъ въ тылъ и, ударивъ на нихъ неожиданно, принудилъ отступить, а многихъ положилъ на мѣстѣ. Однако и здѣсь Федоръ Васильевичь не потерялся: на слѣдующiй годъ покорилъ Луцкъ и Каменецъ-Подольскъ и разбилъ высланнаго противъ него воеводу. Онъ столько же былъ ревностнымъ православнымъ, какъ и патрiотомъ: строилъ церкви и приписывалъ къ нимъ имѣнiя.

Сынъ Федора, Василiй, прозванный, какъ говоритъ Длугашъ, Краснымъ, старался отклонить Казимiра IV отъ принятiя польской короны и не допустить Литву соединиться съ Польшею. Онъ былъ дважды женатъ, и обѣ жены принесли ему въ приданое большiя имѣнiя. У него было два сына Юрiй и Iоаннъ: первый получилъ отъ отца Заславъ, и сталъ родоначальникомъ дома Заславскихъ; другому достался Острогъ. Стрыковскiй повѣствуетъ о знаменитыхъ дѣяньяхъ послѣдняго: въ 1453 году. Татары напали на Украину и произвели въ ней опустошенiя, потомъ, набравши множество плѣнниковъ и добычи, бѣжали во свояси; но Острожскiй напалъ на нихъ съ своими рыцарями подъ Красновымъ, побѣдилъ, а плѣнникамъ воротилъ свободу. Отъ супружества его къ княжною Глинскою,

кромѣ двухъ дочерей, родился сынъ Константинъ Ивановичь, извѣстнѣйшій изъ всѣхъ Острожскихъ.

Съ юныхъ лѣтъ оказалъ онъ блестящія способности, которыя замѣтилъ Петръ Ивановичь Бѣлый, воевода троцкій и великій гетманъ литовскій. Чувствуя приближеніе смерти, онъ бесѣдовалъ съ великимъ княземъ Александромъ о томъ, кто достоинъ носить булаву послѣ него. Великій князь обѣщалъ согласно съ его желаніемъ назначить преемника. Бѣлый указалъ на Константина, отзывался о немъ съ большими похвалами, и возбудилъ къ нему благоволеніе Александра. По смерти Бѣлаго въ 1499 году, Константинъ вступилъ въ его должность, взялъ подъ свое начальство все литовское войско, и оправдалъ предсказанія старика. Польскіе историки признаютъ, что никто, ни прежде, ни послѣ него, не прославилъ такъ сана великаго гетьмана литовскаго. Онъ выигралъ тридцать три сраженія, а проигралъ только два, говоритъ краткій, но сильный Несецкій. Одна изъ сихъ несчастныхъ для Острожскаго битвъ была противъ Московитянъ знаменитая ведрожская. Литовскихъ войскъ было только четыре тысячи, а московскихъ, подъ начальствомъ Данилы Щени, сорокъ тысячь: вступили въ сраженіе,—Литовцы были разбиты, а Острожскій со многими знаменитыми дворянами взятъ въ плѣнъ. Іоаннъ III напоминалъ ему объ его русскомъ происхожденіи и уговаривалъ присягнуть Москвѣ: Острожскій отвергнулъ предложеніе. Іоаннъ началъ ему грозить: Острожскій презиралъ угрозы. Его бросили въ темницу. Острожскій сидѣлъ, лишенный дневнаго свѣта, но не соглашался на требованія московскаго князя: оставить *еретика латинскаго* и служить *государю православному*.

Потомъ его вывезли изъ Москвы и сослали въ Вологду, гдѣ онъ жилъ подъ стражею, кормимый изъ состраданія, наконецъ—онъ присягаетъ Іоанну. Великій князь даритъ ему имѣнія, осыпаетъ милостями и высылаетъ на войну противъ Татаръ. Острожскій разбиваетъ враговъ московскаго государства и возвращается съ торжествомъ въ Москву. Не извѣстно, тоскуя ли по родинѣ, и вспоминая благодѣянія Александра, или огорченный чѣмъ-нибудь отъ Іоанна, Острожскій ушелъ тайно изъ Москвы съ своимъ слугою, переодѣвшись въ платье поселянина. Проѣзжая въ воскресный день мимо церкви, въ одномъ селѣ, набожный князь остановился, и пустя слугу впередъ, самъ вошелъ къ обѣднѣ. Вдругъ за нимъ летитъ погоня. Никому не пришло въ голову искать Острожскаго въ церкви: искали его по дорогѣ—не нашли; спрашивали у жителей—никто не зналъ Литвина въ лице. Поѣхали далѣе, именно по той дорогѣ, куда отправился слуга. Обѣдня кончилась. Константинъ вышелъ изъ церкви; слышитъ: говорятъ, что Острожскій ушелъ изъ Москвы, что за нимъ послана погоня. Пользуясь недоумѣніемъ, никѣмъ незамѣченный, онъ садится на лошадь и отправляется по другой дорогѣ на Дорогобужъ и Лопатинъ. Трудно было бѣгство князя: на каждомъ шагу онъ остерегался погони, но, избѣгнувъ ее, ступилъ наконецъ на литовскую землю и, къ величайшему удивленію и радости великаго князя, прибылъ въ Вильну, принятъ съ большимъ торжествомъ, получилъ обратно свое гетьманство и, сверхъ того, пожалованъ маршаломъ волынскимъ, старостою луцкимъ, вильнецкимъ, брацлавскимъ, какъ видно изъ подписи на грамотѣ Сигизмунда 1-го, давшаго привилегію Руси. Въ 1516 году,

Константинъ отплатилъ Москвѣ за притѣсненія и насильственную присягу: подъ Оршею было разбито восемьдесять тысячь русскаго войска московскаго князя Василія, изъ которыхъ сорокъ тысячь легло на мѣстѣ.

Сигизмундъ, желая почтить Константина особенною своею милостію, назначилъ ему торжественный въѣздъ въ Вильну: честь, которой никто еще не достигалъ. Кромѣ того, онъ получилъ воеводство троцкое и мѣсто въ сенатѣ, за что многіе польскіе вельможи были недовольны, боялись его силы, власти и богатства, и называли такое возвышеніе *схизматика* нарушеніемъ ихъ аристократическихъ правъ. По свидѣтельству Кояловича, Сигизмундъ пожаловалъ ему еще должность кастеляна виленскаго. Не менѣе знамениты его побѣды надъ Татарами, противъ которыхъ онъ всегда мужественно защищалъ свое отечество. Въ 1511 году отразилъ ихъ двадцати-четырехъ-тысячный набѣгъ подъ Висьнёвцемъ; въ 1516 поразилъ ихъ подъ Слуцкомъ, гдѣ показалъ свое военное искуство и смѣлость, разогнавши три ихъ отряда разомъ; двадцать тысячь легло ихъ подъ Конёвымъ; не менѣе пострадали они отъ меча Острожскаго подъ Бускомъ, гдѣ въ глазахъ Константина растерзанъ былъ родной его племянникъ Романъ. Въ 1519 году, на несчастномъ сраженіи подъ Соколомъ, Острожскій едва успѣлъ спасти остатки своего войска, но отомстилъ Татарамъ блестящими побѣдами на Волыни. Въ то время Украина безпрестанно терпѣла отъ набѣговъ этихъ дикарей; и такой полководецъ, въ самомъ дѣлѣ, болѣе чѣмъ когда-либо, былъ драгоцѣненъ своему отечеству.

Острожскій, кромѣ военныхъ знаній и храбрости, отличался добрымъ сердцемъ, былъ благороденъ въ своихъ поступ-

кахъ, милостивъ къ плѣнникамъ и ласковъ къ подчиненнымъ. Онъ скончался въ 1533 году и погребенъ въ кіево-печерской лаврѣ, гдѣ до сихъ поръ хранится его гробница.

Старшій сынъ его Илія, подававшій въ началѣ блестящія надежды, погибъ раннею смертію, пораженный, на придворномъ свадебномъ турнирѣ, королевичемъ Сигизмундомъ-Августомъ. Онъ уже былъ женатъ и оставилъ дочь Елисавету, которой жизнь можетъ служить основою для романа. Константинъ, меньшой его братъ, получилъ наслѣдіе отца и поддержалъ славу своего дома военными подвигами, но еще болѣе-того роскошною жизнію, гостепріимствомъ, покровительствомъ наукъ и приверженностію къ православію и родинѣ. Хотя онъ былъ пріученъ еще отцемъ своимъ къ войнѣ съ Татарами, но, послѣ смерти его, самъ рѣдко выходилъ въ поле, а высылалъ противъ нихъ войско, всегда готовое отразить варваровъ во время ихъ опустошительныхъ вторженій. Только въ 1573 году, онъ самъ выходилъ противъ Татаръ, и тогда же ротмистръ его Ярмолинскій разорилъ цѣлой кошъ ихъ; а въ 1577 году, триста отборныхъ всадниковъ истребили на Волыни пять тысячъ Татаръ, но, внезапно окруженные новыми превосходящими ихъ силами, они всѣ до одного пали на сраженіи; между тѣмъ подъ Дупномъ отряды Острожскаго спасли князя Соломирскаго, праздновавшаго свое бракосочетаніе съ княжною Дульской. Константинъ Константиновичъ высылалъ своихъ ратниковъ на помощь Стефану Баторію и противъ Московитянъ, а самъ съ сыномъ своимъ Янушемъ вторгался въ Сѣверскую область. Гетманъ малороссійскій Подкова имѣлъ въ своихъ рядахъ его воиновъ при завоеваніи Волошскаго Господарства.

Но Острожскій преимущественно прославился на мирномъ поприщѣ: онъ любилъ науки, основывалъ школы, гдѣ преподавались древніе языки, завелъ типографію въ Острогѣ, заботился о напечатаніи и распространеніи нужныхъ книгъ и, наконецъ, самъ писалъ разныя сочиненія, между которыми замѣчательны окружныя посланія противъ уніатовъ, въ которыхъ онъ убѣждалъ православныхъ *не прельщатися, но крѣпко стояти, вооружившися, не дающе плещь, рекше тыла, врагу, просяще отъ Бога помощи, яко да сокрушитъ сатану подъ ноги наша.* Онъ былъ чрезвычайно богатъ—имѣнія его приносили ему ежегоднаго дохода 1,200,000 р.,—и щедръ: двѣ тысячи бѣдныхъ шляхтычей содержались на его иждивеніи и, въ мирное время, курили ему ѳиміамъ лести, а въ случаѣ надобности, принимались за кривыя сабли и гусарскія копья въ честь герба своего патрона. Острогъ, столица сенатора и воеводы, удивлялъ всѣхъ великолѣпіемъ, обширностію, устройствомъ заведеній и промышленностію; а замокъ, гдѣ жилъ магнатъ, окруженный покорными кліентами, безпрекословно исполнявшими волю сильнаго покровителя, кипѣлъ множествомъ веселыхъ гостей, привлекаемыхъ изъ Украйны, Литвы и Польши радушнымъ пріемомъ хозяина. Туда съѣзжались старые паны роптать на Сигизмунда и вздыхать о прошедшей буйной вольности, когда можно было свободнѣе грабить проѣзжающихъ и разорять города и села своихъ противниковъ; туда прилетали на борзыхъ коняхъ и молодые рыцари, въ блестящихъ кунтушахъ съ закидными назадъ вылётами, танцовать съ панёнками и расточать клятвы въ готовности на всѣ подвиги за одинъ поцалуй нѣжной ручки: всѣхъ оживляли ла-

ски старика, блиставшаго въ сонмѣ вельможныхъ потомковъ Владиміра и Гедимина во всемъ простодушномъ величіи гостепріимнаго Славянина. Тогда высокія залы зàмка гремѣли музыкою; среди безчисленнаго множества разноцвѣтныхъ огней ярко горѣлъ гербъ вельможи; по длиннымъ переходамъ суетились тысячи служителей съ душистыми яствами на серебряныхъ блюдахъ и бутылками столѣтняго венгерскаго. Но когда наступалъ постъ, приходило время покаянія и молитвъ, — все утихало: вмѣсто игривыхъ панёнокъ и храбрыхъ рыцарей, являлись чорные монахи съ тощими лицами и, въ сопровожденіи ихъ, князь оставлялъ свой пышный зàмокъ, удалялся въ построенный имъ дубенскій монастырь, снималъ съ себя дорогія одежды, одѣвался въ рубище и проводилъ дни великаго поста въ неусыпныхъ молитвахъ, бдѣніи и трудѣ. Въ церквахъ, построенныхъ имъ, были особенныя мѣста, гдѣ онъ могъ молиться, скрывшись отъ народа: такъ онъ былъ набоженъ. Но этимъ не ограничивалось его благочестіе;—онъ отличался и дѣлами милосердія: строилъ госпитали и домы для призрѣнія бѣдныхъ; тысячи лишенныхъ пристанища одолжены были ему пищею, одеждою и спокойствіемъ. Всѣмъ извѣстно, съ какимъ жаромъ возставалъ онъ противъ уніи; народъ читалъ съ умиленіемъ его краснорѣчивыя посланія; и между-тѣмъ, князь подавалъ протестаціи на сеймѣ, и даже, послѣ брестскаго собора, гдѣ обнародована унія, собралъ свои войска, и готовился выступить противъ правительства. Но все кончилось ничѣмъ. Конечно, Острожскій, принявши польскіе нравы, не терялъ любви къ своей вѣрѣ и родинѣ, но есть причины думать, что и онъ прежде отчасти колебался. Сохранилось письмо къ нему отъ

князя Курбскаго, въ которомъ изгнанникъ упрекаетъ его въ связяхъ съ іезуитами; онъ имѣлъ сношенія съ извѣстнымъ Поссевиномъ и, притомъ, гнѣвался на Ипатія Поцея, что тотъ ѣздилъ въ Римъ *безъ его вѣдома:* это обстоятельство даетъ поводъ думать, что если привязанность къ религіи была сильна въ князѣ, то унія не менѣе оскорбляла его честолюбіе.

Константинъ Константиновичъ, проживши около ста лѣтъ, скончался въ 1606 году, и оставилъ трехъ сыновей: Януша, Константина и Александра. Старая княгиня, тотъ-часъ послѣ смерти мужа, приняла католическую вѣру.

Старшій сынъ, Янушъ, въ молодости посланъ былъ отцемъ ко двору нѣмецкаго императора для образованія. Тамъ окружили его католическіе священники, растолковали ему всѣ, по ихъ словамъ, заблужденія *греческаго раскола*, и увѣрили его, что только одна римско-католическая вѣра есть истинно-христіанская,—и молодой русинъ, подстрекаемый еще и товарищами, отрекся отъ православія и повѣрилъ всею душею въ святость папы. Воротившись на Русь, Янушъ былъ встрѣченъ гнѣвомъ отца: старый Острожскій задрожалъ отъ ужаса, узнавши, что его сынъ-первенецъ уязвился *прелестію латинскою* и отступилъ отъ вѣры предковъ. Посыпались угрозы, проклятія, слезныя моленія — ничто не помогало: Янушъ увѣрялъ, что самъ Богъ просвѣтилъ его темныя очи. Тогда отецъ заперъ его въ тѣсной комнатѣ, отдалилъ отъ всѣхъ придворныхъ, строго запретилъ входить къ нему и посылалъ каждый день русскаго священника для убѣжденія. Какъ не истощалъ своего краснорѣчія этотъ священникъ братъ

гетмана Наливайки, какъ не доказывалъ ему всѣми доводами, какіе находилъ въ старыхъ книгахъ, — Янушъ не поколебался и только восхвалялъ божественность истинъ римско-католической религіи. Такъ прошло около года. Тогда отецъ, видя, что нельзя принудить Януша *вознести хулы* на католичество, какъ говоритъ Янчинскій, — призываетъ его къ себѣ и велитъ съ нимъ ѣхать. Янушъ повиновался. Константинъ взялъ меньшаго сына Александра, и всѣ трое отправились въ Дубно. Пріѣхали въ одно мѣстечко; пришла пора ужинать. «Александръ, говоритъ старикъ меньшому сыну, ты садись за столъ со мною: ты мой сынъ; а ты, отступникъ, ужинай и спи съ холопами!». Янушъ поблагодарилъ родителя и съ радостію принялъ такое приказаніе, будучи увѣренъ, что терпитъ за правду. Пришла ночь; Янушъ спалъ въ людской на голой землѣ; вдругъ въ полночь является отецъ, становится надъ сыномъ и говоритъ: «сынъ недостойный, ты не долженъ жить на свѣтѣ!» и съ этими словами старикъ поднимаетъ надъ нимъ саблю. Янушъ просыпается, смотритъ на отца и говоритъ ему спокойно: не ужели, любезный родитель, теперь омочешь въ крови моей мечъ, которымъ ты на столькихъ битвахъ разилъ враговъ отчизны! — «Ты измѣнилъ вѣрѣ, предатель!» воскликнулъ Константинъ. — Руби мою голову, сказалъ Янушъ, подставляя въ самомъ дѣлѣ свою голову подъ мечъ, — но знай, что я умираю католикомъ, за вѣру католическую; и ежелибъ у меня было тысяча жизней, я всѣ бы отдалъ за нее! — Отецъ горько вздохнулъ, опустилъ мечъ, заплакалъ, покачалъ головою и отошелъ. Утромъ зовутъ Януша къ отцу. «Иди, недостойный, говоритъ ему старикъ,

прочь съ глазъ моихъ; иди въ Австрію, гдѣ ты потерялъ св. вѣру.» Янушъ повиновался.

Такая безропотная покорность родительской волѣ въ другой разъ вызвала чувство старика: опять слезы покатились изъ глазъ его; онъ смягчился, далъ ему наставленія въ изученіи рыцарской науки и, прощаясь, сказалъ: «если такъ, то, по-крайней-мѣрѣ, не измѣняй роднымъ обычаямъ; ищи себѣ друзей между Поляками и Венграми, но не дружись съ Нѣмцами!» Такимъ образомъ князь былъ смягченъ дѣтскою покорностію: гнѣвъ православнаго уступилъ мѣсто ненависти Славянина. Польскіе вельможи знали превосходство надъ собою Нѣмцевъ во всемъ, что касалось до образованности, но гордились своимъ славянскимъ происхожденіемъ и, съ жадностію принимая плоды европейскаго просвѣщенія, дорожили своею національностію, помня старую пословицу:

Póki swiat swiatem,
Polak Niemcowi nie będzie bratem.

Янушъ отправился въ Австрію, гдѣ былъ принятъ съ восторгомъ: узнали объ его твердости, о напастяхъ, какія онъ терпѣлъ отъ отца, осыпали его похвалами. Поучившись еще нѣсколько лѣтъ военному искуству, Янушъ возвратился на родину, гдѣ показалъ плоды своего ученія: укрѣпилъ превосходно отцовское Дубно и отразилъ отъ него Татаръ. Послѣ того, онъ участвовалъ съ отцемъ въ набѣгѣ на сѣверскую область Московскаго Государства и въ пораженіи Косинскаго подъ Пяткомъ. Изъ этого видно, что онъ помирился съ старикомъ; но Янчинскій разсказываетъ слѣдующій анекдотъ: изъ Заслава до Сокола, мимо Острога, шла католическая процессія; вдругъ навстрѣчу—

Наливайко съ своими козаками. Козаки въ насмѣшку роспустили, передразнивая католическія хоругви, лисьи хвосты и тряпки и прерывали священныя пѣсни неистовыми криками. Янушъ написалъ къ отцу письмо, въ которомъ просилъ наказать виновныхъ, но, не получивъ отвѣта, написалъ и другое, на которое также не было удовлетворенія. Богъ, говорятъ кеёндзы, наказалъ стараго схизматика: всѣ лѣса острожскіе, куда шла процессія, сгорѣли, а къ заславскимъ пламя не коснулось, хотя они были съ ними смежны.

По смерти отца, Янушъ свободно предался своему католическому фанатизму. Въ Константиновѣ, главномъ его наслѣдіи, явился доминиканскій монастырь, къ которому причислены двѣ православныя деревни—Ирники и Приворовка; въ Межирицѣ—костёлъ и монастырь францискановъ, а въ Тарновѣ приписана была деревня для мансіонаровъ, также и другимъ костёламъ и монастырямъ подарены были деревни. Кромѣ того, для извѣстной части своихъ владѣній, Янушъ составилъ такъ называемую ординацію, назначивъ, чтобы имѣнія, подлежащія ей, не дѣлились, но переходили къ старшимъ наслѣдникамъ мужескаго пола и непремѣнно католической вѣры, съ условіемъ доставлять отечеству по триста всадниковъ и триста пѣшихъ на каждую потребу. Янушъ умеръ воеводою волынскимъ, кастеляномъ краковскимъ, старостою владимірскимъ, черкаскимъ, переяславскимъ, бѣлоцерковскимъ, канёвскимъ, богославскимъ, не оставивъ по себѣ наслѣдниковъ мужескаго пола. Этотъ князь участвовалъ въ рокошѣ противъ короля Сигизмунда, но вскорѣ покорился ему.

Другой братъ его, Константинъ, кравчій литовскій и староста владимірскій, принявшій католичество еще прежде брата Януша, былъ, подобно ему, гоними отцемъ и умеръ не женатымъ, 35-ти лѣтъ отъ роду. О немъ разсказываютъ занимательную мистеріо: когда ему было 18 лѣтъ, тогда, во снѣ, явился ему старикъ, въ бѣлой одеждѣ, съ длинною бородой. Константинъ изумился и началъ съ любопытствомъ разсматривать явленіе. Старикъ сказалъ ему: «вижу, что тебѣ пріятно смотрѣть на меня, но, по-истинѣ, ты этого не достоинъ, потому что живешь не по Божіему закону.» Сказавши эти слова, исчезъ. Константинъ не тронулся видѣніемъ и продолжалъ жить своевольно. Чрезъ 12 лѣтъ, является ему тотъже старикъ и говоритъ: «Узналъ ли ты меня, Константинъ?»—Узналъ, отвѣчалъ тотъ. «А зачѣмъ же ты до сихъ поръ лежишь въ тинѣ грѣховной? Доколѣ будешь умножать грѣхи свои? Знай, что тебѣ остается жить только три года; старайся исправиться; возврати къ себѣ милосердіе Божіе и приготовляйся къ смерти.» Встревоженный таинственнымъ сномъ, Константинъ призвалъ къ себѣ духовника, перемѣнилъ образъ жизни и всѣ три года думалъ только о томъ, чтобъ заслужить милосердіе Божіе. По истеченіи трехъ лѣтъ, во время великаго поста, онъ вдругъ захворалъ, со-дня-на-день усиливалась болѣзнь. — И вотъ, въ субботу предъ вербнымъ воскресеніемъ, старикъ является: «завтра въ двѣнадцатомъ часу ты умрешь, Константинъ!» Константинъ принялъ св. Тайны, и, на другой день, скончался. Бывшіе при его кончинѣ увѣряли, что они видѣли старца на воздухѣ съ простертыми къ небу руками, который тогда только исчезъ, когда князь испустилъ дыханіе.

Третій сынъ Константина Константиновича, Александръ, воевода волынскій, вмѣстѣ съ отцемъ защищалъ православіе противъ уніатовъ и остался до смерти православнымъ. Онъ умеръ въ 1603 году. Старшій сынъ его погибъ подъ Тарнополемъ въ сраженіи съ Татарами; второй умеръ въ молодости; о третьемъ разсказываютъ, что онъ, будучи православнымъ, вздумалъ стрѣлять въ книгу, гдѣ описано житіе католическихъ святыхъ, и попалъ въ слово *смерть*, которая его и постигла. Двѣ старшія дочери его вышли замужъ: одна за Любомирскаго, другая за Ѳому Замойскаго; меньшую же Анну постигла другая участь. Съ юныхъ лѣтъ она получила наклонность къ религіозности: читала священныя книги, разговаривала о духовныхъ предметахъ, боялась на каждомъ шагу согрѣшить, и хотѣла рѣшительно отказаться отъ свѣта. Мать подкрѣпляла ее въ этомъ, и слѣдствіемъ такого расположенія было отступленіе отъ греко-восточной вѣры и принятіе католицизма. Когда отецъ ея скончался, православное духовенство похоронило его въ церкви; но Анна, желая, покрайней-мѣрѣ, по смерти, освятить родителя, приказала перенести прахъ его въ костёлъ. Священники воспротивились, а исповѣдывавшіе греко-восточную религію, считая для себя оскорбленіемъ, если прахъ послѣдняго православнаго ихъ князя будетъ покоиться въ церквѣ чуждаго закона, возмутились, но ихъ усмирили, и трибуналъ осудилъ ихъ на разныя казни: вѣшать, четвертовать, колесовать, а домы *раскольниковъ* приказано сжечь, и мѣсто, гдѣ они стояли, посыпать пепломъ. Когда насталъ день казни, и осужденные ждали смерти, княжна простила ихъ и велѣла разойтиться по домамъ. По какимъ-то обстоятельствамъ, Анна вышла замужъ за извѣстнаго гет-

мана Ходкевича; но дала ему руку съ тѣмъ, чтобы онъ не нарушалъ ея дѣвства. Ходкевичъ вскорѣ былъ убитъ подъ Хотиномъ.

Молодая вдова-дѣвица сдѣлалась предметомъ искательствъ знатнѣйшихъ особъ и, въ томъ числѣ, королевича Владислава. Чтобъ избавиться отъ земныхъ искушеній, Анна сбросила съ себя драгоцѣнныя одежды, облеклась въ рубище и обрекла себя посту и дѣвству. У подножья распятія ей послышался голосъ: «отщитись отъ міра». Такъ говорили члены той секты, къ которой принадлежала Торквимада. И вотъ Анна отщитилась отъ міра: Острогъ, гдѣ цвѣла православная вѣра, пріютъ гонимыхъ дѣтей греко-восточной церкви, сталъ пристанищемъ католическихъ монаховъ; изъ него было изгнано около сорока православныхъ священниковъ; жители насильно были обращаемы въ католическую вѣру или унію; православныя школы запустѣли,—вмѣсто ихъ явились іезуитскія коллегіи; благочестивыя церкви обращены въ костёлы. Дворъ ея, нѣкогда шумный, сдѣлался жилищемъ ксёнзовъ и молчаливыхъ женщинъ. Всѣ должны были ходить съ постнымъ лицемъ, довольствоваться скудною пищею; никто не смѣлъ засмѣяться, пошутить, — владѣтельница сама за всѣмъ подсматривала и тотъ-часъ посылала къ виновному ксёнза для убѣжденія. Случалось, что сами ксёнзы, какъ ни искусно умѣли притворяться, не избѣгали ея прозорливыхъ глазъ, и сносили строгіе выговоры.

Въ высокихъ залахъ, гдѣ прежде раздавалась музыка и шумѣли танцы, теперь сидѣли покорныя шляхтянки, собранныя со всѣхъ сторонъ набожностію Анны: всѣ занимались работою для костёловъ, шили церковныя

одежды, или слушали отъ княжны правило св. Игнатія. Всѣ часы во днѣ, дни въ мѣсяцахъ, десятки дней въ годахъ — имѣли у ней особенное значеніе и были посвящены на особенныя молитвы и подвиги. Домовая церковь день и ночь была отворена. Анна слушала по нѣскольку обѣдень каждый день, причащалась каждой праздникъ; а на страстной недѣлѣ въ четвергъ Анна собирала убогихъ и мыла имъ ноги; въ великую пятницу обходила босикомъ плащаницы и, ложась крестообразно, обливала слезами землю. Гошпиталь, построенный еще дѣдомъ ея, былъ распространенъ; часто сама княжна ходила постилать больнымъ постели, подавала имъ изъ своихъ рукъ пищу. Во время голода въ 1638 году, она кормила не только своихъ подданныхъ, но и чужихъ; за иныхъ уплачивала долги, другихъ избавляла отъ наказанія. Хотя Анна жила въ замкѣ, но, по словамъ іезуита, не любила, если ее величали. Разсказываютъ, что однажды она исповѣдывалась у незнакомаго священника, который у ней спрашивалъ то, чего бы не осмѣлился спросить, еслибъ зналъ, что она княгиня. Анна на все отвѣчала съ смиреніемъ. Когда священникъ спросилъ ее: «какъ тебя зовутъ?» она отвѣчала: Галька. «Ты дѣвка?» Дѣвка. «Откуда ты?» изъ предмѣстія. Все это, съ удивленіемъ восклицаютъ іезуиты, была истинная правда: ее звали Анною, она сохранила дѣвство и жила въ ярославскомъ предмѣстіи, въ домѣ отца своего. Примѣромъ ея ума и живости можетъ служить происшествіе, случившееся въ Познани: одинъ краснорѣчивый прелатъ говорилъ проповѣдь; Анна съ негодованіемъ вышла, не дослушавши оной, чего съ ней прежде не бывало. Какой совѣтъ, говорила она, можетъ онъ мнѣ дать о спа-

сенiи души моей, когда онъ не печется о спасенiи собственной. Въ самомъ дѣлѣ прелатъ нарушалъ правила своего сана. Анна жила 53 года, и каждый годъ, въ день своего рожденiя, полагала на алтарь столько червонцевъ, сколько ей было лѣтъ.

Козаки опустошили ея замокъ, обратили въ пепелъ коллегiю, а ее принудили удалиться. Она послѣ-того жила въ Ковалѣ, Коморжѣ, Гнинѣ, Ракацѣ, Познани и Ярославѣ, гдѣ основала новую коллегiю.

Она умерла въ февралѣ 1654 года, выписавши передъ смертiю славившагося въ то время iезуита Дружбицкаго.

Со смертiю Анны прекратилась фамилiя Острожскихъ.

Н. Костомаровъ.

1841 года. Харьковъ.

II.

СМѢСЬ.

ДАННОЕ ПИСЬМО.

Въ нынѣшнее время на купленное изъ казны или отъ частнаго человѣка аукціоннымъ порядкомъ недвижимое имѣніе выдается такъ называемая *данная:* родъ купчей, крѣпости. Вотъ примѣръ *данной* въ слободскихъ полкахъ временъ Петра Великаго, за подписаніемъ Бригадира Федора Владимировича Шидловскаго, начальствовавшаго тогда надъ пятью слободскими полками. Нѣчто въ подражаніе малороссійскими Гетьманскими *универсаламъ.*

(на гербовомъ листѣ).

Року тысяча семь сотъ осьмаго Мая въ шестнадцетъ день.

По указу Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея великия и малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца. Ахтырскихъ описныхъ селъ, которые были бывшаго Ахтырскаго Полковника Івана Перекрестова вотчины, леса и дубровы и сенные покосы, мольницы и рыбные ловли и всякое угодье ненужное велено продавать, и кто похочетъ купить, не возбранно. И потому Его Вели-

каго Государя указу подъ селомъ Каплиновкою садъ, прозываемый Гончаровский, и сенные покосы, которые тамъ же въ кутъ по близости отъ саду по лѣвую сторону Краснокутской дороги до лѣса продать довелось. И торговалъ вышеписанное Каплуновскій же атаманъ Григорій Бѣликъ, а давая денегъ сорокъ рублевъ. А что онъ Григорій прежной своей услуги являлъ: якоже въ надзирательствѣ майданныхъ селѣтраныхъ заводовъ, которые по повелѣнію Свѣтлѣйшаго Князя его милости дѣлали около Айдары, тако и въ иныхъ заводахъ. И того ради вышепомянованные садъ и сенные покосы ему Григорию продано, и готовыхъ денегъ сорокъ рублевъ принято и въ книгу записано. А чтобъ ему Григорію самому яко женѣ его и дѣтемъ помянутымъ садомъ и сенными покосы, якъ выше сего написано, впредь было надеждно и вѣчно владѣти. Особливо въ владѣніи вышереченнаго, дабы отнюдь никто жадной трудности и препятія чинити не важылся рады поменненной его заслуги. И сымъ нашымъ даннымъ писмомъ при подписаніи рукъ и приложеніемъ печати нашей Брегадирской утвердили. Дѣялось року и дня вышеписаннаго.

Брегадиръ *Федоръ Шидловской*.
рукою власною.

Ахтырской полковой судья Леонтій
Стефановъ Атаманъ Тростянецкій.

печать
краснаго
сургуча.

На оборотѣ надпись изъ которой видно, что сей актъ вмѣстѣ съ имѣніемъ возвращенъ сыну Ивана Перекрестова Данилу.

ЗАПИСЬ СОЛОГУБА.

Лѣта 1713 Ноября въ 9-тый день города Батурина Василій Ивановъ сынъ Сологубой, далъ сію запись Ахтырскаго полку *бывшему* (*) Полковнику Ивану Иванову сыну Перекрестову, въ томъ, что занялъ я, Василей, у него Полковника Ивана Перекрестова на росплату долговъ своихъ денегъ 6 рублевъ, а за тѣ деньги жить мнѣ Василію у него Полковника въ его, съ вышеписаннаго числа впредь пять лѣтъ до таковажъ числа, ясть и пить, платье и обувь носить всё его господское, и живучи въ домѣ его жены его и дѣтей слушать и почитать, всякая работа работать, не пьянствовать, съ ворами незнаться и воровъ для кражи пожитковъ его господскихъ не подвесть, самому не покрасть, незбѣжать и недоживъ урочныхъ лѣтъ самовольно прочь неотойти. А буде я Василій противъ сей записи что писано въ сей записи неустою и ему господину моему взять на мнѣ Василіѣ и на порутчикахъ моихъ взаймы данныя свои деньги и покраденныя сносныя пожидки по своей сказкѣ и съ убытки сполна. А порукою нижеподписавшіеся.

Къ сей записи челобитенной писецъ Илья Евдокимовъ вмѣсто Василія Иванова сына Сологубова, что жить ему за

(*) Слово *бывшему* доказываетъ, что Перекрестовъ неимѣлъ уже Начальства (онъ попалъ тогда въ немилость у Петра; даже и имѣнія его были отобраны): слѣдовательно въ договорѣ не могло быть никакого принужденія.

долговыя деньги за 6 рублевъ пять лѣтъ, по его велѣнью руку приложилъ.

Къ сей записи челобитенной писецъ Никита Лалетимъ вмѣсто порутчика Воронцовской слободы Петра Никитина сына Рѣщикова по его велѣнью руку приложилъ.

Свидѣтель челобитенной писецъ Ѳедоръ Хатѣновъ руку приложилъ.

Запись писалъ крѣпостныхи дѣлъ подъячій Степанъ Новиковъ. Къ сый 713 году Ноября въ 10-й день пошлинъ гривна съ листа и отъ записки 6 алтынъ четыре деньги взято и записано. . . . . .

ВЫПИСКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ

АРХИТЕКТОРА АЛѢЕРОВА.

Римъ.

12
14 *Октября* 1809.

Въ продолженіи моего пребыванія въ Римѣ, я видѣлъ почти всѣ остатки его древностей. Невозможно мнѣ описать ихъ въ одномъ письмѣ, ниже припомнить съ подробностями. Воображеніе мое и память столько обременены ими, что я еще не могу похвалиться раздѣльнымъ о нихъ свѣдѣніемъ. Я удовольствуюсь теперь сказать вамъ нѣчто

о самыхъ любопытнѣйшихъ. Пантеонъ, наилучшее зданіе изъ всѣхъ остатковъ римской архитектуры!.... величественный сводъ его, имѣющій въ діаметрѣ двадцать россійскихъ сажень и восемь вершковъ, есть, безъ сомнѣнія, самое отважное и превосходнѣйшее произведеніе въ своемъ родѣ. Большое круглое отверстіе въ центрѣ свода, сквозь которое свѣтъ входитъ лучемъ, даетъ обширной внутренности самый торжественный видъ. Мнѣ кажется, ничто не можетъ быть приличнѣе сего освѣщенія для храмовъ, яко мѣстъ посвященныхъ Божеству. И конечно ни одинъ человѣкъ еще не вступалъ въ сіе зданіе, не будучи пораженъ онымъ, и не ощущая въ сердцѣ своемъ чувствъ благовѣнія! Я не скажу вамъ ничего о вкусѣ архитектуры церкви св. Петра: въ ней нѣтъ ничего, что могло-бы занять меня послѣ Пантеона, а особливо, послѣ *развалинъ аѳинскихъ*. Вы удивляетесь, измѣряя циркулемъ на бумагѣ планъ и высоты зданія; но сколько-бъ вы удивились, вошедъ въ сію церковь, и не почуствовавъ ничего колоссальнаго. Чрезмѣрныя высоты профилей, и множество частей одна другой больше, отнимаютъ всякую идею объ огромности. То же должно сказать и о наружномъ видѣ. Многіе принимаютъ смѣсь сію за достоинство, называя ее гармоніею. Но для чего-же строить колоссъ, если надлежитъ стараться, чтобъ онъ не казался таковымъ? удивляюсь идеямъ Микель-Анжело, но только въ скульптурѣ и живописи, а не въ архитектурѣ; и никакъ не могу вмѣстить въ моемъ умѣ, что одинъ и тотъ же великой человѣкъ, бывъ знаменитъ въ первыхъ двухъ художествахъ, *столько* былъ слабъ во вкусѣ послѣдняго! Остатки Колизея представляютъ также преудивительный колоссъ! Внутрен-

ность его должна была быть поразительной красоты, хотя теперь о ней не иначе судить можно, какъ только по останкамъ сводовъ, на коихъ были нѣкогда уступы для сидѣнья, и по куску стѣны показывающей высоту верхнихъ столбовъ, стоявшихъ въ одинъ рядъ, выше всѣхъ уступовъ, и составлявшихъ великолѣпнѣйшія покрытыя ложи для знатныхъ зрителей. Въ наружности же его не нравится мнѣ рядъ верхнихъ пилястровъ, поставленныхъ надъ тремя ярусами колонъ. Сіи пилястры, представляя четыреугольное тѣло надъ круглымъ основаніемъ, кажутся мнѣ слишкомъ тяжелыми; притомъ онъ гораздо большаго діаметра, и слѣдовательно гораздо длиннѣе колоннъ подъ ними находящихся! Развалины Колизея чрезвычайно картинны: и онѣ, едва ли не болѣе плѣняютъ художниковъ, нежели остатки его архитектуры (*).

Что-бы не наскучить вамъ, вдругъ, разсказами о древностяхъ, оставляю продолженіе сей матеріи до слѣдующаго случая; а теперь позвольте присоединить нѣчто о здѣшнихъ зданіяхъ новѣйшихъ временъ. Не странно-ли покажется вамъ, въ знаменитой столицѣ изящныхъ художествъ, изъ которой произошло столько славныхъ архитекторовъ, въ множествѣ церквей, дворцовъ и прочихъ публичныхъ зданій, не найти ни одного, хотя сколько нибудь сноснымъ для глазъ?

(*) Въ семъ смѣломъ и справедливомъ судѣ лучшихъ зданій римскихъ, очень можно узнать того молодаго человѣка, который при началѣ строенія казан. церкви въ С. П. выгравировалъ ея будущій проспектъ; въ намѣреніи *безмолвно* показать недостатки ея архитектуры.

..... Изъ архитекторовъ я не успѣлъ еще ни съ кѣмъ познакомиться. Но я видѣлъ нѣкоторые ихъ проэкты; и если нѣтъ у нихъ чего нибудь лучшаго, то врядъ-ли я получу къ знакомству охоту. Я былъ въ мастерской Г-на Кановы, перваго скульптора въ Европѣ. Немогу выразить вамъ, до какой степени удивленъ я его произведеніями. Онъ недавно кончилъ превосходную статую наполеонову изъ мрамора. Но я еще не имѣлъ счастія увидѣть его самаго. (*) Онъ гоститъ теперь во Флоренціи. Я ходилъ смотрѣть выставку произведеній здѣшней французской академіи. Тамъ ничего не было, кромѣ однаго только карниза и фронтона храма Антонинова, да нѣсколькихъ посредственныхъ картинъ. Римская же академія св. Луки ничего не имѣла выставить. Говорятъ, что она столько бѣдна теперь, что не въ состояніи дать въ награду какому либо молодому художнику ниже серебренной медали. Здѣшніе художники умираютъ съ голоду въ нынѣшнее время.

—

ПАРИЖЪ.

$\frac{11}{23}$ *Сентября* 1810.

Я въ совершенномъ отчаяніи, и можетъ быть до сей поры давно-бы уже не существовалъ, если бы менѣе былъ чувствителенъ къ благодѣяніямъ друзей моихъ, и если бы

(*) Съ такимъ почтеніемъ говорить всегда истинное дарованіе о дарованіи великомъ!

не обязанъ былъ имъ моею благодарностію. Всѣ надежды мои на пособіе здѣшняго посла нашего рушились (*).

Не знаю, чѣмъ кончится несчастная участь моя; но всего достовѣрнѣе кажется то, что я пойду пѣшкомъ, безъ полушки денегъ, и въ видѣ нищаго, искать по свѣту чувствительныхъ сердецъ. Судите по сему, чего мнѣ стоятъ мои предпріятія, и сколь горько мнѣ, что такъ поздно для меня, находятъ ихъ безполезными мои соотечественники. Горестное мое состояніе не позволило мнѣ познакомиться ни съ однимъ изъ здѣшнихъ художниковъ; но я видѣлъ почти всѣ ихъ произведенія на дѣлѣ. Большая ихъ часть суть даже и не *подраженіе* древнимъ, а настоящія *копіи*, какъ-то: бронзовая колоссальная аустерлицкая колонна сдѣлана по модели колонны траяновой; тріумфальная арка по модели арокъ римскихъ; и она такъ мала, и въ такомъ тѣсномъ мѣстѣ стоитъ между преогромныхъ зданій дворца Тюльери, что и виду никакого не имѣетъ. Лучшія произведенія здѣшнихъ архитекторовъ суть мосты, а особливо pont d'Austerlitz, коего арки сдѣланы изъ чугуна (**). Я ходилъ почти всякой день цѣлый мѣсяцъ въ музей Наполеоновъ: онъ былъ открытъ въ сіе время. Тутъ дѣйствительно собраны найлучшіе произведенія древней скульптуры и живописи. *(Въ оригиналѣ*

(*) Алферовъ, не получа по несчастному случаю посланнаго ему друзьями его пособія, обратился къ послу съ покорнѣйшею прозьбою объ отпускѣ ему въ займы небольшей суммы для возвращенія въ отечество.

(**) Конечно необыкновенный духъ долженъ имѣть тотъ художникъ, который, бывъ въ столь крайнемъ положеніи, еще занимается, какъ знатокъ, своимъ художествомъ.

слѣдуютъ нѣкоторыя разсужденія о картинахъ новѣйшихъ французскихъ живописцевъ.)

—

Парижъ.

$\frac{3}{15}$ *Октября* 1810.

..... Заплативъ мой долгъ, я до слѣдующаго Ноября останусь безъ полушки; и не говоря уже о сапогахъ и платьи, коихъ у меня совершенно нѣтъ, мнѣ не возможно будетъ купить и карандаша, чтобы по крайней мѣрѣ, сидя въ комнатѣ, и не выглядывая на свѣтъ Божій, могъ я заняться чѣмъ нибудь для разогнанія моей скуки. Желалъ бы я, чтобъ вы какимъ нибудь нечаяннымъ образомъ взглянули на мое теперешнее состояніе! Тогда могли-бы судить лучше, чего стоитъ мнѣ несчастная страсть моя къ художествамъ. Часто, въ минуты моего отчаянія, раскаяваюсь я, что посвятилъ себя добровольно на страданіе, но когда потомъ надежды и сладкія мечты достигнуть моей цѣли во что-бы то ни стало, возвращаются ко мнѣ, я чувствую..... не столько облегченія, сколько мучусь, видя всегда передъ глазами безполезно пропадающее время!

—

Парижъ.

$\frac{16}{28}$ *Октября* 1810.

Не могу изъяснить вамъ, сколько я былъ обрадованъ и опечаленъ вмѣстѣ, прискорбнымъ извѣстіемъ относительно покровительства, на которое, послѣ полу-

ченнаго мною въ Римѣ письма вашего, я возлагалъ всю мою надежду. Князь же послѣ многихъ разсужденій, и по ходатайству Графини Шуваловой, опредѣлилъ было выдавать мнѣ по двѣсти франковъ на мѣсяцъ, чтобы я могъ заняться здѣсь чѣмъ-либо, пока полученъ будетъ отъ васъ отвѣтъ. Но къ счастію еще ваши письма подоспѣли во время, и предохранили меня отъ ужасныхъ долговъ, изъ коихъ я не въ состояніи былъ-бы выпутаться, и на кои рѣшился я, основываясь на ограниченную вами сумму отъ 304—350 червонцевъ, которые предполагали вы мнѣ доставить, прежде возвращенія моего въ Россію. Четвертаго дни получилъ я изъ С. Петербурга вашъ вексель на 600 франковъ.... я весьма радъ теперь, что избавился отъ долговъ, и свободенъ предпринять обратный путь въ отечество.

Писать къ Государю не предвижу я выгодъ, ибо не имѣю средствъ оставаться здѣсь ожидать его рѣшенія. Единое средство избѣжать пагубныхъ крайностей состоитъ въ томъ, чтобы не медля возвратиться во-свояси. Чрезъ пять или шесть дней я предпрійму путешествіе; и путь сей будетъ подлинно *путешествіе*, ибо я пойду пѣшкомъ. Жаль мнѣ, что сіе не случилось лѣтомъ: такое странствіе могло-бы мнѣ быть весьма полезнымъ.

Вы жалуетесь на практическое производство зданій въ Россіи. Не думайте, чтобы нынѣшняя практика въ Парижѣ была лучше нашей (*). Здѣсь также не успѣютъ

(*) Друзья Алферова совѣтовали ему, не пропустить при нынѣшнихъ многочисленныхъ постройкахъ во Франціи, а особливо казенныхъ, разсмотрѣть производство: не имѣетъ ли оно чего достойнаго подраженія въ Россіи.

кончить строеніе, и оно уже въ трещинахъ. Камень вообще такъ худо притесываютъ, что всегда послѣ конопатятъ пенькою швы, и замазываютъ ихъ цементомъ, смѣшаннымъ изъ извести и полнаго кирпича, который въ весьма короткое время отскакиваетъ. Весьма мало строеній произведено здѣсь въ дѣйствіе такъ, какъ должно. Жаль мнѣ, что краткость времени не позволяетъ распространиться о семъ съ нѣкоторыми доказательствами. Но что всего хуже у насъ, какъ и здѣсь, то это мнимая экономія хозяевъ. У насъ почти всегда употребляютъ сырой лѣсъ въ строеніе, худо вызженный кирпичь, какую попопало известь, лишь бы подешевлѣ; наконецъ стѣны остаются всегда сыры, и валятся прежде времени, штукатура всегда отскакиваетъ, полы и потолоки коробятся и трескаются, чрезвычайная осадка раздавляетъ печи, напр. Сихъ причинъ никогда почти не хотятъ предвидѣть нетерпѣливые хозяева; и потомъ всю вину возлагаютъ на архитектора. Тамъ, гдѣ требуется прочность, должно прежде всего, чтобы матеріалы соотвѣтствовали ихъ назначенію. Наконецъ практика нисколько не есть секретъ: главныя и частныя ея правила всѣму свѣту извѣстны, и онѣ всегда и вездѣ одинаковы, выключая какихъ-либо необыкновенныхъ произведеній натуры, весьма для строенія выгодныхъ, какова напр. Пуццолана. Но кремлевскія стѣны въ Москвѣ не уже-ли, скажутъ мнѣ, не столько прочны, какъ стѣны римскія, хотя въ нихъ не употреблено пуццоланы?

Наша гранитовая практика во вся никуды не годится. Можно-ли думать, чтобы стѣна гранитовая, или сдѣланая изъ какого бы то камня ни было, могла простоять многіе

вѣка, когда камни ея не имѣютъ и двухъ пальцевъ ширины въ ихъ постели? ипр.

Такъ разсуждаетъ Алферовъ въ письмахъ своихъ къ друзьямъ! Среди крайнѣйшей нужды, едва имѣя напутный кусокъ хлѣба, и готовясь идти *зимою*, пѣшкомъ, около трехъ тысячъ верстъ, онъ ничего не видитъ, кромѣ своего художества. Напомнимъ еще, что Алферовъ дворянинъ хорошей фамиліи, хотя бѣднаго отца сынъ, но воспитанный у благодѣтеля своего въ нѣгѣ и довольствѣ, что онъ внутренно чувствуетъ свою цѣну, и что по всѣмъ этимъ причинамъ онъ къ нынѣшней своей участи не можетъ быть равнодушенъ; но онъ жалѣетъ только о томъ, *что время у него проходитъ безполезно!*.. Если такой человѣкъ не обѣщаетъ много для своего отечества, то всѣ наши умозрѣнія о человѣческой природѣ ошибочны.

СТИХОТВОРЕНІЕ А. А. ПАЛИЦЫНА.

Гавріилу Романовичу Державину.

Какъ! къ Мевію, тебѣ безвѣстному, во мракъ
Пустыннаго уединенья,
Твои безсмертны пѣснопѣнья,
Ты шлешъ, увѣнчанный нашъ Флаккъ!...
Чѣмъ могъ я заслужить вниманія сей знакъ?...
Какія принесу благодаренья?...
Они намъ слабымъ трудны такъ,

Какъ сильнымъ вамъ легки благодаренья;
Я силу чту души великой, не призрàкъ:
Мнѣ памятны твои, въ Вельможѣ, наставленья.
О какъ завиденъ, въ этотъ часъ,
Мнѣ сладкой пѣснопѣвцевъ гласъ!
Не для того, чтобы хвалами
Твою я скромность утомлялъ,
Какъ-то ведется межъ писцами:
Фелицынъ Бардъ, рожденный для похвалъ,
Въ комъ даръ Горація и даръ Анакреона,
На славу русскаго воскресли Геликона,
Кто лирой вѣкъ пѣвцевъ, вѣкъ мудрыхъ услаждалъ,
Не всѣми-ль мудрыми прославится вѣками?

=

Плѣнятся-ль взоръ и умъ вселенныя красами,
И добрымъ *щедраго отца ихъ* возвѣстятъ;
Перуны-ль возгремятъ подъ небесами,
И злымъ въ немъ *мстителя* и *судію* явятъ?
Блеснетъ ли *Царь свѣтилъ* на высотахъ лазурныхъ,
Въ весенней ясности, въ осенныхъ тучахъ бурныхъ?
На *щастіе* ли кинутъ взглядъ?
Пѣты-ль воспоютъ отечества героевъ,
И въ мирѣ и въ поляхъ кровавыхъ среди боевъ?
Къ *развалинамъ* ли взоръ унылымъ обратятъ?
Воспѣнится-ль и возшумитъ водами,
Между гранитными скалами,
Съ крутыхъ утесовъ ихъ *алмазный водопадъ*?
Оплачутъ-ли чью смерть безсмертными стихами?
Красы ли русскія ихъ *пляскою* прельстятъ?
Раздастся ли между лѣсами,

Вечерней, утренней зарей,
Въ ночи подъ ясною луной,
Свистъ громкій *соловья*, весной?
Съ друзьями-ль мудраго увеселитъ бесѣда?
Изсѣченъ или изваянъ
Кому гдѣ будетъ *Истуканъ*?
Пиры-ли удивятъ роскошнаго *сосѣда*? . . .
При видахъ иль при памятникахъ сихъ
Витійственныхъ даровъ твоихъ,
Всегда тебя, всегда потомки воспомянутъ;
И даже самые завистливы пѣвцы
Сплетутъ Державину и гимны и вѣнцы!
Не смолкнутъ пѣсни тѣ, ввѣкъ лавры не увянутъ,
Ни плески въ честь тебѣ гремѣть не перестанутъ!

=

И такъ, не похвалы ненужныя слетать,
Я даромъ творческимъ желалъ бы обладать:
Твое вниманіе мнѣ лестно, драгоцѣнно,
Вниманіе пѣвца Фелицына священно,
Пріятно было бы мнѣ въ сердцѣ оправдать,
Какимъ нибудь трудомъ тебя достойнымъ,
Парнасскимъ жителямъ пристойнымъ.

=

Когда-бъ лѣтъ пылкихъ прежній жаръ,
Въ замѣну *труднаго* парнасскаго искуства,
Еще одушевлялъ мой слабый даръ;
Ласкался-бъ я хотя излить живѣе чувства,
И благодарности тотъ сладостный восторгъ,
Который щедростью изъ сердца ты исторгъ.
Но что могу принесть я нынѣ,

Въ безсильной старости, въ пустынѣ?
Чѣмъ даръ и жаръ мнѣ замѣнить,
Чѣмъ благодарность изъявить? . . .

=

Уже-ль въ невольномъ семь движеньи,
Безгласнымъ вовсе легче быть?
Отъ благодарности-ль бывъ въ нѣжномъ восхищеньѣ,
Неблагодарнаго дерзну я видъ носить?
Колебляться-ль тогда въ недоумѣньѣ?
Стерплю ли я, хотя того не повторить,
Что въ нашей простотѣ, на югѣ, въ отдаленьѣ,
О Бардѣ сѣверномъ въ пустыняхъ говорятъ?
Какъ сладко здѣсь объ немъ намъ Мевіямъ то мнѣнье,
Что онъ дарами Флаккъ, добротой Меценатъ!
Что въ лаврахъ и звѣздахъ, и въ званіи великомъ,
Какъ славой, мыслями и словомъ ни богатъ,
Съ изящнымъ и умомъ, и вкусомъ, и языкомъ,
И на чредѣ высокой, въ мудрый вѣкъ,
Въ совѣтѣ Царскомъ и во Званкѣ
Онъ равенъ и въ одной осанкѣ:
Всегда другъ музъ, людей, вельможа-человѣкъ!
Сколь гордый отъ него въ томъ Римлянинъ далекъ!
Тотъ Мевіевъ своихъ и Бавіевъ тазаетъ:
Нашъ тою-жъ лирою гремящей обладаетъ,
Глаголомъ выспреннимъ, согласіемъ боговъ:
Однако нашихъ онъ разлаженныхъ гудковъ,
Нескладныхъ пѣсень и стиховъ,
Скропанья, иногда и изъ обломковъ словъ,
Затычекъ, вставокъ и скачковъ,
Огнюдь не презираетъ;

Хотя отъ нихъ подъ часъ конечно и зѣвастъ:
И малыхъ онъ щадитъ даровъ,
И скудныя таланты ободряетъ.

=

Сія извѣстная доброта свойствъ твоихъ,
Осмѣлила меня принесть и этотъ стихъ,
Конечно слабый и ничтожный;
По щедрости твоей души и чувствъ моихъ,
Истолкователь онъ неложный.
Почто въ моей судьбѣ,
Для приношенія достойнаго тебѣ,
Иной нѣтъ жертвы, мнѣ возможной?
Почто не Волховски струи я нынѣ пью,
Которыя меня поили въ нѣжномъ дѣтствѣ?
Почто не въ Званкѣ я пою,
Въ старинномъ дѣдовскомъ жилищѣ и наслѣдствѣ?
Какъ сладко бы провелъ я старость тамъ свою,
И съ мудрымъ и съ пѣвцемъ, съ Державинымъ въ сосѣдствѣ.
Вблизи-бы лирный гласъ его меня плѣнялъ;
Изустно-бъ я ему всѣ чувства изливалъ;
И бывъ согласіемъ его наставленъ звона,
Достигъ-бы, можетъ быть, и я до Геликона!
Бесѣда съ мудрыми всѣхъ больше учитъ книгъ,
И возвышаетъ умъ и сердце и языкъ. —
Не только кровы ихъ, но гробы намъ священны;
Малѣйшія отъ нихъ остатки драгоцѣнны!
Они-то честь, краса и слава Естества,
Наставники людей, суть образъ Божества! . . .

=

Летите тщетныя изъ мыслей вонъ мечтанья,
Восторга моего плоды, воспоминанья
О дѣтствѣ, и всегда мнѣ милой старинѣ:
Не жить мечтателю въ геройской той странѣ,
Гдѣ древле пѣлъ Баянъ, гдѣ нынѣ пѣсни громки
Державинъ предаетъ счастливѣе въ потомки.
Подъ бремемъ лѣтъ и нуждъ, сихъ тягостныхъ,
Не видѣть, Волховъ, мнѣ уже твоихъ береговъ,
Не слышать мнѣ изъ устъ Державина стиховъ!
Прошли тѣ времена, когда подъ сельски кущи,
Къ богатымъ мудростью стекались неимущи;
Когда Орфеевъ голоса
Творили чудеса!

=

Гордися тѣмъ рѣка въ Россіи знаменита,
Что ты Державина внимаешь лирной звонъ!
Привѣтствуй шумомъ водъ, красой береговъ пѣта,
Что славу древнюю твою умножилъ онъ:
Что на брегахъ твоихъ воздвигнулъ Геликонъ;
И старость самая его мастита,
Намъ струнъ Софокловыхъ издастъ печальный стонъ!

А. А. Палицынъ.

1 Іюля 1809 года въ с. Поповкѣ.

ПИСЬМО А. А. ПАЛИЦЫНА

къ В. Н. Карамзину.

Прелюбезный другъ мой Василій Назарьевичь!

Не только Ник. Θед. и камеръ обскуръ, да естьлибъ я и самъ на что нибудь для васъ годился, то всевобъ и себя употребилъ. Найдемъ ли мы что пріятнѣе, какъ служить дружбѣ и способствовать благодарности? Когдабъ и подлинно я могъ тутъ чѣмъ нибудь способствовать, то яжебылъ бы и обязанъ; особливо что вы тѣмъ хотите познакомить меня съ почтеннымъ и любезнымъ человѣкомъ, какіе рѣдки и всегда, не только въ наше время. Простите, любезнѣйшій мой другъ! Слѣдуйте всегда вашимъ здравымъ правиламъ: избирайте и любите людей по себѣ, знакомьте ихъ, сближайте тѣмъ, чтобъ сказать вашимъ словомъ, все доброе; но притомъ терните и прощайте прочихъ; не взыскивайте на нихъ больше того, что они могутъ: не требуйте никогда великодушія отъ душъ малыхъ, ума отъ дураковъ, терпимости отъ фанатиковъ, безкорыстія отъ алтынниковъ и проч. и проч. вы вѣрно также предъохраните себя отъ ненависти къ людямъ, какіе бы несправедливости отъ нихъ неиспытали, какъ черезъ тридцать лѣтъ,

вашъ всескренной слуга и вѣрной другъ

Александръ Палицынъ.

Дайте мнѣ еще праздникъ васъ увидѣть; послѣ, можетъ быть, того ужъ долго неслучится. И случится ли? . . .

4 Іюля 1799 года въ Поповкѣ.

ЦѢНЫ ПРОВІАНТУ ВЪ ХАРЬКОВѢ ВЪ 1732 ГОДУ.

Таковъ посланъ 1732 года Февраля 14 дня рапортъ съ Харьковской полковой таможенной въ Бѣлгородскую Канцелярію о продажѣ провіянта и фуража, почему того вышеписаннаго числа продавалось муки ржаной, Россійскаго чтверть пшена и овса, такожъ и соли пудъ и сѣна возъ, о семъ значится ниже сего.

Понедѣльнаго торгу.

	Руб.	Коп.
Въ продажѣ муки ржаной четверть годной . .	—	70
Пшеничной муки четверть.	1	7
Пшеницы четверть	1	6
Пшена четверть.	1	30
Овса четверть.	—	25
Сѣна возъ.	—	44
Сѣмя четверть.	—	86
Ячменю четверть	—	34
Солоду ячнаго четверть	—	85
Гречи четверть	—	56
Муки гречаной четверть.	—	82
Гороху четверть	—	77
Лою (*) пудъ	—	60
Табаку пудъ.	—	59
Кабанъ кормленный.	1	—
Туша кабанья.	—	90

(*) Свѣчнаго сала.

	Руб.	Коп.
Сало кабанье пудъ	—	55
Соли пудъ.	—	26
Меду сѣраго (*) ведро	2	21
Меду сиченаго гарнецъ	—	4
Пива гарнецъ	—	2
Конопляпаго масла кварта	—	8
Добраго вина ведро.	1	51
Простаго вина ведро	—	80
Коровьяго масла пудъ.	—	78

Къ сему рапорту ралечной Степанъ Трофимовъ вмѣсто Головы Андрея Миронова сына Гуньки по его велѣнію подписалъ. Таковъ посланъ въ Бѣлгородъ 14 числа Февраля 1732 года.

УСЛОВІЯ ПОМѢЩИКА

СЪ УЧИТЕЛЕМЪ ЗА 40 ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

Изъ чернаго, писаннаго рукою Г-на Помѣщика.

1800 года Октября 7 дня, я ниже подъ писавшейся Прусской нацие Фридрихъ Лотъ обовязалъ ся сымъ контрактомъ отвступленія моего вдолжность жить годъ вдоме Харковского уезда у господина помещика Подполковника

(*) Разумѣется съ воскомъ, въ какомъ видѣ получается онъ изъ ульевъ. Въ продажѣ онъ дороже патоки. Подъ именемъ добраго вина, можно разумѣть виноградное. И всѣ этѣ цѣны *конечно* еще нѣсколько увеличены.

К. обучать зимніе мѣсяци дѣтей ево нѣмецкому язику Грамматическимъ правиламъ читать и писать й нйжнехъ класовъ Арефметйкй и за сиюмъ ево К. иметъ неусипное смотреніе за поведениемъ ево идоставлять всякое ему благонъравие какъ воспитанию благородному дитяти принадлежитъ безъ малейшаго упущения вестъ себя всегда трезво и добропорядочно какъ чесному человеку принадлежитъ быть для хорошово примеру впротивномъ же случае за несмотреніе мое или пянство и худыя поступки повиненъ я Лотъ отвечать по законамъ и по прохожденее зѣмнихъ месяцей мне Лоту за ево сиюмъ уже болея не смотреть и детей не учить а вступить мне вдолжность садовничию и старатца здѣлать два аглицкия сада завесть теплици цветнйкй и парнйки крития алей ранжирею и огородній поросаживать деревья и делать прививки колеровки и отводи самимъ искуснимъ образомъ по сей должности стараца не леностею делать приобретения разния размножению фруктозихъ деревьевъ, даби неусипнымъ рачениемъ моимъ и трудами заслужить могъ себѣ похвалу и награждене какияжъ до садовнаго искуства потребни будутъ инструменти и матеріялй тоже потребное число людей рабочихъ онъ К. долженъ по требованию моему дато мнѣ и определить учиниковъ двухъ о собую комнату для отаплевания которой на каждую недѣлю повозу дровъ для услуги женй моей дѣвчонку или женщину какую на ихъ одеждѣ а толко на моихъ харчахъ котория мне Лоту получить вгодъ отъ ево же К. пшеници пять и ржи четире крупъ одну пшена одну гороху одну овса двѣ четверти всего четирнадцать четвертей масла коровьево пудъ масла поснова ведро сала синова

два пуда соли два пуда свѣчного сала топленаго пудъ уксусу ведро наливки два ведра горячево вина три вѣдра солонины четыре пуда вичины пудъ свѣжаво мяса шесть пудъ и пристойное число крошева и свекли квашеной и годоваго жалованья сто двадцать рублей. За первую половину получитъ впередъ года а за вторую при окончаніи онаго и паспортъ свой вручитъ мнѣ ему К. буде же я хотя окажуся въ сихъ должностяхъ назнающъ и нерачительнымъ то вольно ему №. меня отпуститъ заплатя за тотъ термеля мнѣ жалованье что я проживу въ ево и всю провизію, а прочее все то, что я за служу.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ (*).

Посылаю къ вамъ то самое письмо Украинскаго нашего Философа, которое вы имѣть желали. Только оно не подлинное, а списанное *мною* съ подлинника предъ самымъ его отправленіемъ на почту въ Орелъ къ Тайному Совѣтнику Михаилу Ивановичу Ковалѣнскому. Я *тогда* (т. е. за полстолѣтія слишкомъ) сохранилъ не только правописаніе почтеннаго Сковороды; но сколько могъ, даже и почеркъ его. Вотъ почему нѣкоторые ошибались, почитая этотъ списокъ за подлинникъ. Такъ я о немъ и самъ слышалъ, потерявъ за давностію времени изъ виду и памяти все это обстоятельство. Почему вы вообразите мое удивленіе, когда я увидѣлъ мой списокъ въ рукахъ нашего Архипастыря — который столь благосклонно мнѣ предложилъ его для васъ.

Сковорода жилъ въ то время въ деревнѣ давно-умершаго моего отчима Коллежскаго Совѣтника Андрея Ивановича Ковалевскаго, Ивановкѣ, которая теперь принадлежитъ Г-ну Кузину. Тамъ его и могила. Она украсится достойнымъ памятникомъ, какъ обѣщалъ мнѣ Козьма Никитичъ, этотъ рѣдкой гражданинъ и *чрезвычайный* человѣкъ для всякаго добра общественнаго; тогда, можетъ быть, напишу я Біографію нашего мудреца, недостаточно въ разныхъ журналахъ помѣщенную, и то отрывками съ 1810 года; ибо съ сего года только начали догадываться, что мы *подъ чубомъ* и въ украинской *свиткѣ* имѣли своего Пиѳагора,

Оригена, Лейбница, подобно какъ Москва за 150 лѣтъ въ Посошковѣ своего Филанджіери, а Харьковъ нынѣ имѣетъ своего Іоанна Златоуста (но Карамзинъ запретилъ исторически говорить о живыхъ! . .)

Вашъ покорный слуга

Василій Каразинъ.

Харьковъ.

Маія 2 дня 1842 года.

Из Олшанскія Ивановки 1790. года. Сентемвр. 26.

Возлюбленный паче всѣх. человѣк. Михайле!

Мир. тебѣ. Муже Божественных. желаний!

Мати моя, Малороссія: и Тетка моя, Украина: посылаютъ тебѣ в дар: малорослую мою Дщерь Авигею: Икону Алківіадскую. Пріими Ее: и яко Давид, наслаждайся Ею. Она не Лицем: но Сердцем Красавица: и вся Слава Ея внутр' Ея. С' нею бесѣдуя: бесѣдуеш со мною. Сердце мое в. ней: а Ея во мнѣ. Она тебѣ породит Единаго точію сына: иже есть Истое Начало.

Род сей лицемѣрный, и сласто-Очесный, ругаясь нарыцает Бѣсною и Буйною. Аз же тя, прежде Юношу: нынѣ же обрѣтох тя Мужа по сердцу моему. Дія моя Дума, твоя ест': и твоя, моя:

Вотъ Единость! Любов'! Дружба! . . . .

Письмо сокращу. Не удерживаю от Бесѣды с Дѣвою Ею.

Тол'ко припишу: воспѣтую мною в' Хар'ковѣ Хар'кову Пѣсен'ку, в' Августѣ

Oratio ad Deum
in Urbem Zacharpolim:
Ex hoc Zachariæ Prophetæ grano:
* r. hi sunt Oculi Domini. . . . .

*
Zacharias Oculos septem tibi prædicat esse.

Septimus est Oculus: Zachariana Polis.
Hic Oculis septem, Tu. solus, Christe, Pupilla.
Cæci sunt Oculi: quando Pupilla latet.
O reclude tuos in Eam, miseratus. Ocellos!
Sic Sol verus erit: Zachariana Popis.

Сіи очи откроет Авигеа. в' Захаривском Свѣщникѣ. Tu Versus facies slawonicos.

Іаков мой к' сей моей. Дщерь простудился. Замарая в' ней и мое и кому поднесена Имя. Откуду сіе? не вѣм. Сего ради пересилаю к' тебѣ другу сей для него Списанный Список: Уживай, лутче его, себѣ сію твоего Лиценціата, Душу.

Аще Бог Помощ': во слѣд Авигеи, еще два мои сыночки, выправляют крилца: и думают к вам летѣт'. * Древный Мыр. (пишу ы at differat ab illo: мир) и * Михаил боряй Сатану. Они рожденны для тебе: и посвященны от самых Пелен святому твоему Духу. Окажет Пролог: Буд' же им Отец и Покров во вѣки! Но потерпим. Снимаются копіи.

Оригинал ли прислат'? Увижу. До Дщери случайно привязалася Ода Сидронія Езуиты. Благо же! На ловца звѣр', по Пословицѣ. Послѣ годовой болѣзни, перевел я Ее в' Хар'ковѣ: отлѣтая к' Матерѣ моей, Пустынѣ. Люблю сію Дѣвочку. Ей! достойна быт' в' числѣ согрѣвающих блаженну Давидову и Лотову Старост': оных: * Приведутся Царю Дѣвы. Прилагаю тутже, как хвостик, и закоснѣвшее мое к' вам писмишко Гусинковское. Нынѣ скитаюся у моего Андрея Иван. Ковалевскаго. Имам моему Монашеству полное Упокоеніе, лучше Бурлука. Земел'ка его ест' нагорняя. Лѣсами, Садами, Холмами, Источниками распещренна. На таком мѣстѣ я родился возлѣ Лубен'. Но ничто мнѣ

не нужно как спокойна Келіа: да наслаждаюся моею Невѣстою оною: * Сію возлюбих от Юности моея . . . . . О сладчайшій Органе! Едина Голубице моя! Бібліе! О дабы собылося на мнѣ оное. * Давид Мелодивно, выгравает дивно. На всѣ струны ударяет. Бога выхваляет. На сіе я родился. Для сего я[м] и пію: да с' нею поживу, и умру с' нею. Амин'! Твой друг и брат: слуга и раб: Григорій Варсава Сковорода Даніил Меінгардъ.

Число моих твореній. Лутчее значат Звѣздки.

1. Наркис. узна[й] себе. ⁂ Первородный Плод.
2. Симфоніа Библейных Слов сему: * Рѣх: сохраню пути.
3. Симфоніа: * Аще не увѣси самую тебе и пр. * * *
4. Неграмотный Марко. У Як. Правицкаго.
5. Алфавитъ Мира. * * *
6. Разговоръ Кол'цо *
7. Древній Мыр.
8. Жена Лотова. *
9. Бран' Михайлова со Сатаною. * *.
10. Ікона Алкивіадская. * * *
11. Бесѣда 1-я: нареченна Сіон.
12. Бесѣда 2-я: Сіон.
13. Бесѣда 3я: нареченна Двое. * *
14. Діалог: Душа и нетлѣнный Дух. У Правицкаго.
15. Притча: нареченна: Убогій Жайворонок. У Дискаго.

Переводы из Цицерона.

1. О старости * поднесена Степ. Ив. Тевяшову. из Плутарха.

2. О смерти.

3. О Божіем Правосудіи. *

4. О храненіи от Долгов. Дарена Алекс. Юр. Сошал'скому.

5. О спокойствіи Душевном. * Подн. Яков. Мих. Захарж.

6. О Вожделѣніи Богатства. Завезена в' Крим безъ списка.

7. Езуита Сідроніа Ода о Уединеніи. et cœtera.

У друга нашего: Бабайскаго Іерея: Іяк. Правицкаго: всѣ мои творенія хранятся. По мнѣ бы они давно пропали. Я удивился: увидѣв у его моего Наркисса и Симфон. аще не увѣси. Я Ее ожелчившися, спалил в' Острогорскѣ, а о Наркиссѣ на вѣки было забыл. Просите у Его. А я, не точію Апографи: но и Аутографи раздал, раздарил, расточил.

Non prodest Messis: nisi servet Cura fidelis.

Fons fundit largas: Testa reservat Aquas etc.

Post scripsi. При Авигеи пріимите и Алфавита сына. Так Дух велѣл.

И. Срезневский

ВЫПИСКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ ГР. САВ. СКОВОРОДЫ.

Пока еще такъ мало извѣстій собрано о литературной дѣятельности Сковороды, нельзя не дорожить всякимъ намекомъ объ этомъ. Авось либо когда нибудь и составится изъ этихъ намековъ, если не что бо́льшее, то, покрайней мѣрѣ, полный списокъ его сочиненій. Вотъ еще нѣсколько такихъ намековъ, выбранныхъ мною изъ писемъ Сковороды къ Бабаевскому священнику Іакову Правицкому:

— 1785 Окт. 3, изъ Маначиновки. — Въ «Postscripsi»: Si descripsisti novos meos jam libellos: remitte ad me Archetypa. Etiam illum meum Dialogum: quem per aliis laudare soles: simul cum Archetypis mitte. Descriptus, ad te remittet iter Deo volente. Dicat ille Dialogus: Марко препростый. —

Конечно, этотъ самый діалогъ помѣщенъ въ письмѣ, изъ Ольшанской Ивановки, подъ № 4; хоть онъ тамъ и названъ: неграмотный Марко. Объ этомъ же сочиненіи упомянуто и въ письмѣ 1786, Марта 30, изъ Маначиновки: — Пришли, Дру́же, такожде разгово́р. наре́ченный: Ма́рко пре́простый. Он возврати́тся паки к' тебѣ. Про́тчія же: яко же тебѣ угодно: или ны́нѣ: или возмутся тогда: когда к вам прі́йду . . . . . —

Въ слѣдующемъ письмѣ опять о немъ же и о *Лотовой женѣ*.

— 1786. Апр. 25. изъ пустыни Маначиновскія: — Не печи́ся о разговорѣ Ма́ркѣ. Онъ всегда́ есть' ваш: и возврати́тся в' твою книгонра́нку. Лотову жену, хо́чется докончать. Однак привезу́ («привезу», а изъ этого Г. Хиждеу сдѣлалъ «принесу», впрочемъ прочесть еще можно) с' собо́ю: да напи́санное вы́пишите. Что бо мнѣ есть любезнѣе на небеси, или на землѣ: точію поучатися Святы́нѣ? в' сей еди́ной, да живу́, и умира́ю. По ма́лу — ма́лу отходим от тлѣни плотскія: яже есть' блаженная и вседневная смерть': и приближаемся ко Гду: иже есть' Стыня, Кефа и Вскрсніе ныне. Что убо есть' блаженнѣе жизни нашея: наней-же собыва́ется о́ное: * Положу́ Стропотная ихъ во гладкая . . . . . * Окрыла́тѣют яко Орлы́: потекут и не утрудятся . . . . Виждь Діатрібу мою, Друже! Діатреви́ Еллински нарицается то: чем кто гла́вно жизнь' свою за-

бавля́ет. Вот Діатріба Давидова! * Поглумлю́ся в' запов. твоих. Вот Па́влова! * Мнѣ бо еже жи́ти: Хрстос . . . . . Вот Лукина́ и Клео́пы! * Ка́ко глют, Его́ быти жи́ва? . . . О О Вскрсніе! о оное Вскрсніе! Мы́ру невѣ́руемое. Кол' услажда́еши сердце мое! Блжен узрѣвшіи с' наперснико́м красоту́ твою. Ялу́щій тя, еще взя́лчет . . . . Сіе глю того ради, яко доканчавая жену Лотову: наслажда́тися има́м, но́ваго вина́, с' нови́м мои́м Лото́м Хрстом Іисусо́м: имѣя обруче́ніе с' ни́м во Вѣрѣ Бжіей. —

(О *Лотовой женѣ* упоминается и въ приписк'ѣ къ письму).

— 1787 Январ. 18. изъ Гусинки: — Прости́, любезный: что солга́л я присла́т' вам жену́ Ло́тову. Весною хощу́ вас посѣти́т', аще Бгу угодно и привезу́. Аще же: дайте знат': тотчас перешлю́. В' зимних трусостях может она потеря́ться. Тѣм не даю́ чрез Григо́рія Юріевича. Не печальтес'. Она всегда у вас. Другое то, что весною въ пустын'ѣ мо́жно поду́мать об оконча́ніи ся. а зима́ безгодна. Я и сіе с' ну́ждою пишу́. —

(Слѣдующее письмо тоже о *Лотовой женѣ*. Выписываю его вполнѣ, потому, что самъ Сковорода называетъ его предисловіемъ къ этому же сочиненію:)

Из Гусинки 1787-го года: Марта 6 дня.

Любезный во Хрстѣ
Отче и брате и Дру́же Ія́кове:
Весели́ся во Го́сподѣ!

Пришлите мнѣ Симфонію: Аще не увѣси са́мую тебѣ.... Переписа́в: па́ки отошлю к' ва́м. Посылаю к' вам жену́ Лотову. Побесѣ́дуйте во Хрстѣ с' не́ю. Она́ чи́стая чистым: и сей кумир ест' плодоносный вѣрны́м Бжіим. На нейто исполня́ется: от ка́меня воздвигнути чада Авраа́му...

Она́ не доведена́ до конца́. Но кто́ дождётся конца в' при́сно-теку́щем истóчникѣ? А что я сказа́л, обѣщая оконча́ніе: сіе каса́ется до кни́жечки начатой мно́ю, не до жены. Сія кни́жечка учит: как — ли читат' подобает Священное пис'мо? Аще един глаго́л Бжій уразумѣется: тогда вес' хра́м Соломонов, ест' свѣтел. Во примѣръ сему взял я сіе: * Поминайте жену́ Ло́тову. И толкуя сіе Слово: возмути́л всю Св. Писа́нія купѣл'. Да уразумѣют спящіи на библіи: или с' Паулом сказат': почивающіи на зако́нѣ: яко не многочте́ніе дѣлает нас му́дрыми но многожваніе принудило сказат' сіе: како сей вѣст' кни́ги, неучи́вся? И да позна́ют: яко еди́н день в тысящѣ, и вопреки: 1000 глаго́ловъ Бжіих: во еди́ном глаго́лѣ сокры́ва́ется. Ны́нѣ же со жено́ю кровоточи́вою: мно́го жерýт: для единыя Дисенте́ріи: и нѣст' им челвка: могу́щаго приложит' им Вкус плюнове́нія: жва́нія и преломле́нія онаго: * зубы Его, паче Млека́. * Познася и́ма в преломле́ніи... Все даст вкус свой: и зве́зды в сокровищахъ своих блеснут: аще есмы́ от числа́ оных: * Израил толча́ше Ма̀нну в ступах. Во блаженное число́ сих люде́й, да впишет Хрстосъ всѣх нас! желаю, ваш всейскренній брат, и нижайшій слуга̀:

Григорій Сковорода.

Postea scripsi.

Да наречéтся же сія книжечка: Женòю Ло́товою! Предисловіем же да будет, сіе мое к тебѣ писмò. О возлюбленный Дру́же! Тебѣ сію невѣсту безневѣстную: и чи́стую голубицу в дар привожду пе́рвому: и тебѣ обручаю, именем Гда Ншего Іису́са Христа̀! Про́тчее при переписк'ѣ, повелѣвай

наблюдать ортографію. Паче же всѣ Ея листы хранить от нечистоты. Цѣлуй Любезнаго Наемана Петровича: и всю ншу братію. Мир въ днех нших. Амин'!

(На томъ же листѣ и надпись:)

Господину моему
Іерееви, Іякову Правицкому
в' Бабаях.

— 1787 Окт. 7. изъ Гусинки .... — Вы, снится мнѣ, переписали Михайлову борбу. и паки требуете? Обаче посылаю.. Негли обрящете: чего ваша перепис' не образует. Не медлите же много. Обаче чрез невѣрныя руки не! не! не!

Эта *Михаилова борба* въ спискѣ письма 1790 Сент. 26. названа: бран' Михайлова со сатаною (№ 9).

— 1788 Авгу. 4. изъ Гусин. Скрынницк. пустыни..... — Вот вам по желанію вашему Херувимскія пѣсни Paraphrasis!

Тайновидным Херувивам сообразны
И животворящей Тройцѣ пѣсн' принося:
Видимый сей вес' мыр. извержим из сердца:
Да вмѣстим невидимый: и Его Цря!
Окружаемаго и стрегома тмами,
Копіеносных Херувим и Серефим.
Аллилуя. Алил. Алил.

Дорофорео; есм' копіеносным лейб-гвардером. Дорофоруменос сирѣч': окружен копіеносною гвардіею: или строем. Дориносима ест' Пол. Грека: а Пол Славяна. —

—

Къ этому прибавлю еще замѣчаніе о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Сковороды, пропущенныхъ въ письмѣ 1790 Сент 26.

— *О древнемъ Зміи или Библіи.* Списокъ сдѣланъ Священникомъ Ѳеодоромъ Залѣскимъ, 1763 года Декабря 10 дня, и хранится теперь въ библіотекѣ Харьковскаго Университета.

— *Начальная дверь ко Христіанскому добронравію.* Написана въ 1766мъ году для молодаго шляхетства Харьковской Губерніи, а обновлена въ 1780мъ году. Списокъ современный хранится у меня.

— *Садъ Божественныхъ пѣсней прозябшій изъ зернъ Священнаго писанія.* Въ моемъ спискѣ помѣщено 28 пѣсень. На нѣкоторыхъ означены годы, когда какая была сложена: 1я сложена 1757 лѣта; 14я древняя Малороссійская: о суетѣ и лести мірской — обновлена въ 1782 лѣтѣ; 24я — Римскаго пророка Горація претолкована Малороссійскимъ діалектомъ въ 1765 году (Etiam Divos rogat); 25я — Отцу Гервасію Якубовичу отходящему изъ Переяслава въ Бѣлгородъ на Архимандритскій и судейскій чинъ въ 1758 годѣ; 26я—Епископу Іоанну Козловичу, входящему во градъ Переяслав. на престолъ Епископскій съ 1758; между пѣснями 26 и 27ю помѣщена мелодія — Carmen (по Русски и по Латыни) на образъ зачатія Пречистыя Богоматери, воображена (сія мелодія) 1760 года. Въ спискѣ, принадлежавшемъ Профессору Е. М. Филомафицкому, еще прибавлены пѣсни 29 и 30; надъ 29й подписано, что она сложена 1788 года Сентемрія 17 дня: въ селѣ Велик. Бурлукѣ.

— *Харьковскія басни.* Списокъ хранился у Профессора Филомафицкаго. Тамъ въ баснѣ 20 (Олень и Верблюдъ сдѣлана приписка: Сія басня писана въ Свѣтлое воскресенье по полудни 1774 года въ Бабаяхъ. Да и всѣ басни

посвящены Правицкому письмомъ 1774 года на канунѣ Пятдесятницы; а Афан. Панкову посланы были 30 басней еще въ 1762 году Марта 4, изъ Сѣшсанской пустыни.

Не странно ли, что въ спискѣ письма 1790 года Сент. 26. не упомянуто ни объ одномъ изъ этихъ сочиненій, между тѣмъ какъ онѣ писаны между 1767 и 1785.

Кромѣ того не нахожу въ томъ спискѣ сочиненій еще нѣкоторыхъ:

— *Двухъ проповѣдей*: 1. Убуждшеся видѣша славу его, и 2. Да лобжетъ мя отъ лобзаній устъ своихъ.

— *Притча Еродій*, Въ ней разглагольствуетъ обезьяна со птенцомъ Еродіевымъ о воспитаніи.

— Толкованія изъ Плутарха: *о тишинѣ сердца.*

— Разговора: *Пря бѣса съ Варсавою.*

Нѣкоторыя изъ нихъ должны быть также отнесены ко времени до 1790 года. Я не упоминаю о другихъ, которыхъ я не читалъ.

—

Ворочаюсь опять къ письмамъ. Онъ писалъ ихъ много, писалъ большею частію къ людямъ, съ которыми любилъ бесѣдовать о предметахъ, занимавшихъ его умъ и сердце, которыхъ уважалъ и которыми самъ былъ уважаемъ, корые слѣдили его мысли и цѣнили его письма, какъ и отдѣльныя сочиненія. Вотъ почему между письмами Сковороды очень мало такихъ, въ которыхъ говорится только о случайностяхъ, незанимательныхъ для постороннихъ: вотъ почему списывали и ихъ, какъ и другія сочиненія: вотъ почему наконецъ любопытно было бы сколько нибудь полное собраніе ихъ, какъ сокращенный перечень если не всѣхъ, то покрайней мѣрѣ главныхъ его мыслей. Бу-

демъ ждать этого, а между тѣмъ вотъ нѣсколько отрывковъ изъ писемъ:

Самое старое изъ писемъ Сковороды мнѣ извѣстныхъ есть то, которое помѣщено передъ его книжкой *о древнемъ змiѣ* или *Библiи*. Оно писано къ какому-то Высокородію и во всякомъ случаѣ до 1763 года, когда это сочиненіе было списано Св. Ѳ. Залѣсскимъ. Въ немъ читаемъ между прочимъ:

«Училъ своихъ друзей Епикуръ, что жизнь зависитъ отъ сладости и что веселіе сердца есть то животъ человѣку. —Силу слова сего люди не раскусивъ во всѣхъ вѣкахъ и народахъ обезславили Епикура за сладость и почти самаго его пастыремъ стада свинаго, а каждаго изъ друзей его величали Epicuri de grege porcus. Но когда жизнь отъ сердечнаго веселія, а веселіе отъ сладости, тогда откуду зависитъ сладость, услаждающая сердце? изъясняетъ боговидецъ Платонъ: нѣсть сладчае истины. А намъ можно сказать, что въ одной истинѣ живетъ истинная сладость, и что она одна животворитъ и куражитъ владѣющее тѣломъ нашимъ сердце. И не ошибся нѣкій мудрецъ, положившій предѣломъ между ученымъ и неученымъ предѣлъ: мертваго и живаго . . . . Видно что жизнь живетъ тогда, когда мысль наша, мня истину любить, изслѣдуетъ тропинки ея и встрѣтивъ око ея торжествуетъ и веселится симъ незаходимымъ свѣтомъ. Жизнь есть плодоприношеніе прозябшее отъ зернъ истины, царствовавшія въ сердцѣ ихъ.

«Дѣтское есть сіе мудрствованіе, обличающее наглость и непостоянность блаженныя натуры, будто она когда-то

и гдѣ-то дѣлала то, чего теперь нигдѣ не дѣлаетъ и впредь не станетъ.

«Всякая мысль подло какъ змія по земли ползетъ, но есть въ ней око голубицы взирающее выше потопныхъ водъ на прекрасную ипостась истины.

—«Изъ письма къ Іякову Правицкому изъ Маначиновки 1785. года Окт. 3. можемъ взять образецъ Сковородиной Латыни:

—«Omnia prætereunt: sed Amor post omnia durat.
Omnia prætereunt: haud Deus haud et Amor.
Omnia sunt aqua. cur in aqua speratis Amici?
Omnia sunt Aqua. sed Portus Amicus erit.
Hac Kephâ tota est fundata Ecclesia christi.
Isthæc et nobis Képha sit atque Pétra. etc.

Поздравляя съ новымъ годомъ, Сковорода писалъ къ Правицкому, 1787 года Янв. 18 изъ Гусинки:

Дх прав обновй во утробѣ м. Аще кто не имѣет нóваго сердца: тому весь мыр' ест' Вéтха Вéтош'. Аще чія Дша тýжит: тому вес' мыр плáчет. Аще чіѣ сéрдце мýчится и страждет: тому вес' год без праздника. Аще чій Дх отчаяніе[м] оледенѣл: тому вес' год без весны. Аще чій смысл мертвый: тому вес' Вѣк без живота. О любезный мой Друже Іякове! Изблюймо ветхій квасъ мырскій. Стяжим нóвое Сéрдце. Облещймся въ одежду нóвыя нетлѣнныя Надежды: во утробу Братолюбія. Тогда на[м] вся тварь просвѣтится: вес' мыр взыграет и возскачет. Будет нам всяк Ден' Велик-Ден'.

Мысль о любви очень часто оживляла слово Сковороды. Вотъ и еще Латин. стихи изъ письма его къ тому же Правицкому 1788 авг. 4.

Corpore sum procul a Vobis: at corde propinquus.
Cor est in nobis, vera columba Noë.
Nil est tam mirum: quam sancti cordis abyssus.
Tunc est Sanctum: cum se modo magnificat.
Omnia sunt foenum, furfur: sunt pulvis et umbra.
Omnia prætereunt. Corde perennis homo.
Purum cor in Amore manet: sed Amor stat in hocce
Ast Amor hic, Deus est. Ergo perennis homo.
O homines! Cur oceanum: cur astræ stupetis?
Ite! redite domum! Noscite vos! Sat erit. Amen!

—

Въ 1835 году въ Телескопѣ, журналѣ впрочемъ занимавшемъ по справедливости одно изъ самыхъ блестящихъ мѣстъ въ нашей журналистикѣ, была помѣщена статья о Сковородѣ (№ 5 и 6) въ которой хоть и очень хорошо выказывается умъ и начитанность автора, А. Ѳ. Хиждеу, но которая тѣмъ не менѣе, не смотря на всю свою занимательность, оболгала Сковороду. Ему приписано тамъ много такихъ мыслей, которыхъ онъ и имѣть не могъ, а между тѣмъ читатель убѣждается ссылками на сочиненія и письма Сковороды. Нѣкоторыя изъ ссылокъ я повѣрялъ, и въ подлинникахъ не находилъ вовсе того, что авторъ тамъ начитывалъ, или что оттуда выписывалъ; послѣ того и о другихъ я не могъ не сомнѣваться. Такъ между прочимъ упоминаетъ авторъ о трехъ письмахъ Сковороды къ Архіепископу Георгію Конисскому: одно отъ 1769 Іюля 29 изъ Нѣжина, другое изъ Бурлука отъ 1789 Маія 5, и третье, безъ числа (№ 5 стр. 20). Не знаю, велъ ли Сковорода переписку съ Конисскимъ, — можетъ быть и велъ; едва ли впрочемъ могъ онъ написать

къ нему: «Меня хотятъ мѣрить съ Ломоносовымъ. и говорятъ обо мнѣ: какая онъ малость! какая онъ низость! Будто бы Ломоносовъ есть казенная сажень» и пр. О письмѣ 1789 Маія 5, Хиждеу говоритъ вотъ что: «Помни послѣдняя; помню и исповѣдуюся тебѣ, Господи»: такъ называется сочиненіе Сковороды, которое есть родъ автобіографической его записки. Оно написано по желанію Архіеп. Георгія Конисскаго въ видѣ письма къ нему отъ 8 Маія 1789 года изъ Бурлука (№ 5 стр. 12). Точно ли писалъ Сковорода сію записку? Могъ ли не сообщить онъ ее Правицкому, Курдюмову, или кому другому изъ своихъ любимцевъ? Если сообщилъ, то отчего никто о ней незнаетъ? Если же не сообщалъ, то откуда могъ достать ее Хиждеу, писавши статью въ Харьковѣ, и не имѣя никакихъ средствъ пользоваться бумагами Конисскаго? Во всякомъ случаѣ, до тѣхъ поръ пока не явится на свѣтъ вся эта записка, можно безъ грѣха считать ее не существующею. Кстати еще вопросъ: читалъ ли кто нибудь сочиненіе Сковороды: *Книжечка о любви до своихъ, нареченная Ольга Православная* (№ 6 стр. 156) или *разговоръ его о внутреннемъ человѣкѣ и симфонію о народѣ?* (№ 6. стр. 167).

Не могу однако не сознаться, что статья Хиждеу о Сковородѣ есть самая ученая изъ всѣхъ, доселѣ написанныхъ, и для всякаго посторонняго читателя не можетъ не показаться очень занимательною. Жалѣю самъ о себѣ, что не могу ее читать такъ, какъ читалъ или прочтетъ тотъ, кто не могъ быть знакомъ съ сочиненіями самаго Сковороды.

И. Срезневскій.

РѢЧЬ,

говоренная Августа 31 дня 1802 года въ Собраніи Харьковскаго Дворянства Депутатомъ его, Коллежскимъ Совѣтникомъ В. Н. Каразинымъ, испросившимъ Высочайшее соизволеніе на основаніе въ городѣ Харьковѣ Университета.

Благодарность! Она будетъ предметомъ, которымъ я Васъ занять осмѣливаюсь, благородное и высокопочтенное собраніе. Она наполняетъ мое сердце. О, ежели бы я могъ излить изъ него чувствованія съ тою силою, которая убѣждаетъ души, которая дѣлаетъ истину торжествующею.

Пріятно возвращеніе въ свою отчизну: и дымъ отечества сладокъ! — Если дикій Гренландецъ, не бывъ прельщенъ цвѣтущими полями Европы, ни великолѣпными ея зданіями, ни блескомъ роскоши, съ восторгомъ лобызаетъ замерзшій морской берегъ, который есть его отечество; ежели жестокость природы не могла его отвратить отъ климата, его воспитавшаго: то каково должно быть удовольствіе человѣка, возвратившагося подъ благотворный небосклонъ, который былъ свидѣтелемъ игръ и утѣхъ его дѣтства — изторгнувшагося изъ шума столицъ, коего мирное его сердце всегда ужасалось, въ страну, которую привыкъ онъ почитать Эдемомъ, обиталищемъ невинности и дружбы и спокойствія? — ... Таковы были мои чувствованія, Милостивые Государи! таковы бываютъ онѣ каждый разъ, когда удается мнѣ навѣщать благословенные Небомъ и землею наши предѣлы. Но сколь возвышены

онѣ обстоятельствами нынѣшняго времени! Я имѣю счастіе быть возвѣстителемъ воли благодѣтельнѣйшаго изъ Монарховъ. Мнѣ позволено сказать Его устами, что подвигъ, предпринимаемый нашимъ обществомъ, пріятенъ Ему; что онъ съ свойственною Ангельской душѣ Его милостію ожидаетъ исполненія нашихъ донесенныхъ Ему обѣтовъ Государству. Сіе чувствованіе радости и надежды, упоявшее меня уже при посѣщеніи края моего рожденія, угодно было вамъ усугубить благосклоннѣйшимъ пріемомъ, котораго вы меня удостоили въ первое собраніе, когда я представилъ вамъ предначертаніе того учрежденія, коимъ вы хотите украсить свою страну — отличить ее въ пространной Россіи. Позвольте, М. Г. изъявить вамъ глубочайшую и совершенную Мою благодарность. Не увѣряю васъ, что умѣю ее чувствовать и цѣнить ваше благоволеніе. Вся жизнь моя посвящена будетъ на доказательства въ томъ. Она принадлежитъ моему отечеству, но въ особенности краю, который былъ отечествомъ для понятій моей юности; ибо чувствованія, признаться должно, ослабѣваютъ по мѣрѣ обширности предметовъ. По слабости человѣческой природы ищутъ онѣ стѣснить кругъ, который обнять имъ должно. Сверхъ того, кто я, что бы смѣть мнѣ вообразить, будто дѣятельность моя когда либо можетъ имѣть примѣтное вліяніе на все обширное мое отечество? Блаженъ уже стократно, ежели случай поставилъ меня въ возможность сдѣлать малѣйшее добро любезной моей Украинѣ, которой пользы столь тѣсно въ понятіи моемъ сопряжены съ пользами исполинской Россіи. Такъ, М. Г., я смѣю думать, что Губернія наша предназначена разлить вокругъ себя чувство изящности и просвѣщеніе.

Она можетъ быть для Россіи то, что древніе Аѳины для Греціи. Мѣстное положеніе дѣлаетъ ее средоточіемъ полуденныхъ, плодороднѣйшихъ земель. Богатство собственныхъ произведеній — сіе богатство, котораго по недостатку водяныхъ путей не можемъ дѣлить съ мѣстами, менѣе плодоносными въ Россіи, — призываетъ къ намъ людей, которые наслаждаясь нашими благами, раздѣляя ихъ съ нами, дали бы намъ въ замѣну вкушать плоды своего ума, своего искуства, своихъ промысловъ. Извѣстны способности единоземцевъ нашихъ: — въ столицахъ привыкли почитать таланты природнымъ нашимъ достояніемъ. Благотворенъ нашъ воздухъ, кротокъ нашъ климатъ, удобенъ прельстить самыхъ иностранцевъ, которыхъ мы пригласимъ къ себѣ. Земля представляетъ величайшую готовность для заведеній всякаго рода — науки и художества водворятся въ нашей отчизнѣ; онѣ почтутъ ее своею собственною; онѣ воспомянутъ священную для нихъ Грецію, которая начально передала ихъ полуденному краю Россіи въ то время, когда прочая Европа утопала еще въ невѣжествѣ и варварски лила кровь народовъ; онѣ въ забвеніи восторга скажутъ: «Греція, отечество наше, намъ возвращена!» Я полагалъ, М. Г., что отъ насъ Имперія будетъ заимствовать златоустыхъ наставниковъ въ Словѣ Божіемъ и правахъ; что мы дадимъ ей просвѣщенныхъ изъяснителей воли царской; что мы посадимъ мудрость въ судахъ; что купцы, желающіе отличиться въ промыслѣ своемъ и быть достойными совмѣстниками иностранныхъ, придутъ почерпать у насъ познанія, что отъ насъ изыдутъ Витіи, Стихотворцы прославить добродѣтель и благословенное нынѣшнее Правленіе; что мы доставимъ воспита-

телей Россійскому юношеству; что мы умножимъ число Врачей, которыхъ одно приближеніе къ одру страждущаго даетъ надежду и отраду; что ученые, измѣряющіе теченіе свѣтилъ небесныхъ и силу природы, у насъ будутъ образоваться. Я смѣлъ еще мечтать, что необыкновенное стеченіе украситъ, распространитъ сей городъ и зависящіе отъ него — наполнитъ ихъ всѣми утѣхами, свойственными Просвѣщенному обществу; что богатства всѣхъ краевъ Россіи польются къ намъ рѣкою; что изобиліе и радость будутъ имѣть у насъ вѣрное прибѣжище; что мы прославимся въ единоземцахъ, друзьяхъ, чадахъ нашихъ; что мы покажемъ собою примѣръ, который воспламенитъ къ подражанію; что благодарность, должная дань сердецъ нашихъ высокому нашему Благотворителю, воздвигнетъ памятникъ, несравненно тверже мрамора и мѣди — памятникъ свѣтозарный, на который всегда съ признательнымъ удивленіемъ будетъ взирать потомство. Благодарность, сіе чувство, предметъ моего слова, обязываетъ насъ къ засвидѣтельствованію ея предъ лицемъ свѣта. И чѣмъ можемъ мы достойнѣе воздать оную Ангелу щедротъ и милостей, который нынѣ владѣетъ нами? Самъ онъ въ нѣкоторой части пожертвовалъ намъ возвращеніемъ правъ, которыя время начало уже заглаждать, — которыхъ паденіе въ пользу сокровищъ Его столько разъ было близко. И мы ли не вознаградимъ Его? Мы ли дадимъ поводъ всей Сѣверной Россіи возопить: «неблагодарные! скудны поля наши; «мразъ воспрящаетъ у насъ произрастить плодамъ Цереры; «въ потѣ лица денноночно трудясь, приносимъ мы Госу- «дарству дань, отъ которой вы свободны, — и вы, кото- «рыхъ лелѣетъ Природа; вы, которымъ дастъ она всѣ

«средства превзойти насъ, — вы не хотите и сравняться «съ нами; вы отрицаетесь воспользоваться счастливымъ «вашимъ положеніемъ, драгоцѣннѣйшимъ взоромъ Монарха, «обращеннымъ на васъ — вниманіемъ столицъ, кои, внявъ «намѣренію вашему, ожидали событія!»

Простите, М. Г., дерзновеніе мое: самыя сіи мысли подкрѣпленныя убѣжденіями, занятыми отъ надежды, которую я имѣлъ на благородное наше общество, обнаружилъ я и предъ Августѣйшимъ Монархомъ. Исполнители Его человѣколюбивыхъ и мудрыхъ велѣній увѣрили меня, что пріятно ему было назначить Украину средоточіемъ просвѣщенія, долженствующаго излиться на сопредѣльныя Губерніи. Высокопочтенное Собраніе! неужели обвините вы меня за высокія мысли, которыя отъ юности моей питалъ я о странѣ нашей? неужели найдете вину мою въ смѣломъ изъясненіи готовности благонамѣреннаго, всегда усердіемъ отличавшагося сословія, въ кругу котораго имѣю честь говорить теперь? Воля ваша, изображенная въ отзывахъ, которыхъ я былъ удостоенъ, не должнали была уполномочить меня дѣйствовать предварительно? Не долженъ-ли я былъ съ удостовѣреніемъ предстать предъ отцевъ семейства, когда я имъ сказать могъ, что желаніе благотворительнѣйшаго Монарха сходствуетъ съ ихъ желаніемъ— предъ друзей своего края, чувствующихъ въ полной мѣрѣ все его достоинство? Представлю ли вамъ еще, что я не имѣлъ въ виду ничего, кромѣ блага отечественнаго и выгодъ нашей земли, кромѣ славы благороднаго сего общества предъ лицемъ Просвѣщеннѣйшаго изъ Владыкъ земныхъ, поставившаго просвѣщеніе народа одною изъ первыхъ своихъ обязанностей,—славы въ очахъ пространной

Россіи, въ очахъ Европы цѣлой, которая должна свѣдать, къ какимъ пожертвованіямъ способно дворянство Слободской губерніи! Представлю ли вамъ, что я не столько низокъ въ душѣ, судя по моимъ понятіямъ, по самому политическому моему положенію, чтобъ питать намѣренія личности, внѣ которой я рѣшительно себя поставилъ при вступленіи моемъ въ общество?

Отъ васъ зависитъ теперь, Высокопочтенное Собраніе! оправдать меня или предать стыду и отчаянію. Здѣсь предстою предъ вами въ лицѣ вашего друга или преступника.

КОПІЯ СЪ ПРОТОКОЛОВЪ

ДВОРЯНСТВА И КУПЕЧЕСТВА

ПРЕДЪ ОСНОВАНІЕМЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

1802 *года Сентября* 1 *дня.*

I.

Слободское Украинское Дворянство, исполненное чувства вѣрноподданической благодарности къ Его Императорскому Величеству, увѣрено бывъ, что оно ничѣмъ достойнѣе и торжественнѣе изъявить оную не можетъ, какъ ревнуя содѣйствовать мудрому и человѣколюбивому Его промыслу о народѣ своемъ, подобному промыслу Всевышняго; Дворянство, обративъ вниманіе на положеніе своего края, на нужды тяготящія его среди природнаго изобилія, на представляемыя имъ удобности къ заведеніямъ разнаго рода, предметомъ своимъ избрало просвѣщеніе, и полагаетъ учредить въ Губернскомъ своемъ городѣ Университетъ. Существованіе его, сопровождаемое благотворнымъ вліяніемъ наукъ на весь полуденный край Россіи, опредѣлено увѣ-

ковѣчить неоцѣнимыя къ намъ милости возлюбленнѣйшаго изъ Монарховъ. Сей Университетъ долженъ вмѣщать въ себѣ девять Отдѣленій, какъ то: Отдѣленіе общихъ познаній, которое есть пріуготовительное къ прочимъ, и соединенное съ нимъ Отдѣленіе пріятныхъ искуствъ, Отдѣленіе Богословское, Отдѣленіе Гражданскихъ познаній, разумѣя въ томъ числѣ Экономію и Комерцію, Отдѣленіе военныхъ познаній, Отдѣленіе врачебныхъ познаній, Отдѣленіе Гражданскихъ искуствъ, Отдѣлеціе высшихъ наукъ и Отдѣленіе изящныхъ художествъ. Такимъ образомъ всѣ роды познаній соединены быть имѣютъ въ семъ высшемъ Училищѣ, и слѣдовательно будетъ оно готовить людей по всѣмъ родамъ Государственнаго и Общественнаго служенія. Оно должно имѣть подъ вѣденіемъ своимъ и двѣ школы для людей низшихъ состояній: имянно же школу сельскаго домоводства и школу ремеслъ и рукодѣлій. Какъ расположеніе сихъ школъ, такъ и вообще образованіе планамъ Университету сходственно предначертанію представленному 20 Августа, сіе собраніе ввѣрено будетъ Коммисіи Университета, которая составится немедленно по избранію Дворянства, на первой случай изъ трехъ членовъ. Для положенія основанія сему Университету и во обезпечиваніе содержанія навсегда, Слободское Украинское Дворянство, полагаетъ взнести изъ дворянскихъ имѣній сей Губерніи четыреста тысячь рублей, разумѣя въ семъ числѣ опредѣленную уже по взносу и частію собранную сумму сто тысячь рублей, расположивъ остальныя триста тысячь рублей, (въ числѣ коихъ нижеозначенныя шестьдесятъ шесть тысячь девять сотъ рублей, должны почитаться принадлежащими къ наличнымъ) на шесть лѣтъ. Упомя-

нутою суммою признаютъ Украинскіе Дворяне себя должными Государству отъ сего дня; но симъ не ограничитъ ревность свою къ пользѣ общей, коль скоро благоволеніе Монарха осчастливитъ начало сего ихъ заведенія. Съ тѣмъ вмѣстѣ, поелику обширность Университета не совмѣстна съ возможностію одной Губерніи, и польза отъ него происходящая разлиться должна на всѣ ей сосѣдственныя и сопредѣленныя, между прочимъ и потому, что Университетское ученіе будетъ довершать воспитаніе юношей выходящихъ изъ Губернскихъ училищъ, то Слободское-Украинское Дворянство полагаетъ пригласить къ усугубленію назначеннаго имъ капитала Губерніи: Курскую, Орловскую, Воронежскую, Новороссійскую, Полтавскую и Черниговскую. Оно полагаетъ пригласить къ сему же Гражданъ другихъ состояній въ Слободской Украинѣ, испросивъ на все сіе позволеніе Всемилостивѣйшаго Государя Императора. На сей конецъ поручаетъ оно Депутату своему, Коллежскому Совѣтнику Василію Назарьевичу Каразину, въ сходство настоящаго положенія, отъ имени Дворянъ здѣлать всеподданнѣйшее представленіе. —

Подлинной подписали: Губернскій Предводитель Дворянства и Слободскіе Украинскіе Дворяне. —

II.

1802 года Сентября 1 дня мы, нижеподписавшіеся Харьковскіе купцы и Граждане, бывъ въ городской Думѣ въ Собраніи, слушали полученное отъ Господина здѣшняго Губернскаго Предводителя Дворянства, отношеніе, коимъ приглашаетъ онъ насъ участвовать въ составленіи суммы

для предполагавшаго здѣсь Университета, на основаніе котораго уже и Высочайшее соизволеніе послѣдовало. Видя въ учрежденіи семъ, независимо отъ благихъ тѣхъ вліяній, какія произведетъ просвѣщеніе на жителей, явное благотвореніе сему городу, яко то: умноженіе его населенности, распространеніе торговъ и промысловъ, необыкновенное приращеніе въ оборотѣ денегъ, и тому подобныя выгоды, Гражданство почитаетъ съ своей стороны обязанностію соревновать благородному обществу Дворянъ сей Губерніи въ вѣрноподданической благодарности Всемилостивѣйшему Государю и, единодушно по силамъ своимъ, опредѣляетъ: 1-е, взносить въ пользу Университета въ продолженіе десяти лѣтъ, начиная отъ сего числа, сумму, равную государственной подати платимой съ капиталовъ, то есть, по одному проценту съ четвертью ежегодно. 2-е, Симъ не ограничиваетъ себя Гражданство Харьковское, но въ продолженіи времени по мѣрѣ, какъ благосостояніе города умножаться будетъ, можетъ онъ увеличить нынѣшнее положеніе или прибавить число лѣтъ, а сверхъ того достаточнѣйшіе изъ купцовъ конечно будутъ готовы на частные взносы, зависящіе отъ произволенія каждаго. 3-е, какъ откупная винная въ пользу горожанъ по указу 1783 года Мая 3 дня пожалованная сумма представляетъ за всѣми городскими потребностями нѣкоторое излишество, а вмѣстѣ съ торговлею имѣетъ умножаться и способы къ собиранію доходовъ городскихъ то Гражданство полагаетъ просить Его Императорскаго Величества о Всемилостивѣйшемъ соизволеніи на то, чтобъ половина сей суммы на все послѣдующее отъ нынѣ время предоставлена была въ

пользу Университета же, для того и уполномочиваетъ оно Депутата избраннаго Дворянствомъ, Господина Коллежскаго Совѣтника Василія Назарьевича Каразина, всеподданнѣйше представить о семъ Августѣйшему Государю Императору. 4, равнымъ образомъ, ежели Воли Его Императорскаго Величества угодно будетъ, и накопившаяся отъ 1781 года по нынѣ таковая жъ сумма состоящая отчасти въ наличности, отчасти розданная заимобразно, да предоставится въ пользу Университета вся безъ исключенія, сколько оной послѣ законныхъ расходовъ отискаться можетъ. 3-е, Поелику благодѣтельное движеніе въ промыслѣ и торговлѣ, ожидаемое отъ сего общеполезнаго заведенія, не умедлитъ возчувствовать повсемѣстно въ Губерніи, то полагается всепокорнѣйше просить Его Превосходительства Г-на Гражданскаго Губернатора о извѣщеніи уѣздныхъ и заштатныхъ городовъ сей Губерніи о сихъ положеніяхъ здѣшняго Гражданства и о снисходительномъ приглашеніи со стороны Его Высокопревосходительства къ таковому вѣрноподданническому и патріотическому содѣйствію на пользу общую, въ которомъ конечно ни одинъ благонамѣренный гражданинъ отказать не можетъ, тѣмъ паче, что предвидимыя и не сумнительныя выгоды вознаградятъ малое сіе пожертвованіе сторицею.

При семъ случаѣ здѣшнее общество Гражданъ полагаетъ всеподданнѣйше представить, чрезъ кого слѣдуетъ, Всемилостивѣйшему Государю, что по неимуществу большой части здѣшнихъ городскихъ жителей и скудости жилищъ ихъ, постоянное пребываніе воинскихъ командъ и прочіе постои для нихъ крайне отяготительно, особливо несовмѣстно оно будетъ тогда, какъ, прежде нежели ум-

ножатся домы, должно будетъ помѣщать великое число Студентовъ и другихъ ученыхъ чиновниковъ, которые всеконечно наполнять сей городъ, какъ скоро Университетъ откроется; по сей причинѣ не благоволитъ ли Всемилостивѣйшій Монархъ изъ особеннаго милосердія Своего и изъ уваженія къ сооружаемому по благодѣтельной воли Его великому училищу, по скудости и малонаселенности города, уволить его отъ постоя, исключая тѣхъ командъ, которымъ проходить будетъ должно.

ЭПИТАФІОНЪ,

ИЛИ

Надгробное надписаніе въ житіи мирстѣмъ высоцѣ въ Бозѣ пречестнѣйшему Господину его милости Отцу Собора, иже въ царствующемъ градѣ Москвѣ Благовѣщенскаго Іерею Протопопу и Духовнику Самодержавнѣйшаго Государя увѣнчаннаго Императора Петра 1-го Великаго и увѣнчанныя Императрицы Екатерины Алексѣевны, по самую Его Пресвѣтлую Величества кончину бывшему Тимоѳѣю Васильевичу Надаржинскому, — въ иночествѣ же Смиренному Троицкаго Монастыря старцу Іеромонаху Товію во незабвенную память трудовъ и подвиговъ во благочестивомъ и непорочномъ его житіи подъятыхъ сочиненное.

Предвидѣннымъ уставомъ тайныхъ Судебъ Бога
Честно, славно и свято живша лѣта многа,
Мужа словомъ и дѣломъ достойно блаженна,
Душею въ Небо вшедша, тѣломъ погребена
Въ предѣлѣ семъ всякъ хотяй испытно познати,
Приступль къ сему образу, потщися внимати,
Окрестъ начертанному съ надписаньми дѣлу.
Сіе тебѣ жизнь его символуетъ цѣлу,
Стихи же изъявлятъ ти, кто бѣ и откуду,
Како, колико и гдѣ причастенъ бѣ труду.
Отъ корене честного родителю сія,
Въ земли Сармастской вѣтьва израстши въ Святія
Россійскія предѣлы пресаждена къ плодну,
Прицѣплена бысть къ древу, дому благородну,

Но не на древо онъ, ни на богатство и славу,
Возложи надежду, мысль имущъ къ Богу праву,
Ниже предпочте родъ, ни супруги и дружбу,
Надъ еже приносити Богу присну службу;
Остави мертвымъ своя погребати мертвы,
Самъ возжела текти въ слѣдъ Христовъ, дабы жертвы
Безкровни приносити за себе и люди,
Богу, кой Богъ на то изволи рекъ: буди.
Возведе и на степень Іерейски власти,
Юже избра, благія сподобляетъ части.
Его, яснѣе, влія силу благодати,
Своей въ Санѣ Священства добрѣ успѣвати.
И тако чести Божей тезоименъ сущи,
Къ чести Бога и славѣ всегда мысль имуще,
Успѣваетъ Священствомъ дѣтельми и нравомъ
Образъ свѣтелъ бываетъ всѣмъ житіи правомъ,
Зритъ всякъ вѣдущій кротость его и незлобно
Житіе въ Іерействѣ, и блатоутробно
Подвигшися, не хотѣ сего свѣта крыти,
Сего подспудомъ, иже поставленіи быти
Имъ на свѣщницѣ, да не токмо Россія
Узритъ добрыхъ дѣлъ его свѣтъ; но иныя
Страны, и прославятъ отца си небесна,
И се Тимоѳѣй съ сего Іерейска честна
Чина въ Протоіерейскій честнѣйшій восходитъ.
Тако Богъ любящія себе выспрь возводитъ.
Но несе открывшему путь свой къ Богу исто
Божіи вся строящъ промыслъ, избираетъ мисто.
Не лишаетъ въ вѣдомствѣ Тростянецкомъ жити,
Того, его же избра въ чести возвысити,

Ни посредѣ нижайшихъ чиновъ малы трости,
Ниже между общими человѣки прости,
Но между высокими въ достоинствѣ кедры
На Ливанѣ Російскомъ растущими щедры,
И Милосердый Богъ тѣмъ отрадна Юдола
Имя Тимоѳѣево даже до Престола
Государственна дойти устрояетъ слухомъ,
Перваго же Велика Петра Святымъ духомъ
Подвигъ призвати къ себѣ и Саномъ почтити
Капелліанства, ежебы не отступно жити
При лицу си Монаршемъ и въ Сицевомъ чину
О побѣдѣ Россійской молебствовать вину.
Пойде съ тысяща седьмь сотъ третья вслужбу года
Званный къ Императору, оставль весь сонмъ рода,
Возложъ руку на рало, незря вспять, течаше,
Домъ, други, чада, жену, аки забывъ бяше,
Въ Авраамстѣй ревности и теплотѣ мнозѣ,
Потекъ вслѣдъ втора сильна владыки по Бозѣ,
Петра Императора Перва и Велика,
Предъ егоже очима показа толика
Добрыя дѣла яко Монарха Россіи,
Видя его смиренъ нравъ и дѣйства благіи
Удостояетъ его толь избраны части,
Душу свою Монаршу вдаетъ его власти,
А при Императорѣ и Императрица
Приняла въ духовника, и прочія лица,
Высокіе отъ Князей и отъ Боляръ славны
И многи знамениты и въ Арміи главны
Устроенъ те Духовнымъ отцемъ въ вѣрѣ тако
И любви къ Монарху си твердо стоялъ, яко.

Съ начала службы ни въ чемъ явися препята
Даже до года седьмь сотъ двадесятъ девята;
Чрезъ двадесятъ и шесть лѣтъ службы Государю
Всяку бранному бѣдству и зною и вару
Вездѣ причастникъ бывши въ сей свѣтской брани,
Мужественно идяше на огнь и на раны.
И яко же Павелъ рекъ о любви Христовой,
Тако сей, непрестанно въ Совѣсти готовой
Сущи, можаше рещи, что отъ твоей, Боже,
Любве, и Государя моего никтоже
Можетъ мя разлучити, велики бо труды
Неустрашеннымъ умомъ и подвиги всюди
Понесе: бѣды, страхи, и смертны навѣты,
Ходящъ моремъ многими и землею лѣты,
Сначала войны Шведской, при Петру Первѣму
Благу бысть присутственъ случаю и злому.
Не бѣ приступу ниже штурму, кровава гдѣ ли,
Нань же бы Тимоѳѣя очеса не зрѣли,
И въ Прутовой Турецкой акци тягчайшей
Жертву Богу въ Вѣрѣ и Надеждѣ крѣпчайшей
Приносилъ молящи, да бѣсурманъ навѣты
Не успѣваютъ Христова раба одолѣти;
Идѣже коликъ страхъ бѣ, вѣдятъ токмо тыи,
Ни внизовомъ Персидскомъ походѣ остая
Монархи, и на морѣ; гдѣ тако взирая
Яко волны кораблемъ погрязати престяху
И сущіи въ нихъ жизни отчаяли бяху,
Но крѣпки въ Вѣрѣ, полнъ сый духа благодати,
Возмужествѣ Монарху Богу уповати.
Самъ же въ теплотѣ сердца начатъ мольбы горѣ

Возносити, да волны утишатся вскорѣ
И толь молебны вопли его преуспѣли,
Яко Монарха свой на берегъ изыйде цѣлый.
Се трудъ, подвигъ и жизнь при вѣрѣ постоянной
Мужа сего, иже, по благодати данной
Себѣ отъ Бога, тако житіемъ смиреннымъ
Преуспѣвшетъ и нравомъ во всѣмъ умѣреннымъ,
Яко не токмо Богомъ, но еще и тѣми
Возлюбися истинно, яже Богъ надъ всѣми
Россіяны оправда владѣти, что сими
Можно было познати знаменньми благими,
Яко часто милость ту Монаршу являху,
Любовнѣ аки чада отца посѣщаху;
И что токмо восхотѣлъ могъ въ тѣхъ испросити,
Како убо не имѣлъ тѣма любимъ быти?
Нѣсть сомнѣнія, яко та его любяста,
Яже обильны ему дары подаяста
Отчинами, деньгами и вещами драгими;
Между всѣми же вящше клеинотами сими,
Въ седьмь сотъ четвертомъ егда Нарву въ Свія
Отъять воинственною силою Россія,
За молебный подвигъ о побѣдѣ на врази
Крестъ съ мощми святыхъ обложенъ алмазы.
Обрѣтенъ въ Нарвской казнѣ, высокіи цѣною,
Въ даръ ему данъ властною Монархи рукою.
По семъ въ первомъ надесятъ седьмь сотомъ же году,
Егда мало отъ брани воспріять свободу
Императоръ Петръ 1-й, то милость множайшу
Явивъ ему; портретъ свой чрезъ свою сладчайшу
Супругу дарствовалъ есть, яже вземши Сама

Яко дщерь отцу пришитъ своими руками
Къ персемъ, да того носитъ на персехъ явственна, (*)
Его же съ любви въ сердцѣ носилъ сокровенна,
Дотоль, донелиже двадцать пята лѣта
По седьмь сотъ преиде Монархъ отъ временна свѣта
Въ безконечный на вѣки въ небѣ царствовати,
По неизглаголенной Тройцы благодати.
По умершемъ же Петрѣ первѣ и велицѣ
Мало чтось надъ единъ годъ и Императрицѣ
Царствовавшей абіе за своимъ супругомъ,
Отъ земли въ небо преиде кратки дни, недугомъ
Жестокимъ поболѣвши, юже купно гробу
Въ крѣпости Петербургской предавши утробу,
Аки бы съ нима погребъ въ великой печали,
Въ постѣ присномъ, онего жертвы дни не малы
Въ Петербургѣ и Москвѣ приношаше Богу,
Въ благодарство за милость ихъ Монаршу многу.
Тѣмъ же отъ службы своей получилъ свободу,
Пріиде къ любезнымъ чадамъ въ домъ кдрузьямъ и роду,
Въ отчину си Тростянець, въ ней же отъ начала
Въ добродѣтелехъ многихъ жизнь его сіяла,
Яже ему за службу Монархомъ наланна
Да будетъ ему наслѣдна, въ роды и родъ не странна.
И въ ней же потрудися въ верстѣ лѣтъ си младѣ
Въ ту по трудѣхъ прійде жить на старость въ отрадѣ,
Благословите сыны, дщери и ихъ дѣти,

(*). Портретъ сей, осыпанный брилліантами, хранится до сихъ поръ у наслѣдницы его имѣній, Княгини Софьи Алексѣевны Голицыной, урожденной Корсаковой, и будетъ приложенъ къ слѣдующему выпуску Молодика.

Отъ ихъ же очесъ многи удаленъ бысть лѣты,
Но недолго отецъ чадъ, чада отца зрѣли,
Не долго радость съ отца присутствія имѣли
Къ пришедшей бо печали, къ силѣ много утружденной
Старостію и труды весьма ослабленной,
Внезапу иная печаль приключися:
Алексія сына чрезъ смерть горьку лишися,
Иже въ мѣсяцы Маіи умерша, отцеви
Устрои въ жизни сей скорый исходъ къ Господеви,
Ибо погребши отецъ въ предѣлѣ семъ сына
Горчайшу испи скорби чашу отъ пелина,
Его же огорченный сицевой болѣзни
Пріятъ впредь, отъ него же до кончины жизни
Первобытнаго не могъ здравія пріяти,
Но день отъ дня силою сталъ ослабѣвати.
И едва отъ Маія, ко дню двадесяти пяту
Сентября провлече жизнь чрезъ пять мѣсяцъ святу,
Святу глаголю, ибо чрезъ мѣсяцы тыя
Вся мысла бяху его дѣйства святыя,
Едино то день и нощь размышляше дѣло
Како душу Богови, земли отдать тѣло.
Расположивъ домъ, чада, духовнымъ завѣтомъ
И что сниска имѣній чрезъ трудъ многимъ лѣтомъ,
Вся по части раздѣли на любезны дѣти
Увѣщая всякаго своимъ си довлѣти;
Остальную же свою часть въ обители многи
Опредѣли на нужду, и старцы убоги.
Самъ съ душею и тѣломъ точію остася,
Но еще и то стужно ему показася;
И та въ обитель сію пріятіемъ чина

Ангельска дастъ аки два пенязя вдовина,
И трохъ день точію въ семъ образѣ время,
Пожилъ, его же черезъ всю жизнь двизаше бремя
Въ Тройцу вѣрова въ жизни, Тройцы при кончинѣ
Обѣтъ даде служити; убо и въ семъ чинѣ
Тройца сама изволи три дни ему жити
Еже тѣмъ вѣру къ себѣ его всѣмъ явити;
Жизнь же въ мѣрности яко преведе всецѣлу,
Царскій путь держа даже къ смертному придѣлу,
Само Небо явися свидѣтель всѣмъ вѣрный,
Егда въ вѣсахъ Сентябрихъ на животъ безмѣрный
Прійти ему отъ сего временна устрои:
Се Богъ, небо и земля совѣсти благои
Мужу бывшу, поспѣхъ при смерти творили,
Дабы честно жившаго, честно преселили
Отъ тлѣнныхъ къ нетлѣннымъ, отъ земныхъ до небесныхъ,
Въ причастіе вѣчное Духовъ безтѣлесныхъ;
Свято съ міра въ иноки приуготовися,
Съ иноковъ въ міръ премирный свято преставися,
И погребенъ же свято святыми руками
Преосвященнѣйшаго въ семъ Троицка храма
Предѣлѣ Епископа Бѣлгородска, иже
Епифаній Тигорскій именемъ. Ты же
Чтущій стихи сія, и житію внимая
Мужа, здѣ погребена, буди подражая
Христа Іисуса надъ Лазаремъ слезъ токи
Проливши и воздохнувши отъ души глубоки,
Воздохни горѣ отъ сердца теплѣ прослезися,
Усерднѣ къ Тройцѣ Святой сице помолися:
Боже! въ Тройцѣ едине благости пучина!

Ты благоутробне, ты и милость Едина!
Соружившема храмъ сей въ твое Святое
Имя, въ наслѣдіе се даждь имя благое,
Дабы Тройцу и Святымъ Духомъ сыну
Съ сыномъ вѣчности предстояли выну.
Тройце! храмъ ти сей создати
Отцу съ сыномъ подай же во вѣкъ царствовати
Съ тобою Аминь тако буди.
Вси входяще въ Троичный сей храмъ желайте люди,
Вѣчная память да будетъ преставленнымъ,
Отцу съ сыномъ здѣ въ единомъ гробѣ положеннымъ.

Эта любопытная надгробная надпись можетъ служить историческимъ матеріаломъ для составленія біографіи замѣчательнаго историческаго лица, въ память котораго она написана. Она находится подъ изображеніемъ *Старца Іеромонаха Товія* (*) въ церкви вновь открытаго Ахтырскаго Троицкаго Монастыря, гдѣ и покоится прахъ Духовника Петра Великаго. Церковъ имъ же и сооружена, что видно изъ слѣдующей надписи, находящейся подъ мѣстнымъ образомъ, по правую сторону Царскихъ дверей:

«Во всѣхъ прославляемый бо въ честь и славу тричи-
«сленнаго своего имени устрои совершити храмъ сей
«1724 года при непобѣдимой державѣ Всепресвѣтлѣй-
«шаго Императора Россійскаго Петра Великаго, того
«жде года Коронованіе Ея Величества Государынѣ
«Императрици и Великой Княгинѣ Екатерини Алек-

(*) Это изображеніе, вмѣстѣ съ видомъ Ахтырскаго Монастыря, замѣчательнаго и по необыкновенной красотѣ своего мѣстоположенія, будетъ приложено къ слѣдующему выпуску Молодика.

«сѣвны, особливымъ иждивеніемъ и трудами ихъ «Величества Духовника прото-пресвитера Тимоѳея Ва-«сильевича.»

Мы со временемъ надѣемся доставить читателямъ подробнѣйшія свѣденія объ этомъ достойномъ историческомъ мужѣ, жизнь котораго къ сожалѣнію до сихъ поръ мало извѣстна, равно какъ и о самомъ Ахтырскомъ Монастырѣ, вновь открытомъ 3-го Іюля 1843 года, и существовавшемъ еще во времена Татаръ, если вѣрить преданіямъ. Онъ былъ *возобновленъ* въ 1671 г., по просьбѣ Польскихъ выходцевъ, принесшихъ съ собою *всю церковную утварь*.

Издатель.

ПРЕДАНІЯ ИЗЪ ВѢКА ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ. (*)

Малороссія и Украина подарили матери своей Россіи многихъ государственныхъ сановниковъ; въ числѣ ихъ занимали конечно мѣста знаменитыя два незабвенныхъ лица Екатерининa вѣка: Канцлеръ, Свѣтлѣйшій князь Безбородко и Димитрій Прокофьевичь Трощинскій, бывшій, въ послѣдствіи, министромъ юстиціи, въ царствованіе Александра Благословеннаго.

Многіе Государственные мужи не чуждались развлеченія послѣ многотрудныхъ своихъ занятій: но это не мѣшало имъ приносить существенную пользу отечеству и Государю. Таковъ былъ и свѣтлѣйшій князь Безбородко. Поработавъ безъ устали недѣлю, онъ, по тучности тѣла своего, имѣлъ необходимую нужду посвятить хоть одинъ день на отдыхъ, и этотъ день былъ — воскресенье. Какъ человѣкъ свѣтскій, онъ любилъ бесѣду съ людьми умными, но иногда любилъ и повеселиться на просторѣ. Изъ публичныхъ увеселеній предпочиталъ онъ всѣмъ прочимъ маскарадъ, гдѣ, спрятавъ докучливую пышность своего званія подъ таинственностью фантастическаго костюма, иногда подъ маскою, давалъ волю

(*) Все здѣсь описанное слышалъ я въ молодости моей отъ графовъ П. В. Заводовскаго и А. И. Васильева, при лицѣ и подъ личнымъ руководствомъ которыхъ началъ я мою службу и сохраняю эти и другія того же рода преданія, какъ святыню. Впослѣдствіи, имѣлъ я два случая повѣрить истину слова двухъ покойныхъ графовъ бумагами, доставшимся послѣ Д. Н. Трощинскаго одной близкой ему особѣ.

своему острому и находчивому уму, и предавался интригованью маскарадному съ какимъ-то юношескимъ увлеченіемъ. Случалось, что послѣ такой остроумно и весело проведенной ночи, онъ возвращался домой — довольно поздно, или вѣрнѣе сказать — рано поутру: часу въ четвертомъ или пятомъ заполночь. Само по себѣ разумѣется, что *понедѣльничные* доклады бывали иногда и не такъ легки для князя, послѣ ночной безсонницы. Они начинались всегда въ 8 часовъ утра и продолжались до 11, при волосочесаніи Государыни Императрицы. Иногда случалось Великой Монархинѣ подмѣчать необыкновенную усталость своего умнаго докладчика и она, шутя, намекала ему на такое утомленіе, значительно спрашивая: здоровъ ли онъ; но, никогда не гнѣвалась, ибо умѣла оцѣнивать его высокія государственныя способности и усердіе къ своей особѣ.

Какой то безталанный или упрямый проситель выбиралъ, какъ нарочно, этотъ роковой день для объясненія дѣла своего князю, когда тотъ, выходя въ аудіенцъ-залу, торопился къ утреннему докладу во дворецъ. Иногда, ему просто отказывали за недостаткомъ времени его выслушать въ этотъ день, иногда пробивался онъ сквозь всѣ заставы приличія и, преслѣдуя князя на пути къ каретѣ, въ догонку, разсказывалъ ему нужду свою, и получалъ въ отвѣтъ обыкновенную формулу: «будьте благонадежны!» Но какъ его слушали съ разсѣяніемъ, то столь же скоро и позабывали, что едва выслушивали. Между тѣмъ, дѣло просителя оставалось какъ было — in statu quo....

Наскуча слушать одно и тоже, затѣйливый проситель рѣшился на отчаянное дѣло: стакнувшись съ ѣздовымъ князя, подстерегъ онъ послѣдняго при выходѣ на крыльцо;

но лишь только ѣздовой усадилъ тучнаго вельможу, закутаннаго въ соболью свою шубу, проситель вскочилъ за нимъ въ карету. Лакей, будто бы не догадываясь, кто сей незваный спутникъ, прихлопнувъ двери, закричалъ: «Пошелъ!» Кучеръ махнулъ по парѣ шорныхъ лошадей, на которыхъ князь обыкновенно ѣздилъ, и, прежде чѣмъ канцлеръ опомнился отъ внезапнаго появленія спутника своего въ каретѣ, погналъ по понедѣльничному обычаю во дворецъ. Пользуясь столь необычайнымъ случаемъ, проситель умолялъ извинить его дерзость, какъ единственное средство обьяснить его свѣтлости дѣло, нетерпящее отлагательства, и вручилъ ему мастерски изложенную записку.

Оригинальность этого новаго способа объясненія такъ показалась забавною князю, что онъ улыбался, прочелъ изложеніе дѣла, и найдя его справедливымъ, не только не разсердился на просителя, такъ нагло взявшаго его приступомъ; но, въ этотъ же самый день, доложилъ о дѣлѣ его Императрицѣ, и кліентъ его получилъ желаемое.

Анекдотъ сей разошелся вскорѣ по городу и дойдя до ушей Императрицы, заставилъ ее провести нѣсколько веселыхъ минутъ; между тѣмъ она чувствовала, что старику князю точно была нужда въ помощникѣ, который бы облегчилъ хоть нѣсколько обязанности ея вѣрнаго и заработавшагося сановника.

Любезный князь! сказала однажды вѣнчанная мать Россіи своему канцлеру: чувствую, что бремя дѣлъ вашихъ не полѣтамъ. Мнѣ сказывали, что у васъ есть исправный правитель Канцеляріи Трощинскій; дозволяю вамъ иногда присылать его ко мнѣ вмѣсто себя съ докладомъ, а особенно *по понедѣльникамъ!*

Князь былъ очень радъ возложить часть своего бремени на человѣка, ему преданнаго и — *въ первый за тѣмъ понедѣльникъ*, — Д. П. Трощинскій отправленъ былъ съ докладомъ канцлера во дворецъ.

Первый докладъ сей, при всей смѣтливости и смѣлости Трощинскаго, крайне бы затруднилъ его, если бы сама Императрица, съ свойственною ей ангельскою добротою, не поддержала его своимъ милостивымъ снисхожденіемъ. Ободренный ею, онъ превосходно исполнилъ свое дѣло, какъ будто бы вѣкъ былъ *докладчикомъ* (такъ назывались тогда нынѣшніе статсъ-Секретари). И Царица, и князь, и докладчикъ всѣ остались довольны. Вскорѣ, увидѣла великая Екатерина кто былъ Трощинскій, и разгадала въ немъ будущаго государственнаго мужа. Онъ былъ тогда еще Коллежскимъ Совѣтникомъ и не имѣлъ ни одной звѣзды: Монархиня пожаловала ему владиміра 2-й степени, и при первомъ случаѣ произвела въ Статскіе Совѣтники, по званію Докладчика, уже занимаемому имъ de facto.

Трощинскій былъ бѣденъ: имѣлъ только 17 душъ крестьянъ и 80.000 р. долгу. Находясь при пышномъ князѣ Безбородкѣ и увлеченный молодостью, онъ жилъ не по состоянію, въ надеждѣ случая — отличиться, послужить и обратить на себя вниманіе своей Монархини, такъ высоко цѣнившей заслуги. Государыня все это узнала и боясь, чтобы Трощинскій, которымъ она очень была довольна, не впалъ въ какое нибудь искушеніе при такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, рѣшилась испытать его честность и безпристрастіе. Для этого нарочно выбрала она одно *казусное* дѣло, и разказавъ его содержаніе, поручила Трощинскому написать докладъ въ пользу одного изъ тяжу-

щихся. Порученіе это повергло Трощинскаго въ величайшее затрудненіе: тотъ, къ кому, повидимому, благоволила Императрица, былъ не правъ. Несмѣя отговариваться, Трощинскій попросилъ дѣла для соображенія обстоятельствъ и сроку до слѣдующаго доклада. Ну, что! спросила Екатерина, увидѣвъ входившаго докладчика: исполнилъ ли вы мое приказаніе. —Нѣтъ, всемилостивѣйшая Государыня! «— А почему?» — Не могу; это было бы противъ моей совѣсти: воля ваша — законъ; повелите, — то и будетъ, но я былъ бы безчестнымъ исполнителемъ вашей воли; если бы, прежде исполненія, усомнился довесть истину до престола вашего. Лицо, которое повелѣли мнѣ защищать, недостойно монаршаго заступленія, а обвиняемый—правъ.«— Императрица улыбнулась и восхищенный Трощинскій вскорѣ узналъ, что все это было лишь испытаніе его добросовѣстности: сама правосудная владычица Россіи была однихъ мыслей съ своимъ докладчикомъ на счетъ этого дѣла. Съ тѣхъ поръ, приняла она твердое намѣреніе оградить вѣрнаго слугу своего отъ сѣтей и соблазновъ, которыми люди злонамѣренные могли бы уловить его испытанную честность. Однажды, другой докладчикъ, Стрекаловъ, предварилъ его втайнѣ, что ему готовится неожиданная царская милость, и милость эта была истинно царская! При входѣ Трощинскаго въ кабинетъ Императрицы, она, встрѣтила его улыбкою и сказала: «здравствуй, *баринъ*!» — Трощинскій остановился въ изумленіи и не зналъ что отвѣчать. Екатерина повторила свой привѣтъ и смущеніе докладчика еще болѣе усилилось. «Садись, *баринъ*!» сказала ему еще разъ Великая, и когда онъ сѣлъ, Монархиня выняла изъ столоваго ящика бумагу и подала ему.... Трощинскій развер-

нулъ и остолбенѣлъ: онъ читалъ указъ, которымъ ему пожаловано было помѣстье съ 5000 *душъ крестьянъ!*.. Съ трепетнымъ благоговѣніемъ и слезами на глазахъ пролепеталъ онъ вѣрноподданическую благодарность свою Императрицѣ, упалъ къ стопамъ ея и облобызалъ ея колѣна. Государыня подняла добраго слугу царскаго и изволила протянуть ему свою щедрую руку. Онъ прижалъ ее къ устамъ своимъ и, внѣ себя отъ умиленія, почти рыдая, благодарилъ ее безмолвно слезами и вторично упалъ ей въ ноги. Милосердая Царица снова подняла его и сказала: «довольно, довольно!» — Чѣмъ заслужилъ я такія монаршія щедроты? спросилъ растроганный Трощинскій. — «Твоимъ умомъ, твоею дѣятельностью, твоимъ усердіемъ. Теперь прошу тебя объ одномъ: не покидай меня, послѣ этого, *новый баринъ*!» прибавила она, шутя. — «Мнѣ покинуть службу вашего Величества!» сказалъ изумленный сановникъ. — «Да, мой другъ, ты былъ бы не первый изъ облагодѣтельствованныхъ мною. Многіе, получивъ желаемое, удалились изъ службы моей, въ тѣ самыя помѣстья, которыми я дарила ихъ!» — «Пусть Богъ оставитъ меня, возразилъ Трощинскій, если я подумаю когда либо оставить мою благодѣтельницу, мое второе Провидѣніе! что бы ни случилось со мною, Бога всемогущаго призываю въ свидѣтели моей клятвы!» — «Хорошо, отвѣчала Екатерина: теперь, примемся за дѣло: тысячи ждутъ судьбы своей; мнѣ дорога каждая минута!» — И она занялась дѣлами. Трощинскій едва могъ говорить отъ избытка чувствъ и докладъ этотъ, какъ самъ онъ сознавался потомъ, былъ для него самымъ труднымъ, не смотря на великую способность сего облагодѣтельствованнаго Царицею вѣрноподданнаго

Трощинскій исполнилъ клятву свою, и, до самой кончины блаженной памяти Государыни Императрицы Екатерины второй именемъ, великой дѣлами, не оставлялъ ея службы.

Такъ награждала великая Монархиня своихъ вѣрныхъ слугъ и самыя щедроты свои умѣла растворять такою ангельскою добротою, что удвояла ихъ цѣну. Признательное потомство благословляетъ память ея и платитъ ей любовію къ достойнымъ ея внукамъ!...

П. Корсаковъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ ЛИТОГРАФИЧЕСКИХЪ СНИМКОВЪ.

Два письма Императора Петра Великаго.

№ 1-й

Къ Іерею Тимоѳью Васильевичу Надаржинскому, бывшему Духовнику Его Царскаго Величества (въ иночествѣ же Троицкаго Монастыря Іеромонахъ Товій.)

ЧЕСТНЫЙ ОТЧЕ!

Предъ симъ, съ деньщикомъ моимъ Семеномъ писалъ ты ко мнѣ, и прислалъ Малороссійское письмо свояка своего о нѣкоторыхъ нужныхъ доношеніяхъ; на которое я въ тотчасъ-первое за болѣзнію своею, другое за наступленіемъ непріятельскимъ отвѣтствовать не могъ; нынѣ же, свободяся съ помощію Божіею отъ обоихъ, отвѣтствую, что свояка своего изволь прислать сюда ради лучшаго выразумленія; а самъ куда ѣхать съ пѣвчими, о томъ впредъ немедленно буду писать.

Piter.

Изъ Бѣшенковъ,
8 дня Марта 1708.

№ 2-й

КЪ ПЕТРУ МИХАЙЛОВИЧУ БЕСТУЖЕВУ.

Гофмейстеру Герцогини Анны Іоанновны. (Въ Митаву.)

Понеже въ бытность нашу въ Курляндіи слышалъ я отъ шляхты, что онѣ намѣрены выбирать себѣ Князя (понеже нынѣшній бездѣтенъ и старъ), дабы по смерти сего былъ уже готовъ, того ради, ежели сіе будетъ, то заранѣ нарочитымъ изъ нихъ за секретъ объяви, чтобъ онѣ безъ согласія съ нами, яко ближними сосѣдьми ни кого не назначали, но первѣе съ нами снеслися, кого хотятъ.

Петръ.

25 Февраля 1716.

(Печать)

№ 3-й

Fac—simile Святаго Митрополита Ростовскаго Димитрія, Богослова. (Изъ собственноручной его рукописи, хранящейся въ Библіотекѣ Харьковской Духовной Семинаріи: Лѣтописъ келейный смиреннаго Димитрія, Архіерея Ростовскаго и Митрополита Іарославскаго отъ начала міробытія до Ржтва Хртова, его же Архіерей тими трудами сочиненный со Ржества Хртова 1708 лѣта. Помыслихъ дни первыя и лѣта вѣчная помянухъ и поучихся. псалѡ: os).

—Образъ Божій и подобіе не въ тѣлѣ человѣческомъ образуется, но въ душѣ: ибо Богъ не имѣяшіе тѣла *стр.* 7.

—Пощади и именованіе Христіанско, да не хулится тебѣ ради имя Господа нашего Іисуса Христа Сына Бо-

жія: но исправися покаяніемъ, и покажи добрыми дѣлы жива тя и истиннаго Христіанскаго быта, да по имени твоемъ будетъ и житіе твое, стр. 57.

№ 4-й

Снимокъ съ стариннаго почерка. Изъ духовнаго завѣщанія Генеральнаго—Обознаго Ивана Ломѣковскаго-1714 г. напечатаннаго въ семъ сборникѣ.—Съ печатью.

№ 5-й

Графа Николая Петровича Румянцова. Изъ письма его къ кн. А. М. Голицыну, напечатаннаго на 23 стр. сего сборника.

№ 6-й

Князя Александра Михаиловича Голицына. Post scriptum къ слѣдующему письму его въ Харьковскій Коллегіумъ почтеннымъ господамъ: Префекту и Богословіи учителю Протоіерею Андрею Прокоповичу; Философіи высшаго краснорѣчія и сельской экономіи учителю Александру Бирунову; Риторики, Исторіи и Географіи учителю Священнику Василію Ѳедоровскому; Поэзіи и Нѣмецкаго языка учителю Михаилъ Ольховскому; Синтаксимы учителю Протодіакону Іакову Александрову; средняго грамматическаго класса и Ариѳметики учителю Ивану Гнѣдичу; нижняго грамматическаго класса и Греческаго языка учителю Якову Веселовскому; Математики и рисовальнаго искуства учителю Ивану Чудновскому:

Прошу васъ принять благосклонно истинное мое благодареніе за письмо ваше отъ 24 Декабря истекшаго года и за пріятное онаго для меня содержаніе по поводу насту-

пившаго новаго столѣтія. Я взаимно всѣхъ васъ вкупѣ поздравляю со вступленіемъ въ оное, яко единственный въ жизни случай и отъ всея искренности желаю вамъ всякихъ благъ въ продолженіи онаго.

и проч. и проч. и проч.

Изъ Москвы 28 Мая 1801 года.

№ 7-й

Подпись Гетмана войска Запорожскаго Богдана Хмѣльницкаго, поддавшагося Царю Алексѣю Михайловичу въ 1654 г.

№ 8-й

Ивана Скоропадскаго, бывшаго еще Полковникомъ Стародубскаго полка. Съ печатью.

№ 9-й

Его же Гетмана. Съ печатью.

№ 10-й

Ивана Мазепы.

№ 11-й

Полковника Михаила Миларадовича. Съ печатью.

№ 12-й

Бригадира Ѳеодора Владиміровича Шидловскаго, управлявшаго 5 Слободскими полками при Петрѣ Великомъ. Изъ *данной*, напечатанной въ семъ сборникѣ. Съ печатью.

№ 13-й

Ивана Чарныша, Генеральнаго судьи. Съ печатью.

№ 14-й

Павла Полуботка, наказнаго Гетмана. Взята съ его оффиціальнаго по службѣ письма къ Полковнику Михаилу

Милорадовичу. Февр. 8 1723 г. изъ Глухова. Подъ нимъ подпись Генеральнаго Бунчужнаго Лизогуба.

№ 15-й

Александра Палицына. Изъ письма его къ В. Н. Каразину 4 Іюля 1799 г.

Не требуйте никогда великодушія отъ душъ малыхъ, ума отъ дураковъ, терпимости отъ фанатиковъ, безкорыстія отъ алтынниковъ. . . . вы вѣрно также предохраните себя отъ ненависти къ людямъ, какія бы несправедливости отъ нихъ ни испытали. . . . . .

Всеискренной другъ вашъ
Александръ Палицынъ.

№ 16-й

Ивана Рижскаго, перваго безсмѣннаго Ректора Императорскаго Харьковскаго Университета.

№ 17-й

Статскаго Совѣтника В. Н. Каразина, испросившаго Высочайшее соизволеніе на основаніе въ городѣ Харьковѣ Университета (см. Вѣстникъ Европы, изд. Ник. Карамзинымъ 1802 г. № 16 стр. 235) и скончавшагося въ г. Николаевѣ 1842 года. Изъ письма къ издателю 1842 года, напечатаннаго въ этомъ сборникѣ.

Мы за 50 лѣтъ подъ чубомъ и въ украинской *свиткѣ* имѣли своего Пиѳагора, Оригена, Лейбница, подобно какъ Москва за 150 лѣтъ въ Посошковѣ своего Филанджіери,

а Харьковъ нынѣ имѣетъ своего Іоанна Златоуста (но Карамзинъ запретилъ исторически говорить о живыхъ!)

Василій Каразинъ.

Харьковъ,
Мая 2 дня 1841 года.

№ 18-й

Подпись Г. Сковороды.

Воля! О несытой адъ! всѣ тебѣ ядь: всѣмъ ты ядъ.
Старчик, Григ. Сковорода.

№ 19-й

Г. Ѳ. Основьяненко, замѣчательнѣйшаго Украинскаго Писателя, скончавшагося 8 Августа 1843 года. (*)

Дуже недобре дило брехати! Брехнею, кажутъ люди, свѝтъ проидешь, та назадъ невернешся.

Основьяненко.

№ 20-й

И. П. Котляревскаго, изъ собственно-ручной оды, (доставленной издателю изъ Полтавы Г. Сплитсессеромъ.)

ОДА САФО.

Щастливъ, кто близь тебя и о тебѣ вздыхаетъ!
Кто сладостью твоихъ плѣняется рѣчей:

(*) Біографія сего незабвеннаго, добродѣтельнаго мужа, *окрестившаго* Молодикъ, если можно такъ выразиться, будетъ вскорѣ напечатана въ слѣдующихъ выпускахъ сего изданія.

Кого привѣтствуешь улыбкою своей!
Безсмертныхъ тотъ боговъ въ блаженствѣ превышаетъ.

*

Увижу лишь тебя, жаръ въ тѣлѣ ощущаю,
Палящій льется огнь по жиламъ всѣмъ моимъ:
Душа смущается, предавшись чувствамъ симъ,
Языкъ нѣмѣетъ мой и слова даръ теряю!

*

Темнѣетъ свѣтъ въ глазахъ; слухъ ничему не внемлетъ:
Потъ хладный на челѣ, блѣднѣю — чуть дышу,
Въ смятеніи, страшусь, въ безпамятствѣ дрожу,
И представляемо, что смерть меня объемлетъ.

Полтава.
Апрѣля 8 дня 1817 г.

Виньетка изображаетъ Бандуриста, срисованнаго съ натуры.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА УДУ
Інв № 31771

ОГЛАВЛЕНІЕ.

НАУКИ И МАТЕРІАЛЫ.

Стр.

1. Основаніе Харьковскаго Коллегіума, нынѣшней Харьковской Духовной Семинаріи . . . . . 7.
2. Взглядъ на украинскую старину. *В. Н. Каразина* . . . . . 33.
3. Первыя войны малороссійскихъ козаковъ съ Поляками. *Н. Кастомарова* . . . . . 46.
4. Духовное завѣщаніе Генеральнаго Обознаго Ивана Ломѣковскаго, писанное въ Яссахъ Марта 25 дня 1711 года (сообщено *В. Н. Каразинымъ*). 71.
5. Очеркъ Малороссійскихъ повѣрій и обычаевъ, относящихся къ праздникамъ. *К. Сементовскаго* . . . . . 86.
6. Нѣсколько словъ объ Иванѣ Купалѣ. *А. В.* . . 107.
7. Переписка по поводу измѣны Мазепы . . . . . 113.
8. Подлинная бумага, почерка послѣдней половины семнадцатаго столѣтія, найденная между дѣлами Аптекарскаго Приказа, которыя сохранились въ архивѣ Медицинской Конторы въ Москвѣ (*сообщено В. Н. Каразинымъ*) . . . . . 131.

9. Библіотека Государей въ XVII столѣтіи . . . . 142.
10. Обзоръ сочиненій, писанныхъ на малороссійскомъ языкѣ, *Іер. Галки* . . . . . 157.
11. Русско-польскіе вельможи, статья первая, *Н. Кастомарова* . . . . . 186.

=

СМѢСЬ.

1. Данное письмо . . . . . 187.
2. Запись Салогуба . . . . . 189.
3. Выписки изъ писемъ Архитектора *Алферова* . . 190.
4. Стихотвореніе А. А. Палицына Гавріилу Романовичу Державину . . . . . 198.
5. Письмо А. А. Палицына къ В. Н. Каразину . 204.
6. Цѣна провіанту въ Харьковѣ въ 1732 году . . 225.
7. Условіе помѣщика съ учителемъ за 40 лѣтъ назадъ . . . . . 226.
8. Письмо къ издателю, съ приложеніемъ писемъ Сковороды. *В. Н. Каразина* . . . . . 229.
9. Выписки изъ писемъ Гр. Сав. Сковороды. *И. Срезневскаго*. . . . . 234.
10. Рѣчь, говоренная Августа 31 дня въ Собраніи Харьковскаго Дворянства—Депутатомъ его, Коллежскимъ Совѣтникомъ В. Н. Каразинымъ, испросившимъ Высочайшее соизволеніе на основаніе въ городѣ Харьковѣ Университета. . . 245.
11. Копія съ протоколовъ Дворянства и купечества предъ основаніемъ Императорскаго Харь-

ковскаго Университета 1802 года Сентября 1 дня . . . . . 271.

12. Эпитафіонъ, или надгробное надписаніе въ житіи мирстѣмъ высоцѣ въ Бозѣ пречестнѣйшему Господину его милости отцу Собора, иже въ царствующемъ градѣ Москвѣ Благовѣщенскаго, Іерею Протопопу и Духовнику Самодержавнѣйшаго Государя увѣнчаннаго Императора Петра 1-го Великаго и увѣнчанныя Императрицы Екатерицы Алексѣевны, по самую Его Пресвѣтлую Величества кончину бывшему, Тимоѳею Васильевичу Надаржинскому, — въ иночествѣ же Смиренному Троицкаго Монастыря старцу, Іеромонаху Товіи, въ незабвенную память трудовъ и подвиговъ, во благочестивомъ и непорочномъ его житіи подъятыхъ, сочиненное . . . . . 257.

13. Преданія изъ вѣка Екатерины Великой. Матеріалы для Исторіи. *П. Корсакова* . . . . 267.

14. Объясненіе литографическихъ снимковъ. . . . . 274.

=

Къ сему выпуску приложены: портретъ Князя М. М. Голицына, основателя Харьковскаго Коллегіума, семь листовъ литографическихъ снимковъ и планъ города Харькова, составленный Г. Петровскимъ.

К-151
Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХДУ
Інв. № 170033

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
11 —	6	указами	указали
61 —	21	козаковъ	Поляковъ
86 —	2	повѣрьевъ	повѣрій.
100 —	18	кромѣ для	кромѣ дня
109 —	5	можевельнику	можевельникъ
115 —	8	Государу Батушку	Государю Батюшкѣ
158 —	28	Семеона Полотцкаго	Симеона Полоцкаго.
168 —	28	плѣ нительные, не исчезающіе	плѣнительные, но изчезающіе
169 —	10	понятно ему	понятно уму
173 —	13	въ томъ родѣ	въ томъ народѣ.
173 —	25	ростянуто	растянуто
192 —	23	подъ Дупномъ	подъ Дубномъ
181 —	9	отщитись	отщетись
181 —	11	къ которой принадлежала Торквимада	къ которой принадлежалъ Торквемада
182 —	20	Галька	Ганька
204 —		какіе бы несправедливости	какія бы несправедливости

К-157
Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХДУ
Інв. № 170033

№ 1

+

Чести ѿче

Предъ сим здѣшнимъ моимъ Селяномъ, писалъ тыи
конѣ, і прислалъ мало росийскихъ тѣмъ своя
ка своего, о нѣкоторыхъ нужныхъ доношеніяхъ, на
которое ся, этотъ чаю, первое за болѣзню
своею, другое за наступленіе непріятелскимъ
ѿ дѣтства немогъ, нынѣ же свободяся спо
щию Божіею ѿ обоихъ ѿ дѣтствую. Что своя
ка своего изволъ прислать сюда ради лу
щего дирозуменія, а самъ куди ѣхать спѣ
чими ѿтомъ впредь немедлено будучи писать,

Іѣвшеиковъ ·2· Марта.

Piter.

1708

печат: у Литографа Импера Харь. Унив. Н. Богданова

№ 2

[illegible]

[illegible]

[illegible]

№ 3

Образъ Бр҃ій и подобіе не в тѣлѣ чл҃ческомъ образуется, но в дш҃ѣ. пощади и именованіе хр҃тіанско, да нехулится тебе ради имя гда нш҃его Іс҃а хр҃та сн҃а Бр҃іа: но исправися покаяніемъ, и покажи добрыми дѣлы жива тя и истиннаго хр҃тіанина быти, да поимени твоемъ будетъ и житіе твое.

№ 4

Мц҃ра Матѳа Бѳадцкая Пятого Бнѧ Іасафъ.

Іеѵанъ Ломѣковскій Сѵзнинъ

Боска Заваровского Енерѵнѵ

№ 5

Графъ Николай Румянцевъ

№ 6

P. S. присылаю также для извѣстія вашего прилагаю копію с объявленія моего посланного въ слободской украинской приказъ общественного призрѣнія.

Ut in Litteris. К. Александръ Голицынъ

печат. у Лито: Импер: Харь: Унив: Н: Богданова

№ 7

Богданъ Хмелницкій Гетманъ Войска
Его Кр. Мти Запорожского рука власна

№ 8

Богданъ Менованъ Полковникъ
Старосвѣтскій Войскъ Власною

№ 9

Богданъ Менованъ Гетманъ
Войскъ Власною

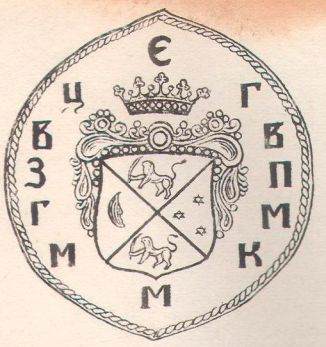
№ 10

Богданъ Менованъ Гетманъ Кавале
Войскъ Власною

печат. у Литог. Импер. Карт. Ульв. Н. Богданова

№ 11

Михаилъ Милорадовичъ



№ 12

[illegible]

№ 13

Его Царскаго Пр[illegible]тлаго Вл[illegible]тва, Войска Запорожскаго, Ордена Генералъ Иванъ Чарнашевъ

№ 14

Ехатий и пообнѣ до услуг
Его Императорскаго Пр[illegible]тлаго Вл[illegible]тва Войска
Запорожскаго Полковникъ Сер[illegible]й Иванъ Гетманъ
Павелъ Полуботокъ
Иванъ Лизогубъ Генералъ Бунчуковъ

[illegible] Лито Импер. Кар. Унив. Н. Богданова

№ 15

Не требуйте ни
когда великодушія отъ душъ малыхъ, ума отъ
гураковъ, терпимости отъ фанатиковъ, безкорыстія
отъ Актыльниковъ, и проч. и проч. также предъ-
охраните себя отъ ненависти къ людямъ, какіе
бы несправедливости отъ нихъ ни испытали,
какъ черезъ тридцать лѣтъ, вашъ

всепокорной слуга и вѣрной другъ

№ 16

Александръ Калицынъ.

Иванъ Рижскій.

№ 17

Мы подъ чубомъ
и въ украинской свитахъ имѣли своего Пиѳагора,
Оригена, Лейбница, подобно какъ Москва въ Посош-
ковѣ своего Фриланджіери, а Харьковъ нынѣ имѣетъ своего
Іоанна Златоустаго (но Карамзинъ запретилъ историче-
ски говорить о живыхъ!..)

Вашій Карамзинъ

Харьковъ.
Маія 2го дн. 1842го г.

печат. у Литов. Импер. Харь. Унив. Н. Богданова

№ 18

Воля! о несытой адъ! всѣ тебѣ ядь: всѣмъ ты ядъ.

Старчик, Григ. Сковорода

№ 19

Дуже не добре дѣло брехати! Брехнею, кажутъ люди, свѣтъ прійдешь, та назадъ не вернешся.

Основвяненко.

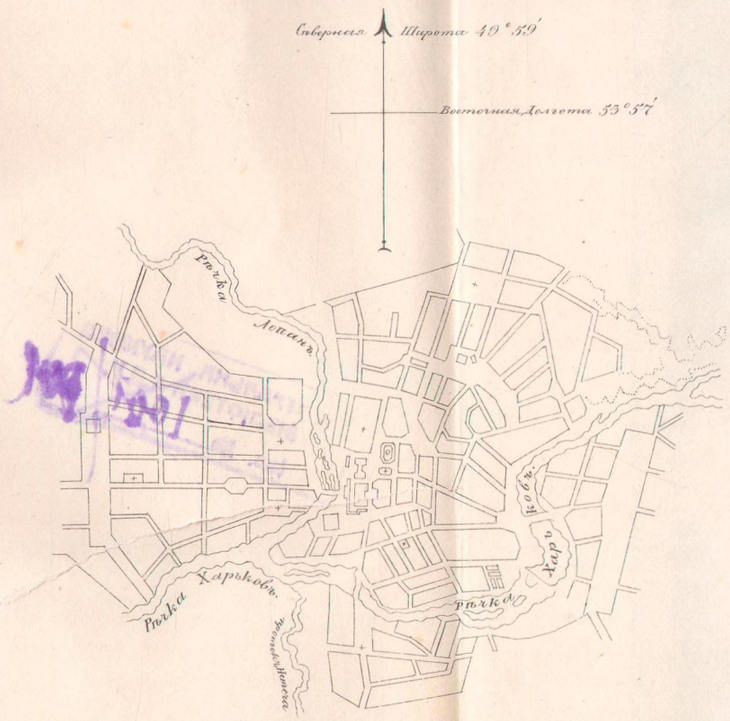
№ 20

Темнѣетъ свѣтъ въ глазахъ: слухъ ни чему невнемлетъ: потъ хладный на челѣ; блѣднѣю — чуть дышу, въ смятеніи, страшусь, — въ безпамятствѣ, дрожу, и представляется что смерть меня объемлетъ.

БАНДУРИСТЪ.

печат: у Лито: Интер: Харь: Унив: К. Гордин

ПЛАНЪ
ГОРОДА ХАРЬКОВА



Масштабъ въ Англинскомъ дюйм. 400 Сажень.

50. 100. 200. 300. 400. 600 Сажень.

Гербъ.	Число жителей	Сколько въ Городѣ капиталовъ.	Сколько Городъ имѣетъ дохода.	Сколько Ярмарокъ и какія именно.	Сколько строеній Городу принадлежащихъ и какія именно.	Разстоянія. отъ Столицъ.	Версты
Въ зеленомъ полѣ положенные крестообразно трое изсѣченія исходящими въ нихъ гладіями и рѣдущія или Меркуріевъ жезлъ изъявляющіе какъ изсѣченіе окружныхъ странъ того города такъ и торговли произведимую на ономъ бывающей тѣмъ знатной Ярмонки.	Мужеска 13,865. Женска 18,676. 32,541	По 1го гил. 4. По 2го гил. 15. По 3го гил. 208.	65,545. руб. 6 3/4 к. Серебромъ.	1) Крещенская — 6го генваря. 2) Троицкая. 3) Успенская — 15го Августа. 4) Покровская 1го — Октября. На всѣхъ сихъ Ярмаркахъ производится торговля до 8,092,607 р. 27 3/4 к. Серебромъ.	Подъ покровительствомъ. ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. 1) Зданіе для Института благородныхъ дѣвицъ. На суммы Дворянскія: 2) Корпусъ для Дворянскаго Собранія. Вѣдомства Путей Сообщенія 3) Арестантскія Роты Гражданскаго Вѣдомства Вѣдомства Военнаго: 4) Жандармскія конюшни. 5) Провіантскій Магазинъ. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ: 6) Корпусъ Присутственныхъ мѣстъ. 7) Тюремный Замокъ. Въ вѣдѣніи Приказа Общественнаго Призрѣнія: 8) Богоугодныя Заведенія. Вѣдомства Почтоваго: 9) Домъ Губернской Почтовой Конторы. Городскія: 10) Корпусъ для Полиціи. 11) 2я Соттжая Часть 12) Гауптвахта. 13) Старое строеніе бывшій Институтъ. 14) Вотхій деревянный Домъ. Министерства Народнаго Просвѣщенія: 15) Университетъ. 16) 1я Гимназія. 17) 2я Гимназія. 18) Уѣздное Училище. Вѣдомства Духовнаго: 19) Коллегія. 20) Семинарія. 21) Архіерейскій Домъ.	Отъ С. Петербурга. Отъ Москвы.	1433. 712 4/4.

Издано у Литографа Ѳеклр. Ѳорск: Ѳрнб. Ив. Богдановъ.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ХДУ
Інв. №